

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Т.М. ФАДЕЕВА

**В КРЫМСКОМ ИЗГНАНИИ.
Н.Н. РАЕВСКИЙ-мл. и М.С. ВОРОНЦОВ
В ПИСЬМАХ И В ЖИЗНИ.
1834–1844 гг.**

По материалам «АРХИВА РАЕВСКИХ»

МОНОГРАФИЯ

**МОСКВА
2023**

УДК 94 (47)
ББК 63,3 (2)
Ф 15

Рекомендовано к печати Ученым советом ИНИОН РАН

Рецензенты:

В.Ф. Козлов, кандидат ист. наук,
вед. науч. сотр. Института наследия им. Д.С. Лихачева.
М.Е. Колесникова, доктор ист. наук, зав. кафедрой истории России
Северо-Кавказского федерального университета.

Фадеева Т.М.

Ф 15 В крымском изгнании. Н.Н. Раевский-мл. и М.С. Воронцов в письмах и в жизни. 1834–1844 гг. По материалам «Архива Раевских»: Монография / РАН, ИНИОН, Отд. истории; автор и переводчик канд. ист. наук Т.М. Фадеева; отв. за выпуск И.Е. Эман. – Москва: ИНИОН РАН, 2023.
ISBN 978-5-248-01052-3

Книга создана по материалам «Архива Раевских» (1909-1915), посвящена последнему десятилетию жизни Николая Раевского-младшего - сына известного героя войны 1812 г. и его дружбе с генерал-губернатором Воронцовым М.С. Назначенный в 1837 г. Николаем I начальником Черноморской Береговой линии, Николай Раевский внес весомый вклад в освоение крымского и кавказского побережий как военный и как исследователь природы Причерноморья. Материалом для освещения этого периода жизни Раевского стали адресованные ему написанные на французском языке частные письма Воронцова (1837-1842 гг.), а также письма его соседей по побережью кн. А.С. Голицыной, Ж. Беркейм, его невесты, затем жены А.М. Бороздиной, Т.Б. Потемкиной и др., собранные в 5-томном «Архиве Раевских».

Книга предназначена для историков, обществоведов, студентов, аспирантов и всех, интересующихся русской историей и культурой.

The book is largely based on the materials of the "Rayevsky Archive"(1909-1915), dedicated to the last decade of the life of Nikolai Rayevsky Jr., the son of the famous hero of the War of 1812 and to his friendship with Governor-General Vorontsov M.S. Appointed in 1837 by Nikolai I as the head of the Black Sea Coastline, Nikolai Rayevsky made a significant contribution to the development of the Crimean and Caucasian coasts as a military and administrator, and as a researcher of the nature of the Black Sea region. Private letters of Vorontsov (1837-1842) addressed to him, written in French, as well as letters from his neighbors along the coast by A.S. Golitsyna, J. Berkheim, his fiancée, then his wife A.M. Borozdina, T.B. Potemkina, etc., collected in a 5-volume "Archive Rayevsky", became the material for covering this period of Rayevsky's life.

The book is intended for historians, social scientists, undergraduates, postgraduates and anyone interested in Russian history and culture.

УДК 94 (47)
ББК 63,3 (2)

ISBN 978-5-248-01052-3

DOI: 10.31249/krym/2023
© ИНИОН РАН, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Содержание	3
Аннотация	6
I. Введение	8
Военная карьера	13
Литературные интересы и дружба с А.С. Пушкиным	15
Раевский-мл. – ботаник. Основатель Новороссийска и Сухумского ботанического сада	25
Анна Бороздина-Раевская – хранительница памяти Раевских	28
II. Генерал-губернатор М.С. Воронцов и поворот в карьере Н.Н. Раевского-мл.	34
Раевский-мл. и отзвуки трагедии декабристов	34
Тессели и Кореиз: соседство Раевского-мл. и княгини А.С. Голицыной	44
Первые известия о гибели Пушкина: письма из Кореиза баронессы Беркгейм Н. Раевскому-мл.	50
Генерал-губернатор М.С. Воронцов и его участие в судьбе Раевского-мл.	55
Герой десанта 1838 г.	61
Противодействие английским тайным агентам	65
Занятия ботаникой. Сухумский ботанический сад	67
М.С. Воронцов и Н.Н. Раевский-мл. – сторонники налаживания мирных отношений с горскими народами Кавказа	69
Эпилог, или Запоздалое торжество миролюбивой политики Раевского-мл. – Воронцова.	74
III. Письма М.С. Воронцова Н.Н. Раевскому-мл.	79
IV. Николай Раевский-мл. и фрейлина Анна Бороздина	130
Семья А.Бороздиной и ее окружение	130
Накануне свадьбы: новое назначение Раевского-мл. и переписка с невестой	141
Отставка Раевского-мл. и семейные заботы	148
Болезнь и смерть Н. Раевского-мл.	153

V. А.М. Раевская – вдова: воспитание сыновей, семейные связи и научные интересы	160
Анна Раевская и семья Волконских: сибирские узники и их возвращение	163
Род Раевских: генеалогические разыскания Анны Раевской	179
Научные интересы Анны Раевской и ее пожертвования Московскому публичному и Румянцевскому музеям	185

CONTENTS

Table of contents	3
Annotation	6
I. Introduction	8
Military career	13
Literary interests and friendship with A.S. Pushkin	16
Botany classes. Raevsky-Jr founder of Novorossiysk and Sukhumi Botanical Garden	25
Anna Borozdina-Rayevskaya – keeper of the memory of the Rayevskys	28
II. Governer-general M.S. Vorontsov and the turn in the career of N.N. Rayevsky-Jr.	34
Rayevsky-Jr. and echoes of the tragedy of the Decembrists	34
Tessels and Koreiz: the Neighborhood of Rayevsky- Jr. and Princess A.S. Golitsyna	44
The first news of Pushkin's death: letters from the Koreiz of Baroness Berkheim to N. Raevsky- Jr.	50
Governor-General M.S. Vorontsov and his participation in the fate of Rayevsky-Jr.	55
The hero of the landing in 1838	61
Opposition to British agents	65
Botany classes. Sukhumi Botanical Garden	67
M.S. Vorontsov and N.N. Rayevsky- Jr. – supporters of establishing peaceful relations with the mountain peoples of the Caucasus	69
The epilogue, or the belated triumph of the peace-loving policy of Rayevsky- Jr. – Vorontsov	74

III. Letters of M.S. Vorontsov to N.N. Raevsky- Jr.	79
IV. Nikolay Rayevsky-Jr. and lady-in-waiting	130
Anna Borozdina, her family and her entourage	130
On the eve of the wedding: a new appointment and correspondence with the bride	141
Retirement and family worries	148
Illness and death of N. Rayevsky-Jr.	153
V. A.M. Raevskaya-widow: upbringing of sons, family ties and scientific interests	160
Anna Raevskaya and the Volkonsky family: Siberian prisoners and their return	163
Genealogical searches of the Rayevsky family	179
Anna Rayevskaya's scientific collections and her donations to the Moscow Public and Rumyantsev Museums	185

Николай Николаевич Раевский-младший.
Худ. П.Ф. Соколов, акварель. 1826 г.

АННОТАЦИЯ

Книга создана по материалам «Архива Раевских» (1909-1915), посвящена последнему десятилетию жизни Николая Раевского-младшего - сына известного героя войны 1812 г. и его дружбе с генерал-губернатором Воронцовым М.С. Назначенный в 1837 г. Николаем I начальником Черноморской Береговой линии, Николай Раевский внес весомый вклад в освоение крымского и кавказского побережий как военный и как исследователь природы Причерноморья. Материалом для освещения этого периода жизни Раевского стали адресованные ему написанные на французском языке частные письма Воронцова (1837-1842 гг.), а также письма его соседей по побережью кн. А.С. Голицыной, Ж. Беркгейм, его невесты, затем жены А.М. Бороздиной, Т.Б. Потемкиной и др., собранные в 5-томном «Архиве Раевских».

Книга предназначена для историков, обществоведов, студентов, аспирантов и всех, интересующихся русской историей и культурой.

Ключевые слова. Н.Раевский-младший, участник войн 1812 г., персидско-турецкой 1828-1829 гг., литературные интересы, дружба с А.С.Пушкиным, начальник Черноморской Береговой линии, его таланты военного и администратора, их оценка в письмах Воронцова Раевскому-мл., жена Раевская Анна Михайловна, хранительница памяти Раевских.

ANNOTATION

The book is largely based on the materials of the "Rayevsky Archive" (1909-1915), dedicated to the last decade of the life of Nikolai Rayevsky Jr., the son of the famous hero of the War of 1812 and to his friendship with Governor-General Vorontsov M.S. Appointed in 1837 by Nikolai I as the head of the Black Sea Coastline, Nikolai Rayevsky made a significant contribution to the development of the Crimean and Caucasian coasts as a military and administrator, and as a researcher of the nature of the Black Sea region. Private letters of Vorontsov (1837-1842) addressed to him, written in French, as well as letters from his neighbors along the coast by A.S. Golitsyna, J. Berkheim, his fiancée, then his wife A.M. Borozdina, T.B. Potemkina, etc., collected in a 5-volume "Archive Rayevsky", became the material for covering this period of Rayevsky's life.

The book is intended for historians, social scientists, undergraduates, postgraduates and anyone interested in Russian history and culture.

Keywords. N.Rayevsky- Jr., participant in the wars of 1812, the Persian-Turkish War of 1828-1829, literary interests, friendship with A.S.Pushkin, head of the Black Sea Coastline, his talents as a military and administrator, their assessment in Vorontsov's letters to Raevsky Jr., wife Raevskaya Anna Mikhailovna, keeper of the memory of the Raevskys.

I

ВВЕДЕНИЕ

Военная карьера. – Литературные интересы и дружба с А.С. Пушкиным. – Раевский-мл. – ботаник. – Основатель Новороссийска и Сухумского ботанического сада. – Анна Бороздина-Раевская – хранительница памяти Раевских.

...Раевский, с трубкою в зубах, в рубахе и с шашкою через плечо, стоял на носу лодки с Л.С. Пушкиным и плыл недалеко от нас. Он первый выскочил на берег, – и по всей линии загремел огонь наших стрелков... Занятие берега продолжалось недолго, и скоро мы стали обладателями нового куска земли. Раевский, проходя по линии со всем своим штабом, поздравлял войска, а за поясом у него торчал преогромный букет цветов кавказской флоры, который он набрал во время дела.

Н. Лорер, участник высадки

*...Теперь поговорим о другом. Даже если бы у меня давно уже не было бы проекта воспользоваться вашим назначением на этом побережье с тем, чтобы сообщать друг другу все о растительности по обоим берегам моря, – ваш рассказ моей жене об *Azalia Viscosa*, красота и аромат которой поразили вас в самый критический момент вашей высадки, возбудил бы у меня такое желание.*

М. Воронцов

Известно ли вам, что нельзя более польстить женщине, чем рассказом о том, что в момент высадки на вражеский берег с мечом в руке, с горящим взглядом, подобно Марсу или Ахиллу, думают о ней и желают преподнести ей букет азалии,

наполняющей воздух ароматом. Признайтесь, что это неотразимо; не одно воображение было бы в восхищении...

Приписка графини Е.К. Воронцовой.

М. Воронцов, письмо 571

Присоединение Крыма к России в конце XVIII в. поставило перед государственными, военными, общественно-политическими деятелями России немало проблем по освоению крымского и кавказского побережий, где во многом еще сохранялся средневековый уклад жизни. Деятельность даже наиболее выдающихся из них (Потемкин, Воронцов) содержит еще немало белых пятен. Поэтому обращение к изучению историй жизненного пути людей, внесших весомый вклад не только в становление Российской государственности на окраинах Российской империи, но и в развитие самих этих территорий, углубляет и систематизирует имеющиеся знания в области крымоведения и кавказоведения. Цивилизаторская деятельность таких фигур, как, например, Н.Н. Раевский-мл., ставший соратником генерал-губернатора М.С. Воронцова, дает возможность выхода на ряд узловых тем истории России, содержит потенциал как для реализации новых концептуальных подходов, так и для пересмотра историографических стереотипов.

Предлагаемая вниманию читателей книга раскрывает тему освоения Российской империей западного и восточного побережий Черного моря, вводя в научный оборот впервые публикуемую в русском переводе с французского частную переписку генерал-губернатора Новороссии М.С. Воронцова с генералом Н.Н. Раевским-мл., письма других лиц из их окружения (А.И. Казначеева, М.П. Лазарева, А.С. Голицыной, А.М. Бороздиной-Раевской и др.). Эти письма на французском языке впервые опубликованы во втором, третьем и четвертом томах пятитомного собрания «Архив Раевских», изданного внуком Раевского-мл. П.М. Раевским, под редакцией и с примечаниями Б.Л. Модзалевского, 1909–1915 гг.¹ Обширный эпистолярный материал позволяет привлечь внимание к широкому и плодотворному вкладу этих лиц в освоение крымского и кавказского побережий.

¹ Архив Раевских : в 5 т. / ред. и прим. Б.Л. Модзалевского. – Изд. П.М. Раевского. – Санкт-Петербург, 1908–1915. (Далее – АР. Сохраняется нумерация писем, используемая в издании.)

Эти впервые введенные в научный оборот источники не только помогают избавиться от ошибок и неточностей, встречаемых в имеющейся литературе, но и содержат ряд ранее неизвестных фактов биографий Раевского-мл. и Воронцова. Ввод в научный и общественный оборот ранее не публиковавшихся источников расширяет наши знания относительно рассматриваемого периода времени, умонастроений дворянской элиты, позволяет уточнить внутренние связи, реконструировать мировоззренческие и общественно-политические взгляды круга лиц, связанных с декабристами, в условиях атмосферы николаевской России. Приводимые в книге материалы из частной переписки представляют интерес не только для историков, но и для широкого круга специалистов в области крымоведения, кавказоведения, военной истории, истории дворянской культуры в целом.

Исследование раскрывает основные вехи одного из сложных периодов жизни Н.Н. Раевского-мл., назначенного в 1837 г. начальником Черноморской береговой линии, показывает социальные связи российских элит, рассказывает об их служебной деятельности и частной жизни. Частная переписка показывает характер отношений Н. Раевского-мл. с генерал-губернатором Новороссии и Крыма и будущим кавказским наместником М.С. Воронцовым, свидетельствуя о том, что приоритетом деятельности России на Черноморском побережье Крыма и Кавказа была не столько организация военных экспедиций против «немирных» горцев, сколько разработка мирных методов организации взаимоотношений империи с новыми подданными. Ботанические увлечения Раевского, как и Воронцова, занимавшие, как следует из писем, видное место в их частной жизни, имели чрезвычайно важные последствия в бытность Раевского-мл. начальником Черноморской береговой линии. Они совпадали с культуртрегерскими начинаниями самого Воронцова и фактически оказали значительное цивилизующее воздействие на кавказское побережье. С именем М.С. Воронцова связаны расширение деятельности Никитского ботанического сада; выписка из-за границы, аккультурация на черноморском побережье лучших сортов винограда. Кроме того, содействуя работе ботаника Х.Х. Стевена в Никитском ботаническом саду (как источнике саженцев разных плодовых и декоративных растений), Воронцов закладывает основы садово-паркового искусства на Южном берегу Крыма. С именем Раевского-мл. связаны основание Сухумского ботанического сада, обмен саженцами, распространение виноградарства на занятых территориях кавказского побережья.

Важность эпистолярных источников состоит в том, что они приближают к читателю действующих лиц, показывая их личные взаимоотношения, мотивы их поведения, политические взгляды. «Главное, однако, значение, – как справедливо замечает Б.Л. Модзалевский, – зачастую значение первоисточника, имеют документы II тома для истории войны с кавказскими горцами 1837 и следующих годов, рисуя театр военных действий и взаимоотношения военачальников не по одной официальной переписке их между собою, а по частным письмам, в которых незачем было, да и трудно скрывать свои чувства, в особенности с таким живым, общительным человеком, каким был Раевский».

Интерес к личности Раевского-мл. возникал еще у исследователей XIX – начала XX в., причем в поле зрения обычно включались как его военные успехи, так и общеизвестные симпатии Раевского к декабристам. Так, оба брата Раевские, Александр и Николай, были арестованы, но вскоре освобождены с «очистительным аттестатом»¹. Однако под командованием Раевского-мл. служило немало разжалованных декабристов, и дружеское общение с ними послужило поводом для новых преследований и временной отставки от военной службы.

Поэтому практически не нашло освещения последнее десятилетие недолгой жизни Николая Николаевича Раевского-мл. (1801–1843), проведенное им в Крыму. Это были годы вынужденной отставки, фактически сменившейся взлетом его военной и административной карьеры, удачной женитьбой, рождением детей и поддержкой таких выдающихся людей, как М.С. Воронцов, адмирал М.П. Лазарев, А.И. Казначеев и др., а затем крахом планов и внезапной кончиной. Раевский-мл. рано ушел из жизни, но, будучи начальником Черноморской береговой линии, он успел внести весомый вклад в освоение крымского и кавказского побережий, причем не только как военный, но и как ботаник. Стратегическое видение перспективы освоения кавказского побережья с преобладанием мирных, цивилизационных форм над военной силой не было воспринято при жизни генерала, но было оценено вскоре, и именно М.С. Воронцову, который всячески поддерживал Раевского в его подходах к освоению Кавказа, пришлось самому взять на свои усталые плечи это бремя, когда царь назначил его наместником Кавказа.

¹ Друзья Пушкина. Переписка. Воспоминания. Дневники : в 2 т. – Москва, 1984. – Т. 2. – С. 71.

Неоценимым материалом для освещения этого периода жизни Раевского стали адресованные ему частные письма Воронцова в период с февраля 1837 по август 1842 г. Они представляют собой оживленную и дружескую корреспонденцию графа Воронцова, адресованную фактически опальному Раевскому, где затрагивались важные вопросы, связанные с освоением черноморского побережья и контактами с местным населением; к сожалению, ответные письма Н. Раевского сохранились в весьма малом количестве. Письма раскрывают характер отношения Воронцова к Раевскому, оказавшемуся временно его соседом по южнобережному имению, в своего рода вынужденном изгнании.

Использование материалов из «Архива Раевских» существенно расширяет источниковую базу в отношении жизни и мировосприятия дворянской элиты николаевской России, позволяет получить новую информацию о развитии Крыма и Кавказа в составе Российской империи в период до Крымской войны.

Интерес к личности Раевского-мл. обычно ограничивался военной карьерой и симпатиями Н. Раевского-мл. и некоторых членов его семьи к декабристам.

Во второй том «Архива Раевских» вошли документы за 1830–1838 гг., т.е. за период времени от смерти Раевского-ст. до женитьбы Раевского-мл. В жизни последнего эти годы имели большое значение, пишет Б.Л. Модзалевский в предисловии. «Отстраненный от командования Нижегородским драгунским полком в 1829 г., он, злою волею своих недоброжелателей и завистников задержан был на Кавказе почти на два года... Энергичная, жаждавшая живой работы натура его обречена была, однако, на долгое бездействие. Только к концу 1837 г., когда он был назначен начальником 1-го Отделения Черноморской прибрежной линии, ему снова представилась возможность проявить на деле и с успехом свои недюжинные воинские и административные дарования. Время до этого назначения Н.Н. Раевский старался заполнить занятиями хозяйством в родовых поместьях и в своем крымском имении Тессели¹ (близ Фороса), в котором он вскоре и поселился, и принял живое участие в образовании Московского общества любителей садоводства; его переписка по этому поводу с одним из известнейших ботаников

¹ Родовое имение Раевских Тессели на мысе Форос, самой южной оконечности Крымского полуострова, находилось недалеко от Алупки – летней резиденции графа М.С. Воронцова.

того времени – Ф.Б. Фишером – представляет несомненный интерес как для истории общества, так и для истории ботаники в России; в последнем отношении ценны также письма к Н.Н. Раевскому Х.Х. Стевена, Н.А. Гартвиса и др.»¹.

Воронцова и Раевского объединяли интересы к ботанике, к акклиматизации новых редких растений на благодатном крымском, а затем и кавказском черноморском побережье, к созданию парков и виноградников.

В 1837 г. Воронцов, воспользовавшись посещением Крыма царской семьей, предпринимает весьма умелые дипломатические шаги с тем, чтобы Н. Раевскому было предоставлено достойное место, где он вполне может проявить свои недюжинные способности и таланты². В письмах мы читаем о том, как счастлив Воронцов, видя, что Раевский оправдал его ожидания как талантливый военачальник и перспективно мыслящий администратор вновь приобретенных территорий.

Остановимся на основных вехах биографии Раевского (предшествовавших его переселению в Крым), чтобы ярче выделить последнее десятилетие его жизни.

Военная карьера

Военная карьера Николая Раевского-мл. началась очень рано: в десятилетнем возрасте он был определен подпрапорщиком в Орловский пехотный полк. Практически с детства он был при отце в действующей армии. Боевое крещение он получил в 11 лет. В арьергардном бою у деревни Салтановки 11 июля (29 июня по старому стилю) 1812 г. он вместе с 16-летним братом и отцом шел во главе Смоленского полка во время контратаки в ходе важного сражения, когда русские войска удержали корпус маршала Даву. Подвиг был воспет Жуковским, Пушкиным и др., зафиксирован в литографиях того времени (Карделли и др.), запечатлен в картинах и описан в исторических сочинениях. В.А. Жуковский в сентябре – октябре 1812 г. в знаменитой балладе «Певец во стане русских воинов» писал:

¹ Архив Раевских (АР) / Модзалевский Б.Л. Предисловие // Архив Раевских Санкт-Петербург, 1909. – С. 12.

² В 1834–1835 гг. перед отдельным Кавказским корпусом была поставлена задача создать Черноморскую береговую линию. Войска должны были занять побережье от Анапы до Гагр и построить ряд военных укреплений.

Раевский, слава наших дней,
Хвала! перед рядами
Он первый грудь против мечей
С отважными сынами...¹

Сам генерал не любил рассказывать об этом событии, а порой даже отрицал факт участия в сражении под Салтановкой младшего сына Николая, тем не менее Салтановское дело вошло в летопись Отечественной войны 1812 г. как подвиг Раевских.

В письме к сестре жены Е.А. Константиновой Н.Н. Раевский писал: *«Вы, верно, слышали о страшном деле, бывшем у меня с маршалом Даву и Лефевром, где я располагал 10-ю тысячами против 60-ти тысяч; мы вышли из него с честью, ибо противник потерял в три раза больше, чем мы... Сын мой Александр выказал себя героем, а Николай даже во время самого сильного огня беспрестанно шутил. Этому пуля порвала брюки; оба сына повышены чином, а я получил контузию в грудь, по-видимому, не опасную»*². Эти строки – одно из редких свидетельств самого генерала о подвиге, реальность которого в то время не оспаривалась никем. Денис Давыдов свидетельствовал, что Раевский, *«следуемый двумя отроками-сынами, впереди колонн своих ударил в штыки по Салтановской плотине сквозь смертоносный огонь неприятеля»* (там же). А.С. Пушкин в своей заметке на смерть Н.Н. Раевского, помещенной в «Литературной газете», возмущенно писал: *«С удивлением заметили мы непонятное упущение со стороны неизвестного некролога: он не упомянул о двух отроках, приведенных отцом на поле сражений в кровавом 1812 году!.. Отечество того не забыло»* (там же). Поразительны слова, которые произнес юный Николай Раевский после этого незабываемого сражения, ставшего для него первым боевым крещением. На вопрос отца: *«Знаешь ли ты, зачем я водил тебя с собою в дело?»* – подросток ответил: *«Знаю, для того, чтобы вместе умереть»*³.

¹ Жуковский В.А. Собрание сочинений : в 4 т. – Москва : Гослитиздат, 1959. – Т. 1. – С. 26.

² АР. – Т. 1. – С. 155–166. Это письмо и следующий за ним рапорт были напечатаны в : «Русская старина». – 1874. – Т. 9. – С. 766–770.

³ Сводку свидетельств современников об участии братьев Раевских в сражении под Салтановкой см.: АР. – Т. 1. – С. 154–166; с. 209–210.

Позднейшие комментаторы порой сверхкритично опускают этот эпизод, ссылаясь на самого Раевского, который избегал о нем рассказывать. Нам представляется, что это отрицание объясняется тем, что сам Раевский не мог приказать 11-летнему сыну-подростку (так, как мог приказать старшему, 16-летнему Александру) принять участие в контратаке, а когда тот в пылу боя сам присоединился к солдатам, уже не мог помешать ему. Участие подростка подтверждается и тем, что в конце того же, 1812 г., 21 декабря, за дело при Салтановке 12-летний Раевский-мл. был произведен из подпрапорщика в подпоручики с переводом в 5-й егерский полк. Он участвовал во многих делах при отступлении Наполеона из России и далее в заграничных походах русской армии, в том числе в «битве народов» под Лейпцигом, а за отличие в сражении под Парижем был награжден орденом Владимира 4-й степени. 18 мая 1814 г. Раевский-мл. был переведен в лейб-гвардейский гусарский полк и назначен адъютантом к генерал-адъютанту И.В. Васильчикову. Здесь назначения следовали одно за другим: в 1816 г. – поручик, в 1817 г. – штабс-ротмистр, в 1819 г. – ротмистр, в 1821 г. – адъютант барона И.И. Дибича. Повышения в чине шли регулярно, и увенчались в 1826 г. назначением командиром Нижегородского драгунского полка. В этом качестве в 1828–1829 гг. он как участник Русско-турецкой войны за отличие получил звание генерал-лейтенанта. В это время на карьере Раевского-мл., как, впрочем, и на всю его семью, ложится мрачная тень трагедии декабристов. В 1829 г. он назначен состоять при начальнике 5-й уланской дивизии в качестве наказания за покровительство ссыльным декабристам, служившим под его началом; в 1831 г. назначен состоять по кавалерии и при начальнике 4-й гусарской дивизии; в этом звании он остается и в 1833 г. Важные подробности и нюансы этой крутой перемены в военной карьере Раевского и причины его удаления в «крымское изгнание» отражены в письмах.

Литературные интересы и дружба с А.С. Пушкиным

Но нелегкая военная служба и участие с детских лет в величайшей войне XIX в. совмещались у Раевского-мл. с весьма разнообразными, прежде всего литературными интересами. По свидетельству Я.К. Грота, со слов Е.Н. Орловой (урожд. Раевской), «Николай Раевский (сын) страстно любил литературу, музыку, живопись и сам

писал стихи. На обратном пути с Кавказа он как-то повредил себе ногу, и это было поводом остановки путешественников в Юрзуфе»¹.

Будучи переведен в 1816 г. в Царское Село, где был расквартирован его гусарский полк, Раевский познакомился и подружился с лицеистом Пушкиным. Юные лицеисты любили собираться вечерами у Петра Чаадаева, который, как и Раевский, был адъютантом у командира гвардейского гусарского полка, квартировавшего в Царском Селе. Здесь устраивались пирушки, обсуждались свежие новости, происходили долгие споры и философские разговоры, читались новые стихи. Немалая начитанность и тонкий вкус, отличавшие Николая Раевского, помогли Пушкину в изучении некоторых новых для него направлений в литературе. Раевский впервые познакомил его с отдельными произведениями Байрона и Андре Шенье. Позже Пушкин посвятит Николаю Раевскому свое знаменитое стихотворение «Андрей Шенье». О тесной связи с ним и о «важных и незабвенных услугах» Пушкин упоминает в письме к брату Льву.

Следующая, поистине судьбоносная встреча друзей происходит в 1820 г., когда Пушкин, отправленный в южную ссылку, испулавшись в Днепре, подхватил лихорадку. Раевский, семья которого также держала путь на юг, к минеральным водам Кавказа, нашел его, больного, в Екатеринославе, выхлопотал у Инзова ему отпуск и устроил путешествие на Кавказ и в Крым с семейством Раевских². По словам В.В. Вересаева, «нежная и участливая дружба Раевского смягчила то мрачное ожесточение, которым в то время была полна душа Пушкина»³. В посвящении Раевскому в «Кавказском пленнике» поэт вспоминает:

¹ Грот Я.К. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. – Изд. 2-е. – Санкт-Петербург, 1901. – С. 52.

² О «неслучайности» этой встречи говорится в подробном исследовании А.А. Бертье-Делагард «Память о Пушкине в Гурзуфе». – Москва, 2017. – С. 14. «Друзья и покровители, отведшие от Пушкина большую долю административной грозы, на том не остановились и дали ему возможность развлечься, поездив по югу России и увидев новые привлекательные страны. Это знал или подозревал сам Пушкин... – следовательно, встреча Пушкина с Раевскими в Екатеринославе и их предложение совместной поездки не были простой, неожиданной случайностью».

³ Вересаев В.В. Пушкин в жизни. Спутники Пушкина. Раевский-мл. : сборник. – Москва : АСТ : Астрель : Харвест, 2011. – С. 57.

Когда я погибал, безвинный, безотрадный,
И шепот клеветы внимал со всех сторон,
Когда кинжал измены хладный,
Когда любви тяжелый сон
Меня терзали и мертвили,
Я близ тебя еще спокойство находил:
Я сердцем отдыхал – друг друга мы любили...

Они были почти ровесниками, причем Раевский года на полтора моложе, но по жизненному опыту старше Пушкина. Совместное путешествие, дружеское общение усиливали впечатления, возможность делиться ими с другом нашли отражение в «Кавказском пленнике»:

Забуду ли его кремнистые вершины,
Гремучие ключи, увядшие равнины,
Пустыни знойные, края, где ты со мной
Делил души молодые впечатленья?

Впечатления от Кавказа и Крыма заслонили в душе Пушкина неприятности, приведшие к ссылке на юг, а счастливые три недели в Гурзуфе стали для поэта незабвенными и знаменовали поворот в его творчестве. Вместе, «в кругу милого семейства» Раевских, читали Байрона, изучали английский язык, совершали прогулки по окрестностям.

Раевский-мл. был не только другом Пушкина, но и его литературным критиком, причем строгим. Поэта привлекал открытый и дружелюбный характер Николая, он ценил его литературный вкус, считался с его мнениями, невзирая на их суровость. Н.Н. Раевскому он посвятил поэму «Кавказский пленник», стихотворение «Андрей Шень», с ним вел обсуждение «Бориса Годунова». Дошедшие до нас отзывы Раевского обычно суровы, но на свой лад – ведь он ждал от поэта большего. «Твой “Кавказский пленник”, – произведение плохое, – открыл путь, на котором посредственность встретит камень преткновения»¹. В этой оценке сквозила требовательность к поэту, талант которого был способен достичь новых высот. Пушкин понял это и, пережив горечь, вспоминал с юмором: «“Кавказский пленник” – первый неудачный опыт характера,

¹ Цит. по: Майков Л.Н. Пушкин. – Санкт-Петербург, 1899. – С. 143–146.

с которым я насилу сладил; он был принят лучше всего, что я ни написал. <...> Но зато Николай и Александр Раевские и я, мы вдоволь над ним посмеялись»¹; «Я пришлю <...> отрывки из “Онегина”; это лучшее мое произведение. Не верь Н. Раевскому, который бранит его – он ожидал от меня романтизма, нашел сатиру и цинизм и порядочно не расчихал»². «Брань» Раевского была сурова, но справедлива и не мешала ему радоваться успеху «романа в стихах» среди слушателей: «Я читал им [Кочубеям. – Т. Ф.] публично твоего “Онегина”; они пришли в восхищение. А я кое-что покритиковал, но про себя»³. Все эти замечания содержатся в одном письме Николая от 10 мая 1825 г., из Белой Церкви в Михайловское. Перечитывая их, понимаешь, что сама критика его порождена верой в гений поэта, от которого вправе требовать совершенства. И Пушкин понимал это, готовый принять от своего друга наставления, колкости, насмешки. Сама его требовательность объяснялась высокой оценкой пушкинского гения, и от его творений Николай ожидал «важных последствий для нашей словесности».

К сожалению, до наших дней дошли всего три письма Николая Раевского Пушкину, но, судя по текстам писем, их было значительно больше. Пушкин писал другу о творческих планах, приводил свои рассуждения о том, что трагедия – «наименее понимаемый род поэзии: <...> Правдоподобие положений и правдивость диалога – вот истинное правило трагедии. Шекспир понял страсти; Гёте – нравы...» Александр Сергеевич тогда приступил к работе над трагедией «Борис Годунов» и щедро делился с Раевским своими замыслами:

«...Вы спросите меня: а ваша трагедия – трагедия характеров или нравов? Я изобразил наиболее легкий род, попытался соединить то и другое. Я пишу и размышляю. Большая часть сцен требует только рассуждения; когда же я дохожу до сцены, которая требует вдохновения, я жду его или пропускаю эту сцену – такой способ для меня совершенно нов. Чувствую, что духовные силы мои достигли полного развития, я могу творить»⁴.

¹ Пушкин А.С. Полное собр. соч. : в 16 т. – Москва ; Ленинград : Изд. АН СССР, 1941. – Т. 11. – С. 145.

² Там же. Т. 13. – С. 85–87.

³ Цит. по: Майков Л.Н. Пушкин. – С. 143–146.

⁴ Пушкин А.С. Собр. соч.: в 10 т. – Москва : АН СССР, 1958. – Т. 9. – С. 162–163. – Письмо № 149 на франц. яз.

В ответ на присланные ему план и краткое содержание «Бориса Годунова», Николай Николаевич отвечал:

«...Я желал бы, чтобы ты справлялся с источниками, которыми пользовался Карамзин, а не следовал только его рассказу. Не забудь, что Шиллер изучил астрологию прежде, чем приняться за «Валленштейна»...»¹.

Наконец, друзья обсуждают и сам стихотворный размер, которым должна быть написана трагедия. Раевский с величайшей серьезностью относится к этому вопросу, который, на его взгляд, окажет важное влияние на литературу, в частности, в том, что «даст жизнь нашему шестистопному стиху»: *«Признаюсь, я не совсем понимаю, зачем ты хочешь писать свою трагедию белыми стихами. Я думал бы, напротив, что тут представляется случай воспользоваться всеми богатствами наших многочисленных размеров. <...> Хороша или дурна будет твоя трагедия, – но я заранее предвижу важные последствия для нашей словесности; ты дашь жизнь нашему шестистопному стиху, который до сих пор так тяжел и безжизнен; ты сообщишь диалогу движение, которое делает его похожим на разговор, а не на фразы из разговорника, как было до сих пор. <...> Ты доверишь водворение у нас простой и естественной речи, которой наша публика еще не понимает»*².

Характер главной героини поэмы «Борис Годунов» Марины Мнишек А.С. Пушкин писал со старшей сестры Николая Николаевича Екатерины, ставшей женой генерала М.Ф. Орлова, к красоте и горделивой осанке которой поэт был неравнодушен. Об этом он сообщал в письме П.А. Вяземскому от 13–15 сентября 1825 г.:

«...Сегодня закончил я 2-ю часть моей трагедии – всех, думаю, будет четыре. Моя Марина славная баба: настоящая Катерина Орлова! знаешь ее? Не говори, однако ж, этого никому...»³.

Здесь же, в псковской глуши, летом 1825 г. Александр Сергеевич пишет стихотворение «Андрей Шенье», посвященное Николаю Раевскому-мл. Во второй половине ноября 1825 г. А.С. Пушкин из Михайловского отмечал в письме П.А. Вяземскому:

¹ Галушко Т.К. Пушкин и братья Раевские (К истории отношений). Пушкин : исследования и материалы : сборник научных трудов. – Ленинград, 1989. – Т. 8. – С. 209.

² Цит. по: Майков Л.Н. Пушкин. – Санкт-Петербург, 1899. – С. 143–146.

³ Пушкин А.С. Полное собр. соч. : в 16 т. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1937–1949. – Т. 14 : Переписка 1828–1831. – С. 395.

«...Что за чудо “Дон Жуан”! я знаю только пять первых песен; прочитав первые две, я сказал тот час Раевскому, что это Chef d’oeuvre Байрона, и очень обрадовался, после увидя, что мой Walter Scott моего мнения...»¹.

В этом письме Пушкин называет Раевского «своим Вальтер Скоттом», имея в виду интерес друга к средневековой истории и важность его роли как литературного редактора и критика в одном лице своей будущей трагедии «Борис Годунов». Этим мы как читатели обязаны интенсивной переписке между ними и обмену мнениями во время пребывания поэта в псковской ссылке 1824–1825 гг.

В июле 1824 г. Пушкина высылают из Одессы в Псковскую область, в село Михайловское. Раевский пишет ему о готовности продолжать переписку, отмечая, что он не опасается общения с «опальным» поэтом: *«Продолжайте писать мне длинные письма и почаще. Не бойтесь меня скомпрометировать: моя связь с вами началась задолго до вашей злополучной истории, она не зависит от произошедших событий, ставших следствием заблуждений нашей первой молодости. Вот мой совет: будьте осторожны... Мне очень хочется тебя увидеть, и если твое положение не изменится, я обещаю приехать к тебе раньше года, а если с тобой последуют перемены, то дай мне слово навещать меня тоже раньше года. Прощай, милый друг, сохрани ко мне ту дружбу, которую прежде выказывал, пусть не повлияет на нее разлука, какой бы долгой она ни была»*².

Желание Николая Раевского и Пушкина увидеться, высказанное в письме, тогда осталось неосуществленным. Оба брата Раевские были арестованы по делу декабристов и допрошены, но их неучастие было очевидным, и 17 января 1826 г. обоих освободили. Осенью 1826 г. началась война России с Персией. Нижегородский полк, в котором состоял Раевский-мл., принял участие в военных действиях, и военное дарование Раевского, достойного ученика своего отца, тогда проявилось в полной мере. За сражение при Джаван-Булахе Раевский-мл. получил высокую награду – орден Георгия IV степени. Русско-персидская война завершилась в феврале 1828 г. заключением Туркманчайского договора. Но уже в апреле того же года началась война с Турцией. Раевский, назначенный командиром

¹ Пушкин А.С. Полное собр. соч. : в 16 т. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1937–1949. –Т. 13. – С. 243.

² 145. Конец августа – нач. сентября 1824 г., Белая Церковь // АР. – Т. 1. – С. 242.

сводной кавалерийской бригады, принял участие в штурме турецкой крепости Карс. Захват сильно укрепленной и труднодоступной крепости определил успешный ход всей кампании. Раевский был удостоен звания генерал-майора. В ходе обеих войн многие декабристы, отбывающие заключение в крепости, были переведены на Кавказ и оказались под командованием Раевского.

В период персидской и турецкой кампаний 1827–1829 гг. под начальством Раевского-мл. в Нижегородском драгунском полку служил брат поэта Лев Сергеевич Пушкин¹, а вскоре в полку появился и сам Александр Сергеевич. Этому предшествовали следующие обстоятельства. В 1829 г. поэт сватался к Наталье Николаевне Гончаровой, получил неопределенный ответ и предложение подождать (невесте еще не было и 17 лет) и, желая отвлечься от мрачных дум, уехал на Кавказ, в действующую армию. Там его ожидала встреча со старым другом Раевским, братом Львом и разжалованными декабристами. Он поселился в палатке Раевского и сразу оказался в гуще событий, о которых напишет в «Путешествии в Арзрум». «Я приехал вовремя. В тот же день (13 июня) войско получило повеление идти вперед. Обедая у Раевского, слушал я молодых генералов, рассуждавших о движении, им предписанном. Генерал Бурцов отряжен был влево по большой Арзрумской дороге прямо противу турецкого лагеря, между тем как все прочее войско должно было идти правую стороною в обход неприятелю.

В пятом часу войско выступило. Я ехал с Нижегородским драгунским полком, разговаривая с Раевским, с которым уже несколько лет не видался. Настала ночь; мы остановились в долине, где все войско имело привал. Здесь имел я честь быть представлен графу Паскевичу.

¹ По отзыву Филиппсона, «Лев Сергеевич был хорошо образован, основательно знал французскую и особенно русскую литературу; сочинения своего брата он знал наизусть и прекрасно их читал. Он был приятный и остроумный собеседник; искренняя веселость, крайняя беззаботность и добродушие невольно привлекали к нему... Он слишком любил веселую компанию, пил очень много; но я не видал его пьяным». Не подлежит сомнению, пишет Л.Н. Майков, «что если Н.Н. Раевский взял к себе Льва Пушкина в адъютанты, то скорее всего – ради старинной приязни к поэту: для такого подчиненного начальник необходим снисходительный. Нужно, впрочем, отдать справедливость Льву Сергеевичу: он очень уважал Раевского и старался быть ему полезным, в чем умел: между прочим, был главным его сотрудником по составлению донесений, которые Раевский, ввиду исключительной важности возложенного на него поручения по занятию восточного Черноморского берега, имел право посылать непосредственно на имя императора Николая». – Цит. по: АР. – Т. 2. – С. 462.

Я нашел графа дома перед бивачным огнем, окруженного своим штабом. Он был весел и принял меня ласково. Чуждый военному искусству, я не подозревал, что участь похода решалась в эту минуту. Здесь увидел я нашего Вольховского, запыленного с ног до головы, обросшего бородой, изнуренного заботами. Он нашел, однако, время побеседовать со мною как старый товарищ. Здесь увидел я и Михаила Пущина, раненного в прошлом году. Он любим и уважаем как славный товарищ и храбрый солдат. Многие из старых моих приятелей окружили меня. Как они переменялись! как быстро уходит время!»¹.

Эти строки из «Путешествия в Арзрум» живо рисуют окружение Раевского: здесь, на дальней окраине отечества, в «горячей точке», он оказался в среде разжалованных декабристов, тех самых, которые для него, как и для Пушкина, были «старыми друзьями». В обстановке боевого товарищества трудно, практически невозможно было соблюдать дистанцию, но именно «снисходительное отношение к государственным преступникам» будет упомянуто в доносе его недругами.

14 июня 1829 г. Пушкин не только наблюдал сражение отборных частей турецкой конницы и делибашей (удальцов-головорезов), но и поучаствовал в нем.

Перестрелка за холмами;
Смотрит лагерь их и наш;
На холме пред казаками
Вьется красный делибаш.

Делибаш! не суйся к лаве,
Пожалей свое житье;
Вмиг аминь лихой забаве:
Попадешься на копье.
Эй, казак! не рвися к бою:
Делибаш на всем скаку
Срежет саблюю кривою
С плеч удалую башку.

Мчатся, сшиблись в общем крике...
Посмотрите! каковы?..

¹ Пушкин А.С. Путешествие в Арзрум // А.С. Пушкин. Собр. соч. : в 10 т. – Москва : ГИХЛ, 1959–1962. – Т. 5. – С. 441–442.

Делибаш уже на пике,
А казак без головы.

Стихотворение значительно ярче, чем «Путешествие в Арзрум», написанное в стиле сухого репортажа, передает особый характер военных действий, которые довелось вести Раевскому, с противником, носителем восточных средневековых военных приемов. Впрочем, перестрелка 14 июня 1829 г. замечательна для нас потому, что увлекла в бой и поэта. Об этом в «Путешествии в Арзрум» ничего не сказано, но, по воспоминаниям очевидцев, Пушкин не остался в роли наблюдателя, а смешался с цепью казаков и, схватив пику одного из убитых казаков, устремился на турок. Вот что пишет об этом эпизоде Н.И. Ушаков, бывший свидетелем описываемых событий и встречавшийся с Пушкиным у Н.Н. Раевского: «Поэт, в первый раз услышав около себя столь близкие звуки войны, не мог не уступить чувству энтузиазма. В поэтическом порыве он (Пушкин) тотчас выскочил из ставки, сел на лошадь и мгновенно очутился на аванпостах. Опытный майор Семичев, посланный генералом Раевским вслед за поэтом, едва настигнул его и вывел из передовой цепи казаков в ту минуту, когда Пушкин, одушевленный отвагою, столь свойственной новобранцу-воину, схватив пику подле одного из убитых казаков, устремился против неприятельских всадников. Можно поверить, что донцы наши были чрезвычайно изумлены, увидев перед собою незнакомого героя в круглой шляпе и в бурке». Заметим, что Н.И. Ушаков подарил Пушкину свою книгу «История военных действий в Азиатской Турции в 1828 и 1829 гг.», где описан, в частности, этот эпизод, с дарственной надписью и датой «1 мая 1836. С. Петербург»¹.

По словам другого декабриста, А.С. Гангеблова, Пушкин не только носился по полю битвы, но даже исполнял какие-то поручения Раевского. В Саганлугском селе Паскевич наблюдал за ходом сражения с холма. «Когда главная масса турок была опрокинута и Раевский с кавалерией стал их преследовать, мы увидели скачущего к нему во весь опор всадника: это был Пушкин, в кургузом пиджаке и маленьком цилиндре на голове. Осадив лошадь в двух, трех шагах от Паскевича, он снял свою шляпу, передал ему несколько слов Раевского и, получив ответ, опять понесся к нему же, Раевскому»².

¹ Тыркова-Вильямс А.В. Жизнь Пушкина. – 1824–1837. – Т. 2. – С. 70.

² Там же, с. 71.

Палатка Николая Раевского, командира кавалерийской бригады, где поселился Пушкин, была своего рода клубом, где вместе с русскими офицерами и генералами принимались и представители местного населения, с которыми Раевский считал необходимым устанавливать контакт.

«Лагерная жизнь очень мне нравилась. Пушка подымала нас на заре. Сон в палатке удивительно здоров. За обедом запивали мы азиатский шашлык английским пивом и шампанским, застывшим в снегах таврийских. Общество наше было разнообразно. В палатке генерала Раевского собирались беки мусульманских полков, и беседа шла через переводчика. В войске нашем находились и народы закавказских наших областей, и жители земель, недавно завоеванных. Между ими с любопытством смотрел я на язидов...»¹.

Стихи Пушкина неоднократно переписывались, и тем дороже были автографы. Зная это, поэт в свою поездку на Кавказ к Раевскому в 1829 г. захватил с собой чемодан с рукописями. Об этом вспоминает М.В. Юзефович: «С Пушкиным был походный чемодан, дно которого было наполнено бумагами. <...> Он отдал брату Льву и мне этот чемодан, чтоб мы сами отыскиали в нем то, чего нам хочется. Мы и нашли там тетрадь “Бориса Годунова” и отрывки “Онегина”, на отдельных листках. Но мы этим, разумеется, не удовольствовались, а пересмотрели все и отрыли, между прочим, прекрасный, чистый автограф “Кавказского пленника”. Когда я показал Пушкину этот последний, говоря, что это драгоценность, он, смеясь, подарил мне его; но Раевский, попросив у меня посмотреть, объявил, что, так как поэма посвящена ему, то ему принадлежит и чистый автограф ее и Пушкин не имеет права дарить его другому. Можно себе представить мою досаду! Я бросился отнимать у Раевского, но должен был уступить его ломовой силе»².

Паскевич старался держать Пушкина при себе и был с ним очень любезен. Он был не прочь, чтобы Пушкин его прославил в стихах. Но поэт в «Путешествии в Арзрум» сказал о нем лишь несколько вежливых, но прозаических слов. Эта сдержанность, может быть, объясняется тем, что военные друзья Пушкина невысоко ставили военные таланты главнокомандующего. Во всяком случае, по замечанию очевидцев, у Паскевича осталось недоброе чувство к Пушкину.

¹ Пушкин А.С. Путешествие в Арзрум. Указ. соч., с. 443.

² Юзефович М.В. Воспоминания о Пушкине // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. – Москва, 1985. – Т. 2. – С. 118.

Распространилось оно и на Раевского-мл., чьи военные таланты явно отодвигали в тень главнокомандующего, любимца двора.

Все это вместе взятое готовило почву для будущего доноса на Раевского в самый разгар его блестящих побед в Русско-турецкой и Русско-персидской войнах 1827–1829 гг. Известно, что донос на Раевского был составлен Н.А. Бутурлиным с одобрения командира Отдельного кавказского корпуса генерал-фельдмаршала И.Ф. Паскевича. Сдача полка затянулась на два года и ускорила кончину Раевского-ст., прославленного героя Бородина, причем сын был лишен возможности проводить отца в последний путь.

Раевский-мл. – ботаник, основатель Новороссийска и Сухумского ботанического сада

Николай Раевский-мл. проявил свои способности не только на военном поприще, но и в области садоводства, которым занимался с молодых лет, культивируя различные растения в своем поместье Болтышка и в Крыму, в Тессели. На протяжении всей жизни он поддерживал активную переписку, с целью расширить разнообразие культивируемых растений, с создателем Императорского петербургского ботанического сада (реорганизованного из Аптекарского сада, ныне передан РАН) профессором Федором фон Фишером и старшим садовником того же сада Францем Фельдерманом, который доставил в Россию редкую коллекцию живых растений из Лондона. Он принял живое участие в образовании Московского общества любителей садоводства; его переписка по этому поводу с одним из известнейших ботаников того времени – Ф.Б. Фишером – представляет несомненный интерес как для истории общества садоводства, так и для истории ботаники в России; в последнем отношении ценны также письма к Н.Н. Раевскому Х.Х. Стевена, Н.А. Гартвиса и др.¹ Кроме того, Раевский вел активную переписку с виднейшим садоводом того времени, ученым-натуралистом и первым директором Императорского никитского ботанического сада (ныне также принадлежит Российской академии наук) Христианом Стевеном. Стевен содействовал ботаническим экспериментам Раевского, снабжая его саженцами редких растений, не встречавшихся ранее в Российской империи. В имении Карасан Николай построил оранжерею,

¹ См.: АР. – Т. 2. – Предисловие.

а всю территорию вокруг имения украсил магнолиями, кедрами и итальянскими соснами – пиниями. Здесь можно было насчитать свыше 200 кустарников и деревьев из разных уголков планеты – от Африки и Дальнего Востока до Южной и Северной Америки.

Поселившись в Крыму, Раевский-мл. обрел большую поддержку своих занятий ботаникой и садоводством от генерал-губернатора Новороссии и Крыма М.С. Воронцова, уделявшего огромное внимание приобретению из-за границы семян и саженцев и культивированию их на крымском побережье. Вместе с управляющим имением он создал в своем поместье Тессели в Крыму редкостный парк, который сохранился и по сей день, радуя современных посетителей. Н.Н. Раевский-мл. был членом Московского общества испытателей природы, являлся одним из учредителей Российского общества садоводства.

В 1837 г. дипломатический, управленческий и боевой опыт генерала Раевского наконец был оценен по достоинству: его назначили начальником 1-го отделения Черноморской береговой линии, включавшей кавказское побережье, где велись боевые действия. По сути, на него свалилась тяжелейшая ноша. Но и в этой ситуации Раевский не пожелал отказаться от своего увлечения и сумел поставить страсть к садоводству на службу решению задач освоения края. Укрепления, где располагались гарнизоны (причем многие из них были основаны самим Раевским), стали опорой в замирении Кавказа. Однако связь между укреплениями часто прерывалась, а с некоторыми и вовсе существовало только морское сообщение. В таких условиях вставал вопрос о доставке не только подкрепления и боеприпасов, но и собственно провианта.

В подобной ситуации генерал приказал для обеспечения гарнизонов свежими овощами и прочим развести при укреплениях огороды и виноградники. Имея огромный опыт и связь с виднейшими садоводами того времени, Раевский лично развозил из своих имений различные саженцы и лозу столового винограда по фортам береговой линии. Выбирались самые живучие и неприхотливые образцы, дабы облегчить ведение хозяйства и разнообразить рацион гарнизона, а порой и помочь ему продержаться на полученном урожае некоторое время. Кроме того, генерал выделял среди солдат «садоводов» и «огородников» и отправлял их за свой счет учиться этому ремеслу на профессиональном научном уровне.

История создания Сухумского ботанического сада также связана с именем Раевского-мл. В 1840 г. он обратил внимание на сад, который устроил возле своего дома лекарь Сухумского гарнизона Багриновский, обладавший познаниями в области садоводства. При

содействии генерал-лейтенанта Н.Н. Раевского-мл. и с позволения императора Николая I сад был взят в «казну» и с 1840 г. перешел в ведение военного ведомства под названием Сухум-Кальский военно-ботанический сад (заведующим садом Н.Н. Раевский назначил Багриновского). В том же 1840 г. из Крыма в Новороссийск благодаря стараниям Раевского поступило 500 саженцев фруктовых деревьев, а в 1841г. – 10 тыс. виноградных лоз. Посадочный материал привозили из собственного имения Раевского и крымских садов М.С. Воронцова, а также из Никитского ботанического сада. Так был заложен Сухумский военно-ботанический сад.

Будучи начальником Черноморской береговой линии, Раевский сделал много для осушения сырых болотистых мест Черноморского побережья, где свирепствовала малярия, ставшая бичом для первых жителей. И здесь он применил свои знания ботаники. В низинах и устьях рек в больших количествах высаживались саженцы эвкалиптов и лириодендронов, которым для роста необходимо большое количество влаги. Известно, что эти деревья являются прекрасными осушителями болотистых мест, а осушение, в свою очередь, способствовало уничтожению комаров – переносчиков малярии. Дерево лириодендрон (от слова «лира», по форме его листьев), его еще называют тюльпанным деревом за красивые цветы, похожие на тюльпаны, – помогало бороться с малярией и в качестве лекарства. Отвар из коры и листьев этого дерева, как и хинный порошок, облегчал приступы малярии. Солдаты и офицеры высаживали вокруг крепостей саженцы деревьев, привезенные из Крыма. Растущие ныне в этом районе старые деревья-лиры, по всей вероятности, были посажены в те далекие времена.

Одной из важнейших забот генерала было плодовое садоводство и виноградарство. Оценивая перспективы этих видов деятельности, способных принести всему Черноморскому побережью России весомую выгоду и обеспечить тысячи людей рабочими местами, Раевский всячески популяризировал и поддерживал эти начинания. Поэтому в 1835 г. Николай Николаевич стал одним из соучредителей Российского общества любителей садоводства. При обществе было открыто училище для садоводов, а с 1838 г. выпускался «Журнал садоводства». Для этого журнала Раевский написал несколько статей об акклиматизации растений в Крыму и на Кавказе.

В качестве начальника Черноморской береговой линии Н.Н. Раевский выступал против агрессивной военной политики по отношению к местным народам, за установление сотрудничества и торговых отношений с горцами. Миротлюбивая тактика Раевского, а также его

резкая критика политики правительства на Кавказе вызывали недовольство других военных, которые писали доносы на Раевского в Петербург. В результате в 1841 г. Н.Н. Раевский-мл. вынужден был уйти в отставку. Вся жизнь Раевского, проведенная в сражениях и военных походах, непривычные климатические условия Кавказа, недостаток полноценного питания пагубно сказались на здоровье Раевского и приблизили его внезапную кончину (он умер в 1843 г.).

Анна Бороздина-Раевская – хранительница памяти Раевских

Подлинной хранительницей памяти Раевского-мл. и традиций фамилии Раевских стала его жена Анна Михайловна Раевская, урожд. Бороздина. После четырех лет супружества она осталась вдовой, с двумя малолетними сыновьями на руках. Больше Анна Раевская замуж не выходила, посвятив себя воспитанию сыновей, заботам об их здоровье и образовании. Сама она получила блестящее образование, обладала неординарными способностями, собирала научные коллекции, которые дарила Румянцевскому музею, но об этом расскажем отдельно. Представляется, что не менее важен женский, материнский подвиг Анны Раевской-Бороздиной, который отражен в ее письмах. После смерти супруга она поначалу уделила первостепенное внимание делу «собрания» семьи Раевских, семьи, на которой тяжело отразилась драма декабристов и членов которой жизнь разбросала от Сибири до Италии. Она едет с детьми в Италию ради укрепления здоровья мальчиков, но также и для того, чтобы наладить контакты с матерью и сестрами покойного мужа. Именно она становится центром, вокруг которого собиралась семья. Род Раевских, с его и ныне живущими потомками, был самым важным духовным наследием, которое она готовилась вручить своим сыновьям. В Италии в Риме она встречается с матерью Раевского-мл. Софьей Алексеевной Раевской и двумя его сестрами – Софьей и Еленой. В Москве она налаживает активную переписку с сестрой Николая-мл. Екатериной Орловой, вдовой Михаила Федоровича Орлова, также связанного с декабристами.

Но самой большой раной оставалась судьба сестры покойного мужа, Марии Раевской (Волконской), которая в свои 20 лет отправилась вслед за мужем в добровольное изгнание и по-прежнему проживала в Сибири, в ссылке. Там в семье Волконских подрастали сын Михаил и дочь Елена (Нелли). С ними Анна Раевская наладила

переписку, а позднее, когда им позволено было вернуться из ссылки, всячески помогала обустроиться.

Когда сыновья выросли, было решено продолжить их образование в Московском университете, и для этого было необходимо предъявить документы об их происхождении. А именно, в правление Московского университета следовало представить, кроме метрических свидетельств, документ об их происхождении из дворянского рода. Но прежде предстояло выяснить, к дворянству какой именно губернии – Тульской, Воронежской или какой-либо другой – они приписаны. Именно Анне Михайловне пришлось заняться ведением порядка в этих важных документах.

Особое символическое значение имело для Анны Михайловны празднование юбилея Ломоносова в 1863 г., и она приняла в нем активное участие. Для нее это была память о предке семьи Раевских, ставшая основой научных интересов и вклада в науку самой А.М. Раевской, все эти годы неустанно собиравшей коллекции древностей. Она позаботилась о том, чтобы передать так называемый «Портфель служебной деятельности Ломоносова» в пользование академику Якову Карловичу Гроту (1812–1893). Именно он готовил речь к 100-летию годовщины смерти Ломоносова на торжественном заседании Академии наук. Сама же Анна Михайловна решила учредить стипендию под названием «Ломоносовская стипендия Раевского» на проценты с пожертвованного ею капитала в 4850 руб.

Годы, проведенные за границей и посвященные лечению и укреплению здоровья сыновей, дали Анне Раевской возможность расширить свое знакомство с античными памятниками культуры; также она занималась коллекционированием, изучала труды зарубежных ученых, переписывалась с ними по спорным вопросам; так формировался круг ее научных интересов. Напомним, все это происходило в годы, когда женщины были лишены права на получение высшего образования.

Среди всех этих забот Анна Раевская уделяла время и своим научным интересам, достаточно серьезным, как о том свидетельствуют письма и документы в пятом томе «Архива Раевских». Ее археологические интересы проявились еще в Крыму, в Керчи, где она провела первые годы замужества и где имела возможность изучать богатые собрания Керченского музея древностей. В Риме эти занятия продолжились, а во время пребывания в Швейцарии и во Франции ее интерес распространился на доисторическую археологию. Она сделала много пожертвований в археологические коллекции

Московского публичного и Румянцевского музеев, приобретая предметы или заказывая слепки с тех, которые нельзя было купить. Кроме археологии, А.М. Раевская очень интересовалась нумизматикой, собирая древние, в том числе золотые монеты и медали.

Собранные ею коллекции она перевозит в Россию с целью подарить их отечественным музеям. Она приглашает ознакомиться с ее коллекциями видных русских ученых. Согласно их отзывам, коллекции Раевской поражали систематичностью и сопровождались описаниями, основанными на внимательном изучении научной литературы по данному вопросу. Именно в эти годы в Москве формируются Московский публичный и Румянцевский музеи. 6 мая 1862 г. состоялось их официальное открытие. В Московском публичном и Румянцевском музеях было образовано восемь отделений: рукописей и старых книг; древностей; минералогическое; зоологическое; нумизматическое; этнографическое; изящных искусств; библиотека¹.

Оба эти музея, Румянцевский музей в Петербурге, Московский публичный – в Москве, являли пример собирания культурного наследия на основе частных инициатив коллекционеров, дарителей, меценатов, в число которых вошли государственные деятели, члены императорской семьи, деятели культуры, представители различных сословий российского общества. После переезда в 1861 г. Румянцевского музея в Москву и объединения его с Московским публичным оба музея сосуществовали вместе в помещении Дома Пашкова, в эти музеи и поступит основная часть собраний А.М. Раевской, а сама она будет избрана его почетным членом. Анна Михайловна собирала коллекции во время своих путешествий как по России, так и за границей. В них входили подлинные древности, а также слепки высокого качества с наиболее важных артефактов. В регулярных Отчетах по музеям (1860–1870-х годов) содержатся многократные упоминания имени А.М. Раевской, которая жертвовала музеям книги, монеты и доисторические древности. За все эти щедрые пожертвования А.М. Раевская и была выбрана в октябре 1872 г. почетным членом музеев.

С собранием А.М. Раевской был знаком граф А.С. Уваров, по представлению которого Московское археологическое общество из-

¹ В 1924 г., уже при советской власти, библиотека музея была преобразована в Государственную библиотеку СССР имени В.И. Ленина, оставшуюся в Пашковом доме. Полотна Рембрандта и других европейских художников ныне хранятся в ГМИИ им. А.С. Пушкина, собрание отечественной живописи – в Третьяковской галерее, а экспонаты Дашковского музея – в Санкт-Петербурге в Кунсткамере.

брало А.М. Раевскую 14 марта 1872 г. в члены-корреспонденты. Кроме этого общества, А.М. Раевская была неперменным членом Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (с 13 мая 1866 г.); была почетным членом Archaeologického Sboru Musea Kralovstvi Ceskego (с 30 августа 1869 г.); почетным членом Das Kurlandische Provinzial-Museum (с 27 апреля 1870 г.); почетным членом Московского публичного и Румянцевского музеев (с октября 1872 г.) и членом-соревнователем Имп. Русского Географического общества (с 3 ноября 1882 г.) (см. подробнее: гл. 5).

Список литературы

1. Архив Раевских : в 5 т. / ред. и прим. Б.Л. Модзалевского. – Санкт-Петербург, 1908–1915.
2. Бертъе-Делагард А.А. Память о Пушкине в Гурзуфе. – Москва, 2017. – 96 с.
3. Галушко Т.К. Пушкин и братья Раевские (К истории отношений) // Пушкин : исследования и материалы : сборник научных трудов. – Ленинград, 1989. – Т. 8. – С. 203–212.
4. Грот Я.К. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. – Изд. 2-е. – Санкт-Петербург, 1901. – 325 с.
5. Друзья Пушкина. Переписка. Воспоминания. Дневники : в 2 т. – Москва, 1984. – Т. 2. – 640 с.
6. Жуковский В.А. Собрание сочинений : в 4 т. – Москва : Гослитиздат, 1959.
7. Лорер Н.И. Записки моего времени // Мемуары декабристов. Москва : Правда, 1988. – С. 313–545. – 576 с.
8. Модзалевский Б.Л. Предисловие // Архив Раевских : в 5 т. / ред. и прим. Б.Л. Модзалевского. – Санкт-Петербург, 1908–1915. – Т. 2. – С. III–VI ; Т. 3. – С. III–XVII ; Т. 4. – С. III–XXIII.
9. Сводка свидетельств современников об участии братьев Раевских в сражении под Салтановкой // Архив Раевских. – 1908–1915. – Т. 1. – С. 154–166 ; 1812–1814. – С. 209–210.
10. Пушкин А.С. Полное собр. соч.: в 16 т. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1937–1949. – Т. 14 : Переписка 1828–1831.
11. Пушкин А.С. Кавказский пленник // А.С. Пушкин. Соч. : в 3 т. – Т. 2. – Москва : Художественная литература, 1986. – С. 3–27.
12. Пушкин А.С. Путешествие в Арзрум // Пушкин А.С. Собр. соч. : в 10 т. – Москва : ГИХЛ, 1959–1962. – Т. 5. – С. 412–464.
13. Филипсон Г.И. Воспоминания // Русский Архив. – 1883. – Кн. 5/6. – С. 73–200 ; кн. 1/2. – С. 199–222.
14. Юзефович М.В. Воспоминания о Пушкине // А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. – Москва, 1985. – Т. 2. – С. 326–340.

Генералъ

Н. Николаевичъ

Лейтенантъ

Раевскій

Вспомогите робота, за Царя и за отечество, и дайте свои концы припомню съ жертоу откровенъ вамъ нубо.

Николай Николаевич Раевский (старший), портрет.
Ниже: Раевский-ст. с сыновьями-подростками в бою под Салтановкой.
С гравюры Карделли, 1812 г.

М.С. Воронцов, граф, – генерал-губернатор Новороссии.
Худ. Дж. Доу, 1820 г. Военная галерея Зимнего дворца.

II.

ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОР М.С. ВОРОНЦОВ И ПОВОРОТ В КАРЬЕРЕ Н.Н. РАЕВСКОГО-мл.

Раевский-мл. и отзвуки трагедии декабристов. – Теселли и Кореиз: соседство Раевского-мл. и княгини А.С. Голицыной. – Первые известия о гибели Пушкина: письма из Кореиза баронессы Беркгейм Н. Раевскому-мл. – Генерал-губернатор М.С. Воронцов и его участие в судьбе Раевского-мл. – Раевский-мл. – начальник Черноморской береговой линии. – Раевский-мл. на кавказском побережье: герой десанта 1838 г. – Противодействие английским тайным агентам. – Занятия ботаникой. Сухумский ботанический сад. – М.С. Воронцов и Н.Н. Раевский-мл. – сторонники налаживания мирных отношений с горскими народами Кавказа. – Эпилог, или Запоздалое торжество миролюбивой политики Раевского-мл. – Воронцова.

Раевский-мл. и отзвуки трагедии декабристов

Раевские и чета Воронцовых приходились друг другу дальними родственниками. Родство восходило к светлейшему князю Г.А. Потемкину: матерью жены Воронцова Елизаветы Ксаверьевны была родная племянница Потемкина, урожд. Александра Энгельгардт, по мужу графиня Браницкая. Родная сестра Потемкина Мария Александровна приходилась Раевскому-ст. бабушкой, а сам Потемкин – двоюродным дедом. Отец Н.Н. Раевского-ст., раненый в боях с турками, в 1771 г. умер незадолго до рождения сына Николая. Его мать Елена Николаевна Раевская (урожд. Самойлова) вскоре вторично вышла замуж – за Льва Давыдова. Будущий герой Смоленска и Бородина воспитывался в основном дедом Николаем Борисовичем

Самойловым и бабушкой Марией Александровной Потемкиной – родной сестрой светлейшего князя Г.А. Потемкина. Двоюродный дед по матери, достигнув высокого положения при дворе, не забывает о своих родственниках, в том числе и о юном Николае Раевском. В шестилетнем возрасте его записывают на службу в гвардейский Семеновский полк, и лучшие преподаватели обучают его различным наукам.

Декабрьское восстание 1825 г. тяжело сказалось на семье Раевских. Под следствием находились оба сына – Александр и Николай, арестованы оба зятя – С.Г. Волконский и М.Ф. Орлов, а также его брат от второго брака матери – В.Л. Давыдов, в Сибирь вслед за мужем отправляется его дочь – М.Н. Волконская. Тяжелые переживания преждевременно свели в могилу прославленного генерала Раевского, который скончался 16 сентября 1829 г. на 59-м году жизни. После его смерти семья оказалась в тяжелом материальном положении. После ссылки в 1827 г. старшего брата Александра в Полтаву с запрещением выезда из губернии в столицы решение финансовых проблем семьи легло на плечи младшего брата Николая. Хотя он никогда не состоял членом Тайного общества, но, будучи командиром Нижегородского драгунского полка, всегда покровительствовал разжалованным в солдаты и сосланным на Кавказ декабристам, за что и претерпел неприятности по службе. Пушкин в «Путешествии в Арзрум» живо рисует окружение Раевского: здесь, на дальней окраине отечества, в «горячей точке», и поэт, и его друг боевой генерал оказались в среде бывших декабристов, тех самых, которые для Раевского, как и для Пушкина, были «старыми друзьями». В обстановке боевого товарищества трудно, практически невозможно было соблюдать дистанцию, но именно «снисходительное» отношение к «государственным преступникам» будет упомянуто в доносе его недругами.

Н.Н. Раевский героически проявляет себя в персидской и турецкой кампаниях 1827–1829 гг. при взятии Карса и Эривани, 1 января 1829 г. производится в генерал-майоры. Но по окончании кампании на него заводится дело за свободное общение с «государственными преступниками». Затем его отстранили от командования полком и в то же самое время отправили донос о «тайных сношениях его с лезгинами». Донос на Раевского был составлен Н.А. Бутурлиным с одобрения командира Отдельного кавказского корпуса генерал-фельдмаршала И.Ф. Паскевича. Сдача полка затянулась на два года. Самым трагическим для Раевского-мл. стала невозможность проводить в последний путь отца. Его адъютант М.В. Юзефович вспоминает: «Известие до того поразило сына, что я во всю

мою жизнь не видел женщины, рыдавшей как он... Спустя несколько месяцев я навестил его в деревне. У него в кабинете стояли на бюро акварельные портреты матери, брата, сестер и тут же лежал завернутый в бумагу портрет отца. Когда я развернул его и хотел поставить с другими, этот десятивершковый атлет... стал просить меня дрожащим голосом, чтобы я завернул портрет отца, говоря: “К стыду моему, я до сих пор еще не могу привыкнуть видеть черты отца”, и при этих словах слезы потекли у него по лицу»¹. Наконец, Раевского вызывают в Петербург для дачи объяснений, которых требует и военный министр граф А.И. Чернышев.

Для Раевского эта поездка в столицу стала долгожданной возможностью оправдаться на высоком уровне, но предварительно он советуется с бывшими сослуживцами отца Д.В. Дубельтом и А.Х. Бенкендорфом, последнему он пишет следующее письмо.

373.

Н.Н.Раевский – А.Х. Бенкендорфу.

(Черновое. На рус. яз.)

Октябрь-ноябрь 1831 г., Петербург.

Милостивый Государь, Александр Христофорович!

...Нижеизложенные обстоятельства были причиною настоящего моего положения: снисходительный прием лишенных чинов был главным моим обвинением, но сие было внушено как общим примером и обращением, которое оказывали к сим же разжалованным мои начальники, так и того более участием г. генерал-фельдмаршала, изъявленным мне письменно об одном из них – поляке Довгарде при его в мой полк определении.

Обстоятельство сие было доведено до Высочайшего сведения, и я один, исключительно от всех прочих, выставлен как преступивший границу моих обязанностей. Следствием чего Его Светлость² отрезил меня от командования полком, в котором звании был я оставлен, в чине генерала, три месяца прежде того по особенному его представлению, – и, циркулярным предписанием, выставлен пред целым корпусом в унижительном виде виновника: не получил ни одной из наград, к которым представлен я был генерал-фельдмаршалом за последнюю турецкую кампанию; ли-

¹ Юзефович М.В. Цит. по: Лапаева Г.А. Долина Девы и Раевские : литературно-исторический очерк. – Симферополь, 2012. – С. 48.

² Паскевич.

ишлся ордена св. Георгия 3-й степени, к которому был представлен двукратно в чине полковника за дела под Ахалцыгом, – тогда, когда кавалерия, которая под мою командою в течение четырех кампаний взяла 34 орудия и 66 знамен и вследствие моих представлений, удостоилась получить следуемые ей награды, а Нижегородский драгунский полк получил Георгиевские штандарты и знаки отличия на киверах. Я же, по Высочайшему повелению, в чине генерал-майора, был арестован.

Следовавшие затем притеснения при сдаче полка удержали меня два года за Кавказом. Я был подвергнут безпрестанным следствиям и преследуем клеветою в тайных будто бы сношениях с лесгинцами; наконец, оправдался и сдал полк с казенными суммами без всякой придачи, представив в пользу казны 60 т. рублей...

Между тем как сими обстоятельствами удерживали меня за Кавказом, я лишился отца, и дела разстроенного состояния оставались без призрения...

Шеф жандармов Бенкендорф, понимая ситуацию, когда после кончины «старого льва Раевского», героя Бородина, к тому же его родственника по жене, недоброжелатели накинудись на его сына, обещает сначала сам поговорить с военным министром А.С. Чернышевым.

Судьба снова свела Пушкина с Раевским в Петербурге, куда после сдачи полка приехал в 1832 г. боевой генерал, вынужденный оправдываться в возведенной на него недругами клевете. Пушкин женат, приближен к царю и пытается использовать свое новое положение, чтобы оказать посильную помощь старому другу. Вместе они составляют официальные письма, которые должны помочь Раевскому-мл., неожиданно для себя ставшему главой семьи вместо старшего брата, Александра, решить возникшие перед ним служебные и семейные проблемы. После смерти в 1829 г. генерала Н.Н. Раевского по просьбе его вдовы, Софьи Алексеевны, Александр Сергеевич Пушкин хлопотал перед Бенкендорфом об увеличении ей пенсии: «... Уже то, что она обратилась ко мне, – писал он, – свидетельствует, до какой степени у нее мало друзей, надежд и путей. Половина семьи – в ссылке, другая – накануне разорения. Доходов едва хватает на уплату процентов громадного долга... »¹.

¹ Речь идет о том, что в свое время генерал Раевский получил в Заемном банке и государственном казначействе около миллиона рублей с рассрочкой выплаты на 25 лет. После его кончины долг лег на плечи наследников.

381.

Н.Н. Раевский – графу А.И. Чернышеву.

Начало января. Петербург.

Сохранился черновой вариант письма Раевского военному министру с правкой Пушкина, выделенной далее курсивом.

Милостивый государь, граф Александр Иванович!

Я принял смелость всепокорнейше просить Ваше Сиятельство довести до Высочайшего сведения мое оправдание и испросить мне возвращение наград, *коих* удостоен был представлениями начальства. Его Императорскому Величеству благоугодно было не только соизволить на всеподданнейшую просьбу мою, но и определить меня на действительную службу.

С чувством благоговения и глубочайшей благодарности принял я сию Высочайшую Милость, но после смерти отца моего судьба моего семейства лежит на мне, и как въезд в столицы запрещен старшему брату моему, то я должен на место его заниматься делами нашего имения и думать об устройстве двух сестер, разделяющих с братом его уединение. Не осмеливаясь озабочивать преждевременно Высочайшее внимание, но вынужден испрашивать себе позволение проживать в Петербурге и в Москве, сохраняя мое назначение...

Вследствие этого письма, содержание которого было доведено до сведения Государя, с Н.Н. Раевского были сняты все обвинения, он получил от 7 февраля 1832 г. орден Святой Анны 1-й степени.

983.

Высочайшая грамота Н.Н. Раевскому на орден Святой Анны 1-й степени.

Петербург.

По засвидетельствовании Начальства об отличном мужестве и храбрости, оказанных вами в войне противу турок и в особенности 19-го июня 1829 года при совершенном поражении корпуса Арзрумского сераскира близ селения Каинлы, где вы, командуя Кавалерийскою колонною, стремительной атакою совершенно опрокинули неприятеля и гнали его на расстоянии 30-ти верст до глубокого вечера, и в сражениях 27 и 28-го июля того же года...

1384.

Именной указ императора Николая I – министру финансов.

4 марта 1832 г. Петербург.

По прошению вдовы покойного Генерала от Кавалерии Раевского и в уважение знаменитых его заслуг Отечеству» предо-

ставлялась рассрочка состоящего на наследниках долга казне на 37 лет.

Несмотря на все эти знаки монаршего благоволения, оставалась нерешенной важная семейная проблема: старший брат Александр по-прежнему находился в ссылке в Полтаве и ему был запрещен въезд в обе столицы. Именно он, будучи в отставке, мог бы заниматься делами семьи – матери и сестер; в противном случае эта обязанность переходила к младшему брату, а совместить ее с действительной военной службой Раевский-мл. не мог. Тогда он вместе с Пушкиным, неизменным его помощником в этих делах, вместе сочиняет письмо Бенкендорфу от имени Раевской-матери, Софьи Алексеевны, с просьбой разрешить жить в Москве брату Александру Раевскому. В этом письме (386) С.А. Раевская благодарит за помощь в реабилитации ее младшего сына перед императором и просит *«завершить его добрые деяния полным освобождением моего старшего сына, которому запрещен въезд в столицы, и вместе с ним и двух моих дочерей, которые разделяют его одиночество»*. В ответ был получен отказ, вначале от секретаря, а позднее от самого Бенкендорфа, с объяснением причин отказа. Александру Раевскому было позволено жить в Москве уже в конце 1833 г., но окончательно опала была снята только в январе 1834 г.

В силу этого обстоятельства Николаю Раевскому пришлось на время пожертвовать военной карьерой. В письме А.Х. Бенкендорфу от 27 декабря 1832 г. Раевский объясняет, что необходимость управлять делами семьи, притом что старшему брату по-прежнему запрещен въезд в обе столицы, вынуждает его просить временно находиться вне военной службы (*à la suite de l'armée*), исключая случай войны. *«Я сам сознаю, что при этом я теряю, в сравнении с моими товарищами по оружию»*¹, признавал он.

Однако выхода не было: семейные дела требовали его участия, что было несовместимо с военной службой. Отсюда вынужденное прошение о временной отставке.

Забота о делах расстроенного имения, о матери и сестрах легла на плечи младшего брата Николая. О теплой дружеской атмосфере в семье, о чувстве юмора, не покидавшем ее членов, дают представление несколько опубликованных писем матери и сестрам. Не менее чем военное дело, история и литература, Николая Раевского интересовала ботаника,

¹ 14 марта 1833 г. Н.Н. Раевский назначен был состоять по кавалерии; в этом положении он находился до 21 сентября 1837 г., когда состоялось его назначение начальником 1-го отделения (а затем и всей) Черноморской прибрежной линии.

которой он посвящал часы, свободные от служебных занятий, став серьезным специалистом, в особенности в вопросах акклиматизации полезных и декоративных растений на крымском и кавказском побережье. Об этом свидетельствует переписка с Федором Богдановичем Фишером (1780–1854), знаменитым в свое время ботаником. Получив естественно-научное образование в Галльском университете, он отправился в Россию, преподавал в МГУ. В 1822 г. Фишер был назначен директором Ботанического сада, занимая этот пост 27 лет, до 1850 г. Он был известен своими опытами по акклиматизации растений, ученые его работы касались главным образом систематики растений. Был избран членом-корреспондентом Императорской академии наук, а также Харьковского университета и Московского общества испытателей природы.

В письмах речь идет в основном об обмене специальной литературой (журналы, каталоги), но также и об обмене живыми растениями и об их акклиматизации. В письме 388 (от 26 апреля 1832 г., Петербург) Фишер отвечает на предложение Раевского о присылке из Грузии растений для Императорского Ботанического сада, передает ему черенки растений (70 ящиков живых растений из Бразилии и Китая), заказывает семена за границей.

Наконец, серьезное чтение сопровождало Н. Раевского на протяжении жизни.

Весной 1933 г. Раевский уезжает из Петербурга в родовое имение Болтышка под Киевом, где погружается в заботы о приведении в порядок хозяйства и отводит душу в ботанических занятиях. Об этом рассказывают его письма родным.

390.

Н.Н. Раевский – матери и сестрам.

Вторая пол. 1832 г.

Я пишу вам, так как мне нечего делать.

Поцелуйте за меня моего дядюшку Петра¹.

Поцелуйте за меня князя Четвертинского² и всю его семью.

Поцелуйте за меня княгиню Вяземскую³ и всю ее семью.

¹ Петр Львович Давыдов, дядя по линии матери. Елена Николаевна Раевская (урожд. Самойлова, по первому браку Раевская, мать Раевского-ст.), овдовев, вышла замуж вторично, за Льва Давыдова.

² Князь Борис Антонович Четвертинский (1781–1865), брат известной Марии Антоновны Нарышкиной, фаворитки Александра I; женат на княжне Гагариной Надежде Федоровне, родной сестре княгини Веры Федоровны Вяземской.

³ Княгиня Вера Федоровна Вяземская.

Попросите ее написать мне, иначе я подумаю, что она меня больше не любит.

Когда вы всех перецелуете, начните все сначала, если вам это доставит удовольствие.

Передайте Урбану¹ прислать мне, тотчас по получении, следующие произведения, стоимость которых пришлю тотчас, как только она мне станет известна:

Минье. История Реформации или религиозных войн во Франции (не знаю, какое из двух названий)²;

Рич, пер. с англ. Раймона. Путешествие к руинам Вавилона³;

Вильмен. История папы Григория VIII⁴;

Тьер. История Революции⁵;

Дарю. История Бретани⁶;

Дюбарль. История Университета⁷;

Геродот в переводе Мио⁸;

Аристотель. Мораль и политика, в переводе Тюрю⁹;

Дорогая матушка, если вы не заплатите Орлову¹⁰ тысячу рублей, я не буду вам писать. Сделайте мне подарок – коробку с красками.

Дорогая Софи¹¹, немедленно пойдите к английскому библиотекарю, возьмите у него мои книги и пришлите их как можно скорее.

Мой дорогой зять¹², как близнецы?

¹ Книгопродавец.

² Сочинение Fr. Mignet (1796–1884), вышедшее под заглавием Histoire de la Révolution Française depuis 1789 à 1814, в 2 т., в 1824 г.

³ Rich. Memoirs on the ruins of Babylon; третье издание вышло в Лондоне уже в 1818 г.

⁴ Сочинение Abel-François Villemain (1790–1870).

⁵ Louis-Adolphe Tiers. Histoire de la Révolution Française. Сочинение вышло в 1823–1827 гг. в 10 т.

⁶ Comte P.A. Daru. Histoire de Bretagne. Издано в 3 т. в 1826 г.

⁷ Dubarle. Histoire de l'Université. – Paris, 1829.

⁸ Перевод А.-Fr. Miot, compte de Melito вышел в 3 т. в Париже, в 1882 г.

⁹ Перевод J.-Fr. Thurot вышел в Париже в 1823–1824 гг. в 2 т.

¹⁰ Михаил Федорович Орлов, женатый на Екатерине Николаевне Раевской, жил в это время в Москве.

¹¹ София Николаевна Раевская.

¹² М.Ф. Орлов, муж старшей сестры Николая Раевского-мл. Екатерины.

402.

Н.Н. Раевский – княгине М.Н. Волконской.

В Сибирь, 1832–1833 гг.

Дорогая Мари, моя добрая подруга, я написал вам письмо по данному вами адресу, и оно к вам не дошло. Следовательно, я пользуюсь тем, по которому получил ваше, т.е. Канцелярией Е.В. – Не удивляйтесь моему молчанию с 1826 года; что я мог вам сказать? То, что повторю и сейчас, вы не судья своему мужу, преданность – это добродетель женщины, меньшего я и не ждал от вас, ведь мы дети одного отца. Вы говорите мне о вашем муже с фанатизмом. Не сердитесь на мой ответ. Я не прощу его никогда, каково бы ни было его положение; безнравственность, с которой, женившись на вас в той ситуации, в которой он находился, он сократил жизнь нашего отца¹ и стал причиной вашего несчастья. Вот мой ответ, и вы никогда не получите иного. Он всегда будет интересоваться меня, но лишь из-за вас.

407.

Н.Н. Раевский – матери.

Март-апрель 1833 г., Болтышка.

Дорогая матушка, я только что прибыл, чувствую себя хорошо, но слишком занят моими растениями, чтобы писать больше.

Я здоров, Александр болеет. Вот 600 рублей, которые я вам должен.

408.

Н.Н. Раевский – матери, сестрам и М.Ф. Орлову.

Март-апрель 1833 г., Болтышка.

Дорогая матушка,

Благодарю вас и моих сестер за все ваши посылки, которые я еще не видел, будучи занят тем, чтобы покончить с делом Самойлова. Вы должны мне компенсацию за это, и вот о чем я вас прошу: прилагаю список луковиц цветов у Гольца², садовника

¹ О любви и уважении княгини Марии Равской-Волконской к отцу свидетельствует приложенный к ее «Запискам» портрет с ее изображением в Чите, за столом, над которым висит портрет Н.Н. Раевского – копия с портрета П.Ф. Соколова.

² Гольц Егор Мартынович, впоследствии член Российского общества садоводства в Москве.

в Москве. Будьте так любезны купить те, которые я пометил красным карандашом, и пусть это будет вашим подарком оранжереям Болтышки.

Мои дорогие сестры,

*Пойдите к Гольцу сами и скажите ему, что вы мои сестры и выбираете луковицы для меня, тогда он окажет вам особое уважение и не обманет. Вы возьмете у него полную коллекцию *Ixia*, *Antholiza* и *Gladiolus*. Попросите, чтобы он проставил названия на этих луковицах, равно как и на остальных, упаковал их возможно теплее и отошлите их как можно скорее, по причине холода, к Александру [Раевскому. – Т. Ф.]. Умоляю, поспешите.*

Государь мой и дорогой зять [М.Ф. Орлов. – Т. Ф.], Александр просит вас написать коннозаводчику графини [Браницкой. – Т. Ф.], чтобы узнать, какие приказания получены от нее относительно кобыл и как можно скорее отправить ответ Александру в Елисаветград. Он ждет только этого, чтобы сделать распоряжения и отправиться на конный завод. Прошу вас, сделайте это, и поскорее.

Занятия Раевского ботаникой не были простым увлечением, их серьезный характер подтверждается активным участием в научно-практических обществах данного направления. В «Архиве Раевских» опубликованы следующие документы.

377.

Патент Н.Н. Раевскому от Вольно-экономического общества¹.

Под Высочайшим покровительством Всепрестветлейшего Державнейшего Великого Государя Николая Павловича, Императора и самодержца всероссийского и прочая, и прочая, и прочая.

Вольное Экономическое общество, старающееся о поощрении в России земледелия и домостроительства, выбрав единогласно своим сочленом Генерал-майора и кавалера Николая Николаевича Раевского, силою сего признает его своим участником в своих трудах и во всех Членам Общества определенных и впредь определяемых трудах и преимуществах.

Дано в Санкт-Петербурге декабря 7 дня 1831 года.

Президент Н. Мордвинов

¹ АР. – Т. 2. – С. 102.

396.

Диплом Н.Н. Раевского на звание почетного члена Императорского Московского общества испытателей природы¹.

Диплом написан на латыни, за подписью известного ботаника Теодора Фишера.

406.

Российское Общество любителей садоводства.

В Записке Н.Н. Раевского была изложена целая программа общества, цель которого – «распространить в различных климатах обширного государства нашего свойственные каждому из них предметы садоводства и, наконец, постепенно усвоить полезные растения полуденных климатов... В Южной России вообще, под руководством просвещенного садоводства, будут введены ценные предметы промышленности, как: все роды виноградных лоз, дающие лучшие вина, шелковицу Филиппинских островов, лен Новой Зеландии, тонкий и крепкий как шелк, сладкий каштан, пробочный дуб и проч.; многие целительные и красильные растения».

В итоге было создано **Общество поощрения и улучшения садоводства**. Устав общества был высочайше утвержден 14 ноября 1835 г.; в списке действительных членов общества имя Н.Н. Раевского стоит на четвертом месте. С 1838 г. оно издавало «Журнал садоводства» (с перерывами, до 1876 г.).

Тессели и Корез: соседство Раевского-мл. и княгини А.С. Голицыной

Из Болтышки, в начале 1834 г., Раевский отправляется в Крым, в отцовское имение Тессели, продолжая налаживать хозяйство, с тем чтобы поправить свое и семьи материальное положение; там он реализовывал свою страсть к ботанике. Зная склонность младшего сына к ботанике, и особенно к выращиванию экзотических пород деревьев и кустарников, отец завещал ему имение Тессели, расположенное в самой южной точке крымского побережья, у мыса Форос, в местах, когда-то выбранных для себя самим князем Потемкиным. В создании парка в Тессели Николаю помогал садовод-архитектор

¹ АР. – Т. 2. – С. 127–128.

П. Либо, а сам он вел деятельную переписку с ботаниками Крыма и зарубежья. Узкая полоса парка вдоль побережья прекрасно сохранилась до наших дней

В крымском изгнании на Южнобережье Раевский оказался в сфере влияния княгини Голицыной, ее друзей и соседей. В доме княгини была собрана богатая библиотека, сюда приходили газеты, журналы, поддерживалась регулярная почтовая связь. Аристократическая независимость А.С. Голицыной сказывалась и в том, что она готова была протянуть руку помощи и покровительствовать тем, кого коснулась тень опалы в той или иной форме. Когда ее соседом оказался Н.Н. Раевский-мл., она немедленно пришла к нему на помощь. Находясь в своего рода опале, Раевский пребывал в дурном настроении (что явствует из писем княгини Голицыной и баронессы Беркгейм), Он занимался благоустройством унаследованного от отца имения Тессели и редко выезжал в свет даже в пределах Южнобережья.

Отставленный от службы, Раевский в то время находился в стесненном материальном положении. В этой ситуации княгиня сама предлагает ему материальную помощь. В «Архиве Раевских» опубликовано несколько написанных рукой княгини Анны Сергеевны записок Николаю Раевскому, дающих представление о стиле общения – по-мужски лаконичном, ироничном, властном; но за всем этим нетрудно различить и жажду дружеского общения с родственными душами.

462.

Княгиня А.С. Голицына – Н.Н. Раевскому.

Корейз 31 декабря 1834 г.

«Я только что узнала, что пожар почтового отделения в Ялте задержит получение денег, на которые вы рассчитывали. Край беден, и это может поставить вас в затруднительное положение. Позвольте, генерал, предложить вам 50 полу-имперялов, которые, весьма кстати, только что вернулись ко мне после обмена. Благоволите принять уверения в чувствах отличного почтения и преданности, с которыми имею честь быть вашей покорной служгой.

PAG (Кн. А. Г.)¹

¹ Княгиня Анна Голицына (Кн. А. Г.) – Princesse Anna Galitzine (PAG) – обычная подпись княгини Анны Голицыной, которую друзья и соседи порой называли просто Княгиня, с прописной буквы.

Официальный тон письма вскоре сменится совсем иным тоном общения – сердечным, шутивным, дружески-насмешливым. Шесть недатированных записок 1835–1836 гг. от княгини А.С. Голицыной к Н.Н. Раевскому свидетельствуют об установившихся добрососедских отношениях, регулярном обмене записками в промежутках между продолжительными встречами и беседами.

483.

Княгиня А.С. Голицына – Н.Н. Раевскому.

1835–1836 г., Кореиз.

1. Граф [М.С. Воронцов. – Т. Ф.] прибывает сегодня утром, полагают, что он пробудет на побережье лишь несколько дней. Поспешите же закончить с делами и приезжайте развлечь меня. Будем обмениваться опытом, мыслями, идеями.

Кн. А. Г.

Татарин был нанят за пять рублей.

*2. Довольно спать, довольно отдыхать; приезжайте же, чтобы старая княгиня могла вас любить, ворчать, тиранить; приезжайте, мой толстяк, я скучаю без вас, *Bellissima* вспоминает о вас, *Appetissant* зовет вас, Ольга [Ольга Станиславовна Нарышкина, урожд. графиня Потоцкая, жена Льва Александровича Нарышкина] спрашивает о вас, Король [М.С. Воронцов. – Т. Ф.]¹ желает вас видеть. Возвращайтесь, мое сокровище, я дарю вам индюка, захватите повара, чтобы его приготовить. Отсылаю Вам Вашего Дембински, он славный мальчик, но из-за больных ног не может служить ни в качестве моего секретаря, ни в буфете.*

Приезжайте же скорее, бельэтаж шлет вам тысячу дружеских приветов.

Кн. А. Г.

Приписка на обороте. *Дебински [Дембинский. – Т. Ф.] не хочет оставлять меня, поэтому это послание доставит мой Никанор, он сватается к дочери вашего Джексона Ожера, если вы сможете устроить это дело – приезжайте, я разрешу вам курить.*

¹ В окружении княгини (и явно с ее подачи) были в употреблении прозвища: Воронцов и его супруга звались Король и Королева, сам Раевский – Паша Тессели; *Appetissant* (Аппетиссан) – князь Василий Сергеевич Голицын и *Bellissima* (Красавица) – его супруга, урожд. Нарышкина, вдова Аркадия Суворова-Рымникского, владельцы Василь-Сарая.

Обнимаю вас вполне дружески. Когда поедете, загляните в Экономию Мозуровски в Кучук-Кой, спросите у его людей его имя и адрес, запишите и принесите мне.

3. С усердием, свойственным юности, ваш посланец собрался было вернуться в самый вечер своего прибытия, говоря, что он вам необходим; но я деспотически приказала, чтобы его накормили ужином, а утром проснулась поздно, заставила его позавтракать и теперь отпускаю к вам.

Постараюсь отправить вам стекло.

Я принимаю вашего Амман [Amman. – Т. Ф.]¹, но постараемся сделать из него что-то дельное. Верните мне моего бочара, время отправлять вино, он мне нужен.

Приезжайте же, пора, будем спорить, смеяться и читать Экклезиаста. Королева [Е.К. Воронцова. – Т. Ф.] приезжает сегодня, подданные в волнении.

Кн. А. Г.

4. Конец 1835, Кореис.

Небольшие подарки поддерживают дружбу, это старо, банально, но верно. Вот вам две галки, держите их первые пять дней в комнате; они не так послушны, как мои, но это придет.

У меня есть лиловое стекло, единственное в России, я вам его жертвую, но переносить его надо с осторожностью.

Всего доброго, дорогой дикарь, приходите, немного цивилизуетесь среди нас.

Кн. А. Г.

Котенок доставляет мне истинное удовольствие.

5. Конец 1835 г., Кореис.

Вчера я послала вам галку с Агеем, сегодня посылаю вам татари́на с лиловым стеклом, не старайтесь вставить его прямо в рамку, поместите его вначале в подрамнике, а затем навесьте рамку.

Прощайте, все мне наскучило, но мы вас любим, и это правда.

Жюльетта, Анна. Juliette. Anna

(Письмо писано А.С. Голицыной и баронессой Ю. Беркгейм, рукой последней.)

¹ Предположительно это котенок.

6. 1835–1836 г., Кореис.

Король [М.С. Воронцов. – Т. Ф.] велел сказать вам, что я ошиблась датой и что он придет не 20-го, а 17-го, и что вы должны прибыть 15-го. С чем вас и поздравляю. У меня нет времени писать вам больше, я занята нрзбр.

Кн. А. Г.

Между нею и Раевским случались размолвки. После одной из них она берется за перо сама, показывая еще один образчик своего стиля – насмешливо-ироничного и затаенно-нежного.

513.

Княгиня А.С. Голицына – Н.Н. Раевскому.

15 марта 1837 г., Кореиз.

Привет Паше Тессели. Мой почтовый экипаж оказался неполным: четырехное животное с всадником, которое я вам посылаю, – это, как говорят, хорошая лошадь под седлом и вдобавок иноходец, но – чудовище и архи-чудовище – он отказывается везти бричку. Буду вам обязана, если вас не затруднит неким образом обменять его на черную лошадь, но не на ту мелкую бесхвостую крысу – лошадь, на которой Ваше Превосходительство ездили верхом, прежде чем пересели на белую лошадь; если это вас не беспокоит, то меня чрезвычайно устроило бы, так как Король¹ прибывает 20-го и я опасуюсь упреков за мой почтовый экипаж. Если вы продолжаете на меня дуться, то пришлите мне побольше розовых кустов для посадки вокруг двора князя Голицына², я ему напишу, что это подарок от вас, это доставит ему удовольствие. Когда Король будет здесь, появится и Паша, и он перестанет сердиться. Придется волей-неволей снова полюбить старую женщину и кротко позволять ей вам противоречить, чтобы быть за это любимым.

¹ Граф М.С. Воронцов.

² Князь Александр Николаевич Голицын, который приобрел себе имение Гаспру около Кореиза. См. в его письмах к княгине Голицыной и баронессе Беркгейм благодарности за их заботы о благоустройстве его имения (Т.М. Фадеева. Южный берег русской аристократии в письмах к Н.А. С. Голицыной Александру I, Воронцову и др. лицам. – Москва : Прогресс-Традиция. 2017. – Гл. 3).

Будьте здоровы, ученик Христианки; библеянка¹ любит вас на свой лад, это означает, что вы не умеете любить, но это придет. Пришлите розы с лошадью.

Кн. А. Г.

В окружении Княгини можно было встретить княгиню Александру Борисовну Мещерскую; ее сестру, Татьяну Борисовну Потемкину²; Варвару Аркадьевну Башмакову³, урожд. княжну Суворову-Рымникскую; Наталью Федоровну Нарышкину⁴ и др., письма которых можно встретить в «Архиве Раевских». Возможно, под влиянием всех этих дам Раевский расширяет свой круг чтения, распространяя его на духовно-нравственную область. Судя

¹ Баронесса Ю. (Жюльетта) Беркгейм, дочь Крюденер.

² Княгиня Александра Борисовна Мещерская (урожд. княжна Голицына, 1798–1878), жена флигель-адъютанта князя Сергея Ивановича Мещерского (1800–1870), племянника А.С. Голицыной. Она, как и сестра ее, Татьяна Борисовна Потемкина, отличалась крайней религиозностью, что и сблизило ее с княгиней А.С. Голицыной и с баронессой Беркгейм. В Киеве, где жила княгиня Мещерская в последние годы своей долгой жизни, у нее была домашняя церковь; любимым чтением ее были книги духовно-нравственного и религиозного содержания

³ Варвара Аркадьевна Башмакова, урожд. княжна Суворова-Рымникская, дочь князя Аркадия Александровича (утонувшего в р. Рымнике в 1811 г.) от брака его с Еленой Александровной Нарышкиной (1785–1855); во втором браке была с князем Василием Сергеевичем Голицыным); 23 января 1824 г. в Петербурге состоялась ее свадьба с Дмитрием Евлампиевичем Башмаковым (1792–1835), «молодым красавчиком», полковником-кавалергардом. Молодые отправились в Крым, где купили себе имение Мшатку. С назначением мужа чиновником особых поручений к графу М.С. Воронцову (1825), приходившемуся молодой двоюродным дядей, Башмаковы поселились в Одессе, где Варвара Аркадьевна еще в 1824 г. часто видалась с Пушкиным, поклонником ее сестры Марьи Аркадьевны Голицыной.

⁴ Наталья Федоровна Нарышкина (1788–1863), старшая дочь графа Федора Васильевича Ростопчина, в 1819 г. вышедшая замуж за полковника Дмитрия Васильевича Нарышкина; последний, вместе с А.Н. Раевским, был адъютантом при графе М.С. Воронцове (в бытность его за границей в 1817 г.), которому приходился троюродным братом. В 1823 г. Д.В. Нарышкин вышел из военной службы и был назначен, по представлению графа Воронцова, Таврическим гражданским губернатором и вскоре получил чин д. ст. советника; должность эту он занимал до 17 апреля 1829 г., когда был заменен Александром Ивановичем Казначеевым. В 1823 г. Нарышкины поселились в Симферополе и купили на его окраине имение Салгирку (впоследствии проданное графу Воронцову). Овдовев в 1832 г., Н.Ф. Нарышкина поселилась в Симеизе, в 16 верстах от Ялты. Вигель и Олизар отзываются о ней с похвалой. Принимала деятельное участие в устройстве судьбы И.К. Айвазовского.

по упоминаниям в письмах, ему из Кореиза Голицыной посылаются следующие книги:

– Луи-Эме Мартен (1781–1847), друг и почитатель Бернардена де Сен-Пьера и издатель его сочинений, автор произведений духовно-нравственных, литературных, критических, драматических и иных. Баронесса Беркгейм имеет в виду, вероятно, изданную в 1835 г. «Книгу сердца, или беседы мудрецов всех времен о дружбе» (Louis-Aimé Martin «*Livre du Coeur ou entretiens des sages de tous les temps sur l'amitié*»);

– Сочинение испанского государственного деятеля и экономиста Don Pablo-Antonio-Jose Olavides (1725–1803): «*El Evangelio en Triunfo*», написанное им во время пребывания его во Франции, переведенное на французский язык под заглавием «*Le Triomphe de l'Évangile, ou memoire d'un homme de monde revenu des erreures du philosophisme moderne*»; оно пользовалось большим успехом, было издано в Лионе в 1805 г. в 4 т., в 1821 г. в 3 т. и в 1835 г. в 4 т. Оно было переведено на русский язык А.Ф. Лабзиным и издано под заглавием «Торжество Евангелия, или записки светского человека, обратившегося от заблуждений новой философии, сочинение, в котором победоносным образом поражаются лжемудрствования неверия и в коем доказывается истина Христианской веры. Переведено с испанского на французский с 7-го издания, а с французского на Российский», СПб, 1821–1822, 4 ч;

– Искусство сверять даты (*L'art de verifier les dates*).

Первые известия о гибели Пушкина: письма из Кореиза баронессы Беркгейм Н. Раевскому-мл.

В образованных слоях российского общества весть о смерти Александра Сергеевича Пушкина быстро облетела всю Россию. Практически все отклики опубликованы пушкинистами за истекшие без малого два столетия. Мы обратим внимание на малоизвестные сообщения об обстоятельствах дуэли и смерти Пушкина за февраль 1837 г., опубликованные в 1909 г. во втором томе «Архива Раевских» на французском языке в издании, ставшем сегодня библиографической редкостью. Речь идет о письмах, отправленных из Кореиза баронессой Жюльеттой Беркгейм генералу Н.Н. Раевскому-мл., соседу по имению Тессели. В переводе на русский язык эти письма о гибели Пушкина публикуются впервые¹.

¹ Согласно сведениям, полученным из ИРЛИ РАН (Пушкинский дом), письма были опубликованы только на французском языке.

Выше (во введении) упоминалось о дружбе Николая Раевского-мл. и Пушкина с лицейских времен. Судьба свела их в 1820 г., когда с семьей Раевских поэт совершил путешествие по Кавказу и Крыму. Среди них, в Гурзуфе, он провел «счастливейшие», по его словам, минуты жизни. Раевский знакомит поэта с Байроном и Шенье. Пушкин посвящает Раевскому балладу «Андре Шенье» и поэму «Кавказский пленник». Сосланный из Одессы в Михайловское, поэт активно переписывается с ним, в особенности обсуждая роман в стихах «Евгений Онегин» и трагедию «Борис Годунов». Из переписки друзей видно, что поэт высоко ценил ум и широкую образованность Николая Раевского, мнением которого он очень дорожил, зная, как глубоки суждения его друга, каким строгим вкусом он отличается. О Николае Раевском современники отзывались как об одном из самых сведущих людей в вопросах истории, европейской и отечественной. Недаром именно ему так подробно излагал поэт план и содержание будущей трагедии «Борис Годунов» (письма 157 из Михайловского и 274 из Петербурга.). В 1829 г. Александр Пушкин едет на Кавказ к Николаю Раевскому, чьи военные таланты развернулись в годы Русско-персидской и Русско-турецкой войн 1827–1829 гг., и рассказывает о своих впечатлениях в «Путешествии в Арзрум».

Николай Раевский знал, что всегда может рассчитывать на дружескую помощь Пушкина, который принимал близко к сердцу все, что происходило с каждым из членов дорогой для него семьи. В 1830–1831 гг., находясь в Петербурге, Раевский обращался к Александру Сергеевичу за советом по поводу написания писем, касавшихся положения своего брата и семьи (см. стр. 37). Дружья не виделись со времени отъезда Раевского-мл. в Крым, в имение Тессели, в 1834 г. Там он занимался имением, парком, участвовал в деятельности Российского общества любителей садоводства. Несчастья, сыпавшиеся одно за другим на семью Раевских, сказывались на его душевном состоянии и взаимоотношениях со знакомыми, судя по попыткам утешить и подбодрить его в письмах, которые писала ему Жюльетта (Юлия) Беркгейм от имени своего и княгини А.С. Голицыной.

Кореиз, имение А.С. Голицыной, рядом с которым находилось почтовое отделение, было источником новостей и своеобразной библиотекой Южнобережья, сюда приходили книги, газеты и журналы, которыми могли пользоваться и соседи. Голицына и Беркгейм поддерживали отношения со всеми южнобережными помещиками, всех принимали у себя, навещали тех, кто нуждался в их помощи. Благодаря обширной корреспонденции, кореизские дамы всегда были в курсе важнейших событий в России и Европе. В письмах

к Н.Н. Раевскому они пытаются морально поддержать его в трудный период, не дать замкнуться в собственных переживаниях. Получив известие о смерти Пушкина, Беркгейм немедленно сообщает об этом Раевскому и далее, по мере поступления новых подробностей трагедии, продолжает держать его в курсе. Переписка южнобережных жителей, отрезанных зимой от России, представляет особый интерес в качестве варианта изложения событий и объяснения обстоятельств дуэли.

Сама Ж. Беркгейм, как явствует из писем, не была лично знакома с Пушкиным и не знала, что Н.Н. Раевский был его другом. Но, сознавая значение этого имени для русской литературы, она, как только эта печальная новость дошла до зимнего Кореиза, незамедлительно сообщила об этом Раевскому.

508.

Баронесса Ю. Беркгейм – Н.Н. Раевскому.¹

Середина февраля 1837 г., Кореиз.

Одесса полна слухами о смерти поэта Пушкина. Император необыкновенно великодушен к несчастной вдове и сиротам, говорят, что муж, умирая, во всеуслышание провозгласил невиновность своей жены, она была оправдана; он ничего не хотел принимать, кроме как из ее рук. Вот поистине печальное событие. Мы не располагаем подробностями этой ужасной и печальной дуэли, но нам писали недавно из Петербурга, что один французский офицер из конногвардейского полка, по имени Дантес, был влюблен в мадам П[ушкину], и что его (т.е. Пушкина) внимание было привлечено с помощью анонимного письма, достаточно пошлого и злого. [Карандашом, рукой А.Н. Раевского (?), приписка: «du Bancal Dolgorouco», хромого Долгорукого, т.е. князя Петра Владимировича Долгорукого. Видимо, уже тогда личность автора пасквиля не вызвала сомнений. – Прим. Л.Б. Модзалевского.] В момент, когда Пушкин получил этот пакет, Дантес был у его жены. Взбешенный, он вышел в другую комнату и предложил дуэль. Тот ему говорит, что он влюблен в сестру мадам Пушкиной. Пушкин у него спросил – которую, Дантес, застигнутый врасплох, ответил, что старшую. Тогда Пушкин вывел его в гостиную и объявил своей невестке,

¹ Часть этого письма была напечатана Б.Л. Модзалевским в статье: Из семейного Архива Раевских – Пушкин и его современники, Вып. II, 1904, стр. 20-22, но с неверным указанием на Одессу как на место, откуда письмо писано.

что Дантес делает ей предложение, и вот они обручены к большому удивлению всего общества!

Может быть, что дуэль была спровоцирована другими обстоятельствами. Эта новость меня огорчила, такой большой талант, ставший жертвой мелких страстей, и хуже того – дурной шутки»¹.

В конце этого же письма она добавляет следующее:

Вот что еще написали мадам Потемкиной о Пушкине и что она только что нам сообщила. Он был смертельно ранен в дуэли с Дантесом. После этого он прожил еще 24 часа, не теряя сознания, и помирился со своею женой. Дантес после своего брака с сестрой жены Пушкина по-прежнему продолжал ухаживать за мадам Пушкиной, муж потерял терпение, написал Дантесу угрожающее письмо, и на следующий день произошел поединок².

Следующее подробное письмо Ю. Беркгейм написано под впечатлением от ответного письма Раевского, в котором он посвятил баронессу в свои достаточно тесные отношения с Пушкиным. Так, в своем ответе она упоминает о «страданиях» поэта, о «невиновности действующих лиц этой драмы», рассуждает «о силах зла», стремившихся лишь навредить. Остается только сожалеть о том, что до нас не дошло это письмо, содержащее мнение о ситуации, сложившейся вокруг Пушкина, его друга и современника Николая Раевского.

509.

Баронесса Ю. Беркгейм – Н.Н. Раевскому.

Конец февраля – начало марта 1837 г. Артек.

...Если вы были огорчены смертью Пушкина, то я, не будучи знакома с ним, испытала настоящую скорбь, которая не оставляет меня все эти дни. То, что вы мне пишете о нем, меня живо интересует, я сожалею об этой душе и полагаю, что ее страдания были крещением. Действующие лица этой печальной драмы не виновны, виноваты лишь силы зла, которые не имели иного интереса, кроме как навредить. Все эти дни я находилась под влиянием грустных чувств, которые этот ход событий не изменил; однако я хотела бы

¹ АР. – Т. 2. – С. 323.

² Там же, с. 328.

послать вам несколько слов утешения, но утешает сама возможность писать доверительно, и в этом смысле ваше письмо меня порадовало. Я не знала, что вы были близко связаны с Пушкиным. У меня нет иных подробностей о нем, кроме того, что Император был великодушен и добр по отношению к вдове. Пушкин помирился со своей женой, он ничего не хотел принимать, кроме как из ее рук. Обвиняют приемного отца Дантеса в дурных поступках, говорят также, что домогательства Дантеса не прекращались и сама мадам Пушкина предупредила об этом своего мужа. Он потребовал, чтобы она носила траур два года и удалилась в деревню подальше от Петербурга. Это нам рассказала Александрина¹.

Спустя почти месяц, явно не находя слов, чтобы выразить обуревающие его чувства, Н.Н. Раевский пишет краткое соболезнование отцу поэта.

511.

Н.Н. Раевский – Сергею Львовичу Пушкину.

5 марта 1837 г., Севастополь.

Сударь

Я только что узнал о поразившем вас несчастье. Я не могу предложить вам иного утешения, кроме как разделить ваше горе. Ради Бога, сообщите мне о вас, об Александре, о его семье. – Я в полном неведении обо всем, что случилось. Мой адрес: Севастополь, в Крыму.

Имею честь приветствовать вас с самым глубоким уважением и с совершеннейшим почтением,

Н. Раевский

Жюльетта Беркгейм продолжала передавать Раевскому все новые сведения, получаемые ею в связи со смертью Пушкина.

512.

Баронесса Ю. Беркгейм – Н.Н. Раевскому.

Март 1837 г., Кореиз.

...Вот что еще пишут из Петербурга о Пушкине. Говорят, будто бы в присутствии нескольких лиц он объявил свою жену невиновной во всем этом деле и чистой как божий день. Говорят, что она почти лишилась чувств в этот момент и что ее полубормочное состояние внушало опасения за нее. Дантеса осудили; говорят,

¹ АР. – Т. 2. – С. 330.

будто бы он должен быть исключен из службы и выслан за границу. Его приемный отец уезжает; поведение обоих сильно порицают¹.

Эти строки завершают тему смерти А.С. Пушкина в письмах Юлии Беркгейм к Н.Н. Раевскому. Они интересны не новыми подробностями, а, скорее, отражением восприятия событий в среде русского дворянства, проживавшего на Южном берегу Крыма в 30-е годы XIX в., их реакции на эту смерть и сопутствовавшие ей обстоятельства.

Генерал-губернатор М.С. Воронцов и его участие в судьбе Н.Н. Раевского-мл.

Прибытие императорской семьи в Крым, состоявшееся осенью 1837 г., безусловно, было главным событием для всего побережья. Граф Воронцов торопился: важнейшим делом было окончание строительства новой дороги от Алушты до Ялты и далее до Байдарских ворот, начатого еще в 1832 г. (оно было окончено в 1837 г.). Завершалось и строительство основного корпуса дворца в Алупке, ставшего, как и предполагалось, основным местом пребывания императрицы со свитой в течение почти месяца. Воронцов пользуется присутствием царской семьи, чтобы настроить ее в пользу пребывающего не у дел Раевского. Последний и сам составляет письмо графу А.Ф. Орлову (529, на рус. яз.), предлагая использовать себя на самом трудном участке в деле освоения кавказского побережья.

529.

Н.Н. Раевский графу А.Ф. Орлову.

Сентябрь 1837 г. Одесса.

(Другая редакция.)

...Приобретенное последнюю турецкою войною пространство берега между Анапою и крепостью св. Николая в полтора раза обширнее владений Франции на Средиземном море и со временем должно быть важным для России. Край сей мне известен: речь идет о его преобразовании, и в настоящем его положении не много нашлось бы желающих посвятить ему свою жизнь и службу. Я осмелился просить поручить мне управление сего края

¹ АР. – Т. 2. – С. 334.

и удостоился получить в ответ, что государь император, принимая с особенным благоволением готовность мою вступить в действительную службу, предоставил его сиятельству 2-му военному министру объявить мне, что при первом случае Его Величество с удовольствием употребит меня к должности, чину моему соответствующей и сообразно с моим желанием.

В сентябре 1837 г. состоялся смотр войск в Вознесенске, в присутствии императора, куда самолюбивый Раевский отправился с тревожными чувствами. Ссылаясь на предыдущее письмо и объясняя свое присутствие на маневрах в Вознесенске, Раевский написал следующее в черновом варианте письма.

529.

(Черновое.)

...Служа в кавалерии и быв помещиком в смежности с военными поселениями, я почел необходимым долгом явиться на маневры в Вознесенск; кроме сего, я надеялся иметь случай о себе напомнить Государю Императору. Предположение мое не исполнилось, и мне совершенно не известно: чем я имел несчастье заслужить немилость императора, столь разительную и неожиданную для меня?

В окончательной редакции Раевский от этой концовки отказался, однако она помещена в «Архив Раевских» и свидетельствует о том, что назначение Раевского сопровождалось сомнениями и колебаниями. Грандиозные маневры прошли блестяще, и Николай I остался ими чрезвычайно доволен. Однако от встречи с Раевским-мл. (как некогда с его отцом, пытавшимся в 1829 г. получить аудиенцию, чтобы добиться послаблений положения ссыльного зятя и дочери Волконских) государь уклонился, его перемещения сразу после маневров были стремительными: из Вознесенска государь отправился в Одессу, затем в Крым, посетил Севастополь, ознакомившись с состоянием морского флота, несколько дней провел в Алушке, был в гостях у Воронцова 6–19 сентября, оставив там императрицу и вел. княжну Марию со свитой (пробыли до 30 сентября), посетил Ореанду Витта и подарил нижнюю Ореанду Александре Федоровне.

Наконец, следуя из Крыма на Кавказ, император Николай, сопровождаемый наследником-цесаревичем, высадился 20 сентября 1837 г. в Геленджике, где остановился в комендантском доме. «После непродолжительного отдыха и последовавшего

за ним приема командующего войсками на кавказской линии, генерал-лейтенанта Алексея Александровича Вельяминова, и некоторых других лиц, государь отправился к ген.-майору *Штейбе(ну)*, смертельно раненому в бывшей накануне экспедиции. Искреннее участие, оказанное страдальцу, и пожалование ему 3 т. червонцев, само собою, не могли предупредить печального исхода болезни, но тем не менее красноречиво свидетельствовали о той горячей любви, которою всегда отличался император Николай к войску. То же монаршее благоволение было оказано, при посещении баталионных лазаретов, раненым нижним чином, из которых некоторым были положены на грудь георгиевские кресты»¹. На следующий день, убедившись, что генерал-майор Штейбен, которого Командующий войсками кавказской линии А.А. Вельяминов прочил на место начальника 1-го отделения Черноморской береговой линии, находится при смерти, Николай I подписывает приказ о назначении на это место Н.Н. Раевского-мл. По прибытии 21 сентября в Геленджик император Николай подписывает Высочайший приказ от 21 сентября 1837 г. по кавалерии, согласно которому генерал-майор Раевский был назначен начальником 1-го отделения Черноморской береговой линии», куда входили крымское и кавказское побережье².

Г.И. Филипсон так комментирует это назначение: «Место это изобретено было Вельяминовым для генерала Штейбена, но он умер от раны (полученной еще весной 1837 г.). В проезд с Кавказа государь сказал Вельяминову: “Раевский просится опять в службу. Возьми его к себе”. Вельяминов знал его и его отца, одного из героев 12 года, а потому охотно взял сына и испросил ему вышесказанное, странное и нелестное [?] назначение». Филипсон называет это назначение «нелестным», поскольку ближайшее окружение продолжало считать, что Раевский «в опале», а что касается статуса начальника 1-го отделения Черноморской береговой линии (от Анапы до Михайловского включительно), то вторую часть этой линии предстояло завоевать и основать там укрепления. К тому же указанный пост подразумевал полное подчинение Вельяминову. Поэтому, считал Филипсон, «Раевский принял это назначение, поскольку

¹ Император Николай на Кавказе в 1837 г. // Русская старина. – 1884. – № 4. – С. 378.

² Санкт-Петерб. вед. – 1837. – № 234. – С. 1053.

в последнее время был в опале, а потому и приехал зимой 1837–1838 гг. в Ставрополь, где проживал его новый начальник А.А. Вельяминов. Здоровье Вельяминова все более и более расстраивалось... и он почти безвыходно сидел в своем кабинете, где была и библиотека. Он был очень рад приезду Раевского, как любезного и приятного собеседника, он мог говорить ему о славном прошедшем и о лицах, с которыми он когда-то был в близких отношениях. Он поместил Раевского у себя в доме и проводил с ним почти все время». Узнав от врача, что болезнь не позволит ему принять личное участие в предстоящей весной экспедиции, «Вельяминов решился поручить, до своего приезда, командование отрядом Раевскому. Он заботился о составлении для него штаба, снабдил его палатками, кухней и всей бивачной принадлежностью, но предупредил, что по приезде к отряду возьмет все это обратно... Я [Г.И. Филипсон. – Т. Ф.] был назначен отрядным обер-квартирмейстером. Раевский со мной несколько раз говорил о крае и горах и показывал мне хоршее расположение»¹.

В письме 533 от 9 декабря 1837 г. барон Розен, генерал-адъютант, писал Вельяминову, командующему войсками на Кавказской линии Черномории, от военного министра инструкцию: *«1. Генерал-майор Раевский – по всем делам службы – поставляется в полную от вас зависимость и имеет представлять ко мне прямо только о чрезвычайных случаях... 2. Подчинить ему укрепления по всему Черкесскому берегу до Гагры, как ныне существующия, так и те, которые со временем будут возведены на сем же пространстве».*

В отношении окружающих к Раевскому, как недоброжелателей, так и завистников, просматривалось опасение, что эта яркая сильная личность, одаренная талантами как военачальника, так и администратора покоренных территорий, со временем приобретет права наместника. Такие права в ходе затяжной и трудной кавказской войны Николай I в конце концов был вынужден даровать М.С. Воронцову, а его преемник на троне – Воронцову-Дашкову. О том, что подобные слухи существовали, дает представление письмо Фишера, постоянного корреспондента Раевского в области совместных ботанических интересов.

¹ Филипсон Г.И. Воспоминания // Русский Архив. – 1883 г. – Кн. 3. – С. 259–

534.

Фишер – Раевскому.

С.-Петербург 25 февр. 1838.

...Одни говорят, что ваше вновь созданное королевство – замечательно своей растительностью, другие – что ни раньше, ни теперь, ничего особенного там не найдено, кто же прав? В любом случае, когда окажетесь там, благоволите не забыть ваших гиперборейских друзей и присылайте семена и саженцы в любом количестве; наша потребность велика.

Но, как я и говорил ранее вашему превосходительству, другие слухи говорят не о вице-королевстве, но о королевстве, даже о монархии. Осмелюсь ли выразить вам мои комплименты? Смею ли надеяться, что замечательные растения, прекрасные цветы преодолеют расстояние в 100 000 лье?

Когда 27 марта 1838 г. умер Вельяминов, командование экспедицией естественно перешло к Н.Н. Раевскому. Последний тем временем, укрепляя свое положение, побывал в Севастополе, где Черноморский флот вышел на рейд и готовился к отплытию для участия в десанте. Раевский, по выражению Филипсона, *«успел обворозжить моряков, начиная с главного командира М.П. Лазарева, который принял, по убедительной просьбе Раевского, личное начальство над эскадрой»*¹. Раевский пишет Адмиралу Лазареву о своей радости при известии, что он, герой Наваринского морского сражения, прибудет вместе с эскадрой, и напоминает ему: *«Я не могу забыть внимания, которое Вы оказали мне при свидании нашем в Алушке, и исполнен за него благодарности»*².

539.

М.П. Лазарев – Н.Н. Раевскому.

(На рус. яз.)

Николаев, 5 апреля 1838 г.

*...Благодарю за лестное для меня желание ваше находиться под моим начальством; но это слишком много. Начальником вашим я не буду, а постараюсь быть ревностнейшим вашим сотрудником и содействовать вам всеми имеющимися у меня средствами в выполнении возложенных на вас поручений*³.

¹ Филипсон Г.И. Воспоминания. Указ. соч. С. 261.

² АР. – Т. 2. – 538. С. 396.

³ АР. – Т. 2. – 539. С. 397.

Согласно общему плану военных действий, в 1838 г. на Черноморской береговой линии следовало возвести два новых укрепления у устьев рек Туапсе и Шапсухо. Десантный отряд (9,5 батальонов пехоты, четыре полка пеших черноморских казаков, 26 орудий и 14 кегорновых мортирок) должен был собраться в Тамани и на судах Черноморской эскадры отплыть к устью означенных рек. Эскадра вышла из Тамани 7 мая 1838 г.

М.Ф. Федоров в своих «Походных записках на Кавказе с 1835 по 1842 г.», приводит следующий приказ по Кавказскому корпусу (№ 2): «Служивший здесь двадцать лет с таким отличием и потом – семь лет столь достопамятно командовал войсками на Кавказской линии и в Черномории генерал-лейтенант Вельяминов 2-й, после продолжительной болезни, 27 числа марта волею Божиею кончил полезную свою для службы государю императору жизнь. С душевным прискорбием объявляя о сем по войскам Высочайше вверенного мне корпуса, предписываю командующему 1-м участком прибрежной Черноморской линии генерал-майору Раевскому, впредь до Высочайшего повеления, вступить в командование оными войсками»¹.

Впредь до Высочайшего повеления... По замечанию Филиппсона, «Раевский никогда не был начальником всей Кавказской линии, как Вельяминов».

С Раевским у Лазарева установились сразу же прекрасные отношения, которые не изменились до конца их совместного пребывания на Черном море.

Не будем забывать о том, что в получении места начальника Черноморской береговой линии немалую роль сыграли усилия М.С. Воронцова, принимавшего императорскую семью в своем дворце в Алушке и не упускавшего возможности замолвить слово за Раевского.

Закрепляя успех, М.С. Воронцов кратким письмом от 28 сентября (см.: 531) приглашает Н.Н. Раевского в Алушку «к обеду и на весь вечер», испросив разрешения императрицы. Этот визит по приглашению Воронцова имел двойное значение в судьбе Раевского: здесь он был представлен государыне Александре Федоровне и встретил свою будущую невесту. Дело в том, что в свите императрицы была Анна Михайловна Бороздина, недавно пожалованная во фрейлины. Здесь и состоялось их сближение (знакомы они,

¹ Кавказский сборник. – Т. 3 : Тифлис, 1879. – С. 113; АР. – Т. 2. – С. 392.

по всей вероятности, как дальние родственники, были и раньше), в дальнейшем приведшее к браку.

3 октября 1837 г. императрица со свитой выехала из Крыма. Анна осталась в Симферополе с больным отцом. После его смерти она, как единственная наследница, вошла во владение всеми именьями, в том числе и Карасаном. 18-летняя Анна показала себя рачительной хозяйкой – оплатила все долги и недоимки. В 1838 г. вместе со своей воспитательницей Дамберг она находилась в Карасане, занимаясь обустройством имения. Штаб Черноморской береговой линии находился в Керчи, поэтому Раевский часто приезжал к своей невесте Анне Михайловне Бороздиной в Симферополь. Они вступили в брак в Москве 22 января 1839 г.

Вместе с генералом Раевским получил указания и главный командир Черноморского флота адмирал М.П. Лазарев. Ему предлагалось тщательно изучить побережье Кавказа для высадки десанта и строительства фортов. В планах военного министерства укрепление в верховье Суджукской бухты поначалу не значилось, но Раевский именно там предложил строительство крепости и сам начертил план будущего укрепления. В начале сентября 1838 г. он получил разрешение на закладку крепости. 14 января 1839 г. военный министр России издал приказ о присвоении укреплению в Суджукской бухте названия Новороссийск. Таким образом, Н.Н. Раевский вместе с вице-адмиралом Михаилом Петровичем Лазаревым (и контр-адмиралом Серебряковым) считается одним из основателей города Новороссийска.

Раевский-мл.: герой десанта 1838 г.

Экспедиция Раевского в мае 1838 г. стала главным событием в его военной карьере после назначения его начальником 1-го отделения Черноморской береговой линии¹. Именно ей посвящены самые подробные письма М.С. Воронцова. В них он выражает восхищение военными талантами молодого генерала, но в особенности

¹ Карьера Н.Н. Раевского мл.: назначен состоять по кавалерии – 14 марта 1833 г., начальник 1-го отделения Черноморской береговой линии – 21 сентября 1837 г., за отличие генерал-лейтенант – 09 августа 1838 г., начальник Черноморской береговой линии – 12 августа 1839, отчислен по кавалерии – 06 февраля 1841, уволен со службы – 26 ноября 1841 г.

теплое отношение и симпатии Воронцова к Раевскому вызваны тем, что он увидел в нем единомышленника в плане стратегического освоения края. Оба корреспондента были согласны в том, что не военные действия, а мирные занятия – торговля, заведение виноградников, садов – вот верный путь к налаживанию контактов с местным населением, к более прочному освоению края.

В составе экспедиции были декабристы-рядовые: А.И. Черкасов, Н.И. Лорер, М.М. Нарышкин, поэт князь А.И. Одоевский и В.Н. Лихарев. Сохранилось несколько описаний десанта, кратко пересказанных в комментариях Б.Л. Модзалевского¹. Мы приведем краткие выдержки оттуда, посвященные руководителю экспедиции – генералу Раевскому, – в особенности интересные тем, что они подтверждают проведение глубокого и проницательного анализа избранной им стратегии, прежде всего как удачного примера взаимодействия армии и флота, сделанного М.С. Воронцовым в письме 571. По просьбе Раевского эскадру возглавил знаменитый адмирал Лазарев. Все расчеты по высадке произвел начальник штаба отряда М.М. Ольшевский. К 1 мая весь отряд был в сборе и в ротах был прочитан следующий приказ генерала Н.Н. Раевского: *«Мне препоручено с отрядом занять берега Туапсе [реки. – Т. Ф.] для построения там крепости. С откровенностью и с доверием к отряду считаю долгом объявить, что из всех долин восточного берега Черного моря Туапсе самая населенная, что ее жители прославляют свою храбрость и что они уже знают и ожидают нашего прибытия. Вот достаточные причины, чтобы усилить рвение и храбрость усердных слуг Государя Императора»*². Несколько очевидцев (Г.И. Филипсон, Н.И. Лорер, М.Ф. Федоров) составили подробные описания экспедиции. Ночью отряд снялся с биваков и к утру подошел к морю, где его поджидали корабли эскадры. *«Отряд наш, – пишет Н.И. Лорер, – выстроился огромным каре, и начался молебен. Я и весь отряд любовались на своего нового начальника, Н.Н. Раевского. Высокий, стройный, в шарфе и с шашкою через плечо, стоял он серьезно перед рядами войска, которое готовился вести к победе. В цвете лет, с черными волосами, лежавшими на красном его воротнике, и в синих очках, Раевский на всех производил хорошее впечатление: в фигуре его была какая-то гордость и отвага... После молебствия отряд приблизился к берегу, где ждала нас перевозоч-*

¹ АР. – Т. 4. – С. 429–437.

² АР. – Т. 2. – С. 430.

ная флотилия с кораблей... Посадка была закончена к вечеру 7 мая, а на рассвете следующего дня эскадра снялась с якоря и двумя линиями направилась вдоль восточного берега Черного моря. Н.Н. Раевский со своим штабом был на адмиральском стопушечном корабле “Силистрия”, которым командовал капитан 1-го ранга П.С. Нахимов – впоследствии герой Севастопольской обороны». «Адмирал Лазарев, – пишет Г.И. Филипсон, – принял нас очень любезно и вообще показывал особенное расположение не только к самому Раевскому и его штабу, но вообще ко всем сухопутным войскам». 11 мая эскадра достигла места назначения – устья реки Туапсе – и стала на якорь вечером: наступила ночь – темная, но звездная. «По всему протяжению видимого берега горцы развели огни, – пишет М.Ф. Федоров, – и можно было рассмотреть, особенно через зрительную трубу, как толпы их переходили от костра к костру; ясно было, что сбор их многочислен. Ветер был тихий, северный, к утру почти стих... Из словесного приказа мы узнали, что первым рейсом всего десанта будет командовать сам начальник отряда, генерал Раевский; авангардную цепью – полковник Тенгинского полка Егор Егорович фон-Бринк; правую цепью – полковник М.П. Полтинин; левую – полковник М.М. Ольшевский... В половине пятого 12 мая начало светать, и едва солнце позолотило вершины гор, – военные пароходы “Язон” и “Колхида” начали брать корабли на буксир и вводить в боевую линию. Каждый корабль, войдя в линию, бросал якорь и немедленно спускал гребные суда, на которые сейчас же сажались войска первого рейса; эта гребная флотилия отчасти была вооружена коронадами и, приняв войска, держалась около кораблей. Когда все войска были уже посажены на баркасы, подан был сигнал “начать бой”. В тот же момент, почти одновременно, со всех судов эскадры последовал залп за залпом, и началась канонада; в ущелье и на боковых горах поднялась пыль столбом. Гребная флотилия двинулась; мы плыли под выстрелами, и над нашими головами завывали ядра громадного калибра; впереди всех неслась небольшая шлюпка, на которой стоял начальник отряда с адъютантами и строевым штабом Николай Николаевич Раевский, – стройный, высокого роста генерал...» Другой участник высадки на Туапсе Н.И. Лорер так описывает день 12 мая: «...Лодки понеслись к берегу как на какой-нибудь гонке, а оставшиеся за нами корабли стреляли целыми бортами через наши головы. Впереди, на берегу, леса валялись от этой ужасной канонады, и скоро дым застлал всю окрестность. Раевский, с трубкою в зубах, в рубашке и с шапкою через плечо, стоял на носу лодки с Л.С. Пушкиным и плыл недалеко от нас. Он первый выскочил

на берег – и по всей линии загремел огонь наших стрелков. Горцы, в числе 6 тысяч, залегли за камнями, деревьями и выжидали нас, а подпустив на близкое расстояние, стали с упорством отстреливаться. На левом фланге нашем сборище их было гуще, и потому начальник штаба Ольшевский собрал два батальона Тенгинского полка и, послав в обход, во фланг навагинцев, ударил в штыки. Неприятель поколебался, а полковник Полтинин, с правого фланга, снял остальные толпы, – и по всей линии горцы обратились в бегство. Занятие берега продолжалось недолго, и скоро мы стали властителями нового куска земли. Раевский, проходя по линии со всем своим штабом, поздравлял войска, а за поясом у него торчал преогромный букет цветов кавказской флоры¹, который он набрал во время дела. Особенные команды и саперы стали рубить засеки; выгружали полевые пушки и прочие тяжести. И скоро даже забелелось несколько палаток, предвестниц бивака. Раевскому разбили огромный шатер, музыка загремела, и возгласы лихих песельников стали раздаваться по ротам... С корабля своего приехал Лазарев, и многие офицеры... теснились у палатки главнокомандующего. Появилось шампанское, и все радостно пили скорое и счастливое занятие нового места на восточном берегу Черного моря. При десанте мы потеряли немного людей, а 160 тел горских и между ними два князя приволочены были и сложены у палатки Раевского»².

Наконец, Г.Н. Филипсон, третий участник высадки, сообщает важное обстоятельство: десант был увековечен на картине Айвазовского, находившегося на борту. «Раевский пригласил с собою молодого живописца Айвазовского, который тогда только начинал входить в славу. Он изобразил именно этот момент десанта. Его большая картина находится в Зимнем дворце. Знатки признают ее за одно из лучших произведений Айвазовского. Генерал Раевский в своем обычном костюме, т.е. в рубахе с раскрытой грудью, в шароварах с шашкой через плечо опередил гребные суда и первый вступил на берег... Вместе с су-

1 См. письмо Воронцова (571) с припиской Елизаветы Ксаверьевны (а также эпиграф), где она выражает свое восхищение Николаем Раевским в ответ на его не дошедшие до нас строки, согласно которым первое, что поразило его в момент высадки, – цветущий куст азалии, разливавший вокруг аромат, и ему захотелось преподнести букет этих цветов графине.

2 «В этот же день (13 мая) явились к Раевскому двое горских старшин и просили о выкупе тел убитых; он ответил им, что не торгует мертвыми телами, и предложил теперь же взять их с собою» (АР. – Т. 2. – С. 437).

хопутными войсками с флота был послан сводный морской батальон. Матросы были совершенно счастливы этой прогулкой... Раевский, конечно, с жаром благодарил их за храбрость и убедительно просил Лазарева позволить ему войти с представлением об отличившихся, по указанию флотского начальства. Отказа, конечно, не было. Вообще, поведение Раевского с моряками было очень благоразумно. Моряки побратались с солдатами; офицеры убедились, что успех наших дел им столько же полезен, как и нам, особенно, когда увидели, что, по представлению Раевского, все отличившиеся были щедро награждены». Описывая самого Раевского, Филипсон добавляет: «Он был высокого роста, смугл, крепко сложен и вообще массивен. Черты лица его были выразительны; он всегда носил очки. О наружности своей он не заботился, а о костюме – еще менее. В это время он еще не был женат, и потому его еще нельзя было видеть иначе, как в рубахе с открытой, почерневшей от солнца грудью и в шароварах. В особенных случаях и пред дамами он прибавлял к этому сюртук; с очками и трубкой он был неразлучен... Он рассказывал, что когда ему случилось провести недели две в доме графа Воронцова, то графиня, чтобы не лишиться приятного собеседника, сшила ему мешок [скорее нечто вроде римской тоги. – Т. Ф.] из трех юбок – и под этим мешком он мог оставаться в своем обычном костюме. Вообще он не любил стесняться. Не только в лагере, но и в Керчи он нередко в этом костюме отправлялся через город на пароходную пристань, а за ним бежали два казака-ординарца с сюртуком, изношенной фуражкой и огромным мешком табаку»¹.

Противодействие английским тайным агентам

В письме Раевскому от 5 мая 1938 г. Е.А. Головин² пишет:

«... Что касается английских авантюристов, которые причиняют нам столько неприятностей в среде черкесов, то я считаю их стоящими вне закона и полагаю, что без каких-либо угрызений совести любое средство позволено, чтобы с ними разделаться»³.

¹ АР. – Т. 2. – С. 435.

² Е.А. Головин 30 ноября 1937 г. был назначен командиром Отдельного кавказского корпуса и управляющим гражданской частью и пограничными делами в Грузии, Армянской и Кавказской областях.

³ АР. – Т. 2. – С. 422.

Модзалевский подробно комментирует этот фрагмент письма, сообщая сведения, не утратившие своей актуальности и сегодня. «С первых же шагов своей деятельности на новом посту Н.Н. Раевскому пришлось столкнуться с вопросом об английских тайных агентах на Кавказе. До назначения Раевского Черноморская береговая линия представляла на всем побережье, прилегающем к землям шапсугов и убыхов, между укреплениями Новотроицким и Святого Духа, открытое пространство, откуда горцам доставлялись значительные запасы боевых припасов: пороху, железа, серы и откуда проникали враждебные России европейцы, возбудившие горцев к упорному сопротивлению России обещаниями покровительства Англии и Мехмета-Али (египетского паша). В 1834 г. первый секретарь английского посольства в Константинополе Ункварт был торжественно принимаем горцами в Сухум-Кале; с 1836 до 1838 г. приезжали другие иностранные агенты (напр., Эдмунд Спенсер и Дж. Лонгворт), раздававшие безденежно выписываемые ими из Трапезунда военные снаряды; таковых, напр., было роздано купцами Беллем и Лонгвортом: первым на 5 тысяч, а вторым на 30 тыс. турецких пиастров» (XIX век. Кн. 1. С. 45)¹.

Возведение новых фортов на береговой линии и открытие более удобного сообщения побережья с низовьями Кубани и землей черноморских казаков, порученные Раевскому, должны были положить конец деятельности этих агентов. Среди них Джеймс Станислав Белл был особенно энергичен, а потому и наносил немалый вред русскому правительству. Английское правительство, опираясь на то, что не признало за Турцией права на уступку России, по Адрианопольскому миру 1827 г., Кавказского берега Черного моря, но не будучи в состоянии объявить России войну за то, что ею воспрещен был приход к восточному берегу Закавказья иностранных судов, — еще в 1836 г. снарядило под купеческим флагом шхуну *Vixen*, на которой отправился к горцам Белл; этим Англия хотела показать, что не признает за Россией права воспрещать иностранцам торговлю с «независимыми» черкесскими племенами. Судно *Vixen* пришло в Геленджик в ноябре 1836 г., но здесь было взято нашими крейсерами как приз и продано в Севастополь с аукционного торга. Белл избежал наказания, положенного для контрабандистов, и скрылся в Константинополе, откуда уже в апреле 1837 г. снова отправился к черкесам и прибыл в Закавказье. Он оставался среди горцев около

¹ AP. — Т. 2. — С. 422. Прим. Л. Модзалевского.

трех лет, стараясь объединить разделенные взаимными распрями прибрежные племена и организовать единодушное восстание и ожесточенную войну против России. Попутно он занимался изучением страны, в которой жил, и по возвращении в Англию издал в 1840 г. в Лондоне книгу «*Journal of a resident in Circassia during the years 1837–1839*» (в 2 т., с 12 илл. и картой). Во втором томе этого сочинения много говорится и про Н.Н. Раевского-мл. «*В этом сочинении, – добавляет Г.И. Филипсон, – есть много любопытных сведений о горцах, а еще более клеветы и умышленной лжи, высказанной с остервенелой ненавистью к России*»¹.

Занятия ботаникой. Сухумский ботанический сад

Н.Н. Раевский, страстный любитель ботаники, и на кавказском побережье стремился совмещать со службой занятия садоводством. Практической реализацией программы, набросанной графом Воронцовым в письме 571, стали предпринятые по его инициативе и в ряде случаев под непосредственным руководством массовые посадки виноградных лоз и фруктовых деревьев в Туапсе, Сочи, Батуми, Лазаревской, Новороссийске. Дав указание устраивать огороды для снабжения гарнизонов, он затем распорядился разводить при военных укреплениях фруктовые и виноградные сады. В мае 1838 г. упакованы в большие ящики и отправлены на пароходе в Сухуми 69 различных растений, предназначенных для нового военно-ботанического сада. Деятельную поддержку оказал Раевский ботанической экспедиции Карла Витмана (1839–1841), содействуя отправке растений кавказского побережья в Крым, выписывая разрешительные бумаги на проезд.

«Еще в начале 1840 г., – по воспоминаниям Филипсона, – Раевский сам развез по береговым укреплениям лозы винограда из садов графа М.С. Воронцова и из Никитского казенного сада и множество растений и цветов из своего сада в Карасане на южном берегу Крыма. В Сухуме он устроил ботанический сад, который впоследствии разросся и размножился великолепно... Заведывание этим садом он поручил рядовому 6-го линейного баталиона Багриновскому, которого случайно узнал как ботаника, в укреплении Вельяминовском.

¹ Филипсон Г.И. Воспоминания // Русский Архив. – 1883. – 7-я кн. – С. 202.

Багриновский кончил курс по медицинскому факультету Виленского университета, был хорошо образован и сохранил страсть к научным занятиям... С Высочайшего соизволения он был назначен директором Сухумского ботанического сада с производством в унтер-офицеры»¹.

Н.Н. Раевский в качестве начальника Черноморской береговой линии выступал против агрессивной военной политики по отношению к местным народам, за установление сотрудничества и торговых отношений с горцами. В 1839 г. Раевский получил разрешение на ведение торговли солью с местным населением и пытался превратить укрепления в точки торговли и обмена, дабы наладить добрососедские отношения. Осуществляемая им программа мирного урегулирования взаимоотношений с горцами посредством торговли с мирным населением встречала полное одобрение М.С. Воронцова. Мирлобивая тактика Раевского, а также его резкая критика политики правительства на Кавказе вызывали недовольство других военных, которые писали доносы на Раевского в Петербург. В результате в 1841 г. Николай Николаевич Раевский-мл. вынужден был уйти в отставку.

Письма за 1839–1840-е годы отражают чрезвычайно активную и разнообразную деятельность Раевского, назначенного с 13 августа 1839 г. начальником всей Черноморской береговой линии. Предстояла сложная и ответственная работа по «замирению» и устройству управления новым, своеобразным краем, населенным разными племенами, каждое во главе со своими князьями и старейшинами: адыги, шапсуги, натухайцы, убыхи, альбедзехи и др., если ограничиться только теми, которые упоминаются в письмах. Этому делу была отдана исключительная энергия, оно задействовало военные и административные дарования Раевского.

«Я кавалерийский офицер, – писал Н.Н. Раевский в 1841 г.², выходя в отставку, – и имел некоторый успех в этой части; здесь я сделался моряком, инженером и артиллеристом – мне пришлось заниматься провиантскою и комиссариатскою частями, торговлею, переселением, администрациею, таможнянами, карантинными и так далее. Быв первым начальником в новом и неизвестном крае, я не

¹ Филиппсон Г.И. Воспоминания // Русский Архив. – 1883. – 7-я кн. – С. 347–348.

² Письмо 873. Копия с рапорта командиру Отдельного Кавказского корпуса господину Генералу-от-Инженерии и кавалеру Головину Начальника Черноморской береговой линии генерал-лейтенанта Раевского от 24 января 1841 г. за № 17.

мог воспользоваться началами и опытностью предшественников. Мне пришлось оставить все, что я знал в сорок лет, начать мое воспитание и в одно время немедленно заводить то, чему я начинал учиться. Мне пришлось переломить старые привычки и заводить новые; меж тем как я учился, управлял краем, командовал отрядами, мне еще нужно было, от скудости средств, самому целые дни и ночи проводить в письме. Мне приходилось проводить на море всякий год восемь месяцев – чего не делает ни один адмирал Черноморского или Балтийского флотов; наконец, во вредном климате я ежегодно переносил тяжкие болезни. После сего, я полагаю, что я принес на службу должное самоотвержение, хотя всякий другой принес бы более успеха и пользы»¹.

**М.С. Воронцов и Н.Н. Раевский-мл. –
сторонники налаживания мирных отношений
с горскими народами Кавказа**

В начале 1839 г. Н.Н. Раевский посетил Петербург, лично представился императору Николаю, изложил ему свои соображения и план действий и получил полное его одобрение. Возвратясь в Москву, где 22 января состоялась его свадьба с Анной Михайловной Бороздиной, и проведя три недели с молодой женой, Раевский выехал к месту службы и немедленно занялся приготовлениями к летней экспедиции 1839 г.

Военные действия этого года завершились вполне удачно: отрядом Раевского были заняты устья рек Саче и Субаши (3 мая) и реки Псезуапе (7 июня), заложены на них форты Головинский и Лазаревский, затем совершена высадка у Анапы (4 сентября) и, наконец, заложен 12 сентября форт на слиянии рек Цемеса и Мескаги, названный, по высочайшему повелению, фортом Раевского (ныне станица Раевская); остальная часть года прошла в более приятных Н.Н. Раевскому мирных административных занятиях по устройству новых фортов и основанного им в 1838 г. Новороссийского укрепления (ныне г. Новороссийск), по развитию торговли с горцами, устройству Сухумского ботанического сада, разведению виноградников и обеспечению саженцами из Никитского ботанического

¹ Цит. по: Модзалевский Б.Л. Предисловие // АР. – Т. 4. С. IV–V.

и своего сада гарнизонов новообразованных фортов кавказской береговой линии.

Однако уже и тогда наметились разногласия стратегического характера, о которых дают представление «Воспоминания» Филипсона, с одной стороны, дающего высокую оценку талантам Раевского, а с другой – склонного поддерживать позицию его противников. Когда из Петербурга пришло разрешение произвести третью высадку (десант) и М.П. Лазарев прибыл с флотом, рассказывает Филипсон, «12 сентября мы сделали десант в северо-западном углу Суджукской бухты. Тот же гром [пушек. – *Прим. Т. Ф.*], но тут уж ни одного горца не было видно. Все мы были в восторге от бухты и от местности, на которой расположился отряд... По подробном осмотре местности решено было прикрыть будущее поселение двумя фортами на скате возвышенности. Раевский решил, что тут будет город, которому его воображение придавало огромные размеры в будущем. Вероятно, его мечты нашли отголосок и в Петербурге. Государь был очень доволен. Раевский ловко выставил занятие восточного берега и учреждение нового порта, как приобретения настоящего царствования... Его уже занимала мысль водворить тут и при других прибрежных портах русское население, которое могло бы извлекать средства для существования из природных богатств края и особенно из рыбной ловли в море. В Ставрополе и в Тифлисе не разделяли его убеждений и под рукой над ними посмеивались. Во всех этих мечтах Раевского ничего не упоминалось о горах, которые, однако же, были покуда единственные хозяева края. Раевский не думал о действии оружием. Ему представлялось возможным покорение или, лучше сказать, умиротворение этого края посредством торговли и развития между горцами цивилизации»¹.

Однако будущее подтвердило дальновидность и правоту Раевского, а не его противников. Заложённое им у р. Цемес укрепление Новороссийское спустя несколько десятилетий превратилось в губернский город Черноморской губернии, в котором одна из улиц названа в честь Раевского². Заложённый им же в 1839 г. форт Раевский между Новороссийском и Анапой – ныне станица Раевская в Кубанской области.

¹ Филипсон Г.И. Воспоминания // Русский Архив. – 1883. – Кн. 3. – С. 282–284.

² В настоящее время в городе расположены военно-морская база Черноморского флота Российской Федерации и крупнейший порт России.

Завоевания экспедиции 1840 г. были прерваны внезапным взятием горцами и почти полным разрушением укреплений Вельяминовского и Лазаревского, а вскоре и взятием Михайловского укрепления и форта Николаевского. Раевский предвидел возможность этих событий, но все его представления Кавказскому начальству оставались тщетными. Напуганное смелостью горцев и разными тревожными слухами, оно решило воздержаться от занятия новых пунктов на Черноморском побережье, ограничившись лишь восстановлением укреплений, которые были разрушены.

Укрепления Вельяминовское и Лазаревское были вторично заняты Раевским в мае 1840 г., после чего он совершил ряд поездок по побережью, а конец года провел в Керчи, в занятиях, связанных с управлением Черноморской береговой линией. Особенное внимание он обращал по-прежнему на развитие торговли с горцами, считая эту меру наиболее эффективной в деле «замирения» края и наименее убыточной для правительства. *«Наследнику моему, – писал Раевский в 1841 г., уходя в отставку, – предстоит блестящее поприще, если он убедится, что набег и опустошения вредят примирению края, и если он устоит против общего влечения к сим мнимым военным подвигам»*¹. К сожалению, однако, Н.Н. Раевский, несмотря на поддержку самого Государя, военного министра графа Чернышева и генерал-губернатора Новороссии графа Воронцова (с которым вел переписку по этому вопросу), встретил глухое, но упорное и постоянное противодействие своим начинаниям в этом направлении со стороны вышестоящего начальства – генералов Е.А. Головина и П.Х. Граббе, которые в 1840 г. стали проявлять к нему уже явно враждебное отношение. Так же недоброжелательно относились они к Н.Н. Раевскому и в других вопросах, связанных с управлением вверенным ему краем. «Присылка в Керчь флигель-адъютантов Крузенштерна и Баратынского, а затем и облеченного особыми полномочиями флигель-адъютанта Астафьева, – комментирует Б.Л. Модзалевский, – была вызвана, конечно, представлениями Головина и Граббе и не могла быть приятна Раевскому, которому эти генералы не могли простить самостоятельности его действий. В конце концов, видя полную невозможность вести дело успешно при том недоброжелательстве и даже противодействии, которые с каждым днем встречал он со стороны Кавказского своего началь-

¹ Из письма 872. Командиру Кавказского корпуса генералу Головину от 24 января 1841 г. // АР. – Т. 4. – С. VI.

ства, Раевский начал подумывать об оставлении своей должности. Решение покинуть службу окончательно созрело в нем, после того как, выведенный из терпения противоречивыми распоряжениями Головина и Граббе и потеряв самообладание, он позволил себе резкие выражения по адресу командира Отдельного Кавказского корпуса и получил за это, чрез графа Чернышева, строгий Высочайший выговор»¹.

Модзалевский в специальном комментарии подводит итоги проекта Раевского о торговле с черкесами и описывает причины его неудачи. Он приводит выдержки из статьи Шаврова², который так говорит о заслугах Н.Н. Раевского по развитию торговли на Черноморском побережье: «Первый основатель Береговой линии, генерал Вельяминов, согласно с мыслию которого и начали приводить в исполнение эту меру (т.е. постройку береговых укреплений), по болезни должен был оставить службу в 1838 г., т.е. в самом почти начале учреждения Линии, по занятии Пшады и Вулана. Правда, начатое дело было передано, по его выбору, генералу Раевскому, одному из самых замечательных деятелей, посвящающих себя общественной службе, но генерал Раевский был подчинен начальнику Кавказской Линии генерал-адъютанту Граббе, который имел убеждения, совершенно противоположные убеждениям генерала Раевского. Мнение генерала Граббе разделял и командир Кавказского корпуса генерал Головин. Поэтому генерала Раевского ожидало всюду противодействие, иногда самое незаметное и потому совершенно неотразимое. К тому же, генерал Раевский оставил Береговую Линию в 1841 г. и передал ее генералу Анрепу, который не в состоянии был понять мыслей своего предшественника».

Вот что писал генерал Раевский в опровержение мнения генерала Граббе, основным догматом которого было «устрашить горцев» и который предписывал генералу Раевскому жечь и разорять аулы натухайцев. *«Я совершенно против опустошений, ибо 23-летнее разорение Чечни не привело к покорности, и, несмотря на блестящие подвиги генерала Фези и покорение сорока двух народов Дагестана, последний теперь менее покорен, чем когда-нибудь... Самое верное средство покорить натухайцев, по моему мнению,*

¹ АР. – Т. 4. – С. 648.

² Шавров Н.А. Восточный берег Черного моря и его значение для развития русского мореплавания // Морской сборник 1862, т. LXII, ч. неоф., с. 17, 31, 39, 45–48, 57–58, и отд. изд., Тифлис, 1862.

состоит в том, чтобы убедить их, что мы имеем достаточные для того силы, но не намерены разорять их». Основываясь на таком убеждении, генерал Раевский, вопреки мнению генералов Головина и Граббе, испросил у Государя разрешение на отпуск для начала торговых отношений с горцами, а также 20 тыс. пудов соли для распределения между гарнизонами укреплений для выменивания у горцев тех предметов, в которых нуждались гарнизоны. Но после взятия горцами наших укреплений, в начале 1840 г., генерал Граббе приказал отменить этот обмен – для наказания горцев. Так как наибольшую пользу извлекали из этого гарнизоны укреплений, которые благодаря обмену имели свежие припасы, а не довольствовались одной морской провизией, то, конечно, такое наказание горцев было крайне невыгодно для наших укреплений, и потому, по представлению Раевского, меновая торговля с горцами была восстановлена. В ноябре 1840 г., при осмотре Черноморской береговой линии, Раевский был поражен благоприятными ее последствиями. В Новотроицком укреплении он нашел запас порционного скота на шесть месяцев, и весь этот скот был обменян на соль. Не довольствуясь этим прекрасным началом, Раевский предположил совершенно уничтожить контрабандную торговлю горцев с Турцией, доставляя горцам за умеренную цену все привозимые в турецких кочермах мануфактурные товары. Для этого он попросил новороссийского генерал-губернатора графа Воронцова найти между одесскими капиталистами пользующийся общим доверием торговый дом, который взял бы на себя производство этой торговли¹.

К сожалению, все торговые дома Одессы были иностранные и не могли иметь никакого патриотического побуждения рисковать верными выгодами для неизвестного еще предприятия, потому они предлагали выдать им вперед по крайней мере 100 тыс. руб. из казны, чтобы на эти деньги купить товаров и начать ими торговлю, замечает Модзалевский.

Не видя возможности начать торговлю этим путем, Раевский предложил другой, более практичный, а именно: привлечь торговое и промышленное население в занятые прибрежные земли, предоставив поселенцам разные льготы, например полную свободу от всяких податей на 25 лет, право торговать без гильдейских свидетельств и уплаты соответствующего налога и т.п. Генерал Граббе совершенно отвергал эти мнения генерала Раевского и находил

¹ АР. – Т. 2. – С. 644.

даже, что торговли между горцами и русскими совершенно быть не может, потому что горцы «ничего не имеют для продажи, кроме невольников и невольниц». Не довольствуясь привлечением торгового и промышленного населения, генерал Раевский предполагал создать прочные поселения в каждом из занятых пунктов и потому испросил разрешения на высылку женщин в укрепления Береговой линии. Кроме того, он предложил обратить женатых солдат в прибрежные казаки, всю деятельность которых направить на каботажное плавание и рыбную ловлю, чтобы образовать прочное морское население. Назначение генерала Анрепа, который считал эту меру несвоевременной, помешало реализации этого предложения¹.

Вся жизнь Раевского, проведенная в сражениях и военных походах, непривычные климатические условия Кавказа, сырость, недостаток полноценного питания пагубно сказались на здоровье генерала, и в 1843 г. он скоропостижно умер. Один из сослуживцев Раевского, полковник Генерального штаба Г.Н. Филипсон, в своих воспоминаниях писал: «Это была очень оригинальная и очень одаренная личность, которой не дали достаточно развернуться сперва недоброжелатели, а потом ранняя смерть»².

Эпилог, или Запоздалое торжество миролюбивой тактики Раевского-мл. – Воронцова

903.

Н.Н. Раевский – графу А.И. Чернышеву.

Военному министру господину генералу от кавалерии, генерал-адъютанту и кавалеру графу Чернышеву

*Состоящего по Кавалерии генерал-лейтенанта Раевского
Рапорт.*

Генерал-майор Анреп отплыл из Керчи для осмотра укреплений; он этим начинает прием Береговой Линии. Его отсутствие продолжится около месяца.

Между тем Анапский комендант (Е.Е. фон Бринк) прислал ко мне депутацию Натухайцев в Керчь. Они предлагают добровольно покориться и выдать аманатов.

¹ АР. – Т. 3. – С. 636.

² Филипсон Г.И. Указ. соч. С. 107.

Эта депутация состоит из старшин многолюдной долины Сукко. Они объявили, что натухайцы везде делали частные собрания, на которых везде согласились нам покориться, но общее собрание отложили до окончания весеннего вспахивания полей. Жители же долины Сукко, не ожидая общего собрания, решились немедленно, для примера другим, покориться, и депутаты их говорят, что многие другие вслед за ними то же сделают.

Я привел старшин к присяге и предписал Анапскому коменданту принять от них аманатов.

В прошлом году, без экспедиции и опустошения, без потери и даже без реляции, покорились со стороны Абхазии пехувцы и цандрипские джигеты. Первые совершенно покорны и во всем повинуются данному им мною приставу. Джигеты же были разорены убыхами за преданность к нам. Отказ батальона для Абхазии из Закавказских войск не дозволил их защитить; я о сем тогда же доносил.

Мне предстояло видеть пред отъездом начало добровольного покорения натухайцев. Оно неминуемо за собою повлечет покорение остальных береговых черкесов: первый шаг только был труден.

Если это положение сравнить с настоящим положением Чечни, то видна разность миролюбивой системы с системою набегов. В Чечне же и в Дагестане мы, кроме того, завели религиозную войну – еще одно бедствие, которого недоставало на Кавказе...

*Покорением натухайцев мы обязаны Анапскому коменданту.
№ 2. Марта 1841 года, Керчь¹.*

Эти первые достижения программы мирного урегулирования взаимоотношений с горцами посредством торговли с мирным населением, которую разделял и поддерживал, насколько мог, М.С. Воронцов, были отвергнуты непосредственным начальством Раевского. Однако проводимая им система военного подавления успеха не дала, дела шли все хуже и хуже. К прежним проблемам края прибавилась еще одна, причем наиболее опасная, – появился лидер, сплотивший ранее разобщенные племена своей властью, религиозной и военной. Это был Шамиль, провозглашенный имамом в 1828 г., собравший под своим началом 60 тыс. человек и в ходе военных операций с 1840 по 1843 г. сумевший занять Аварию и большую часть Дагестана. Об этом предупреждал, уходя в отставку, Раевский.

¹ АР. – Т. 4. – С. 113–114.

Сбылось и другое его предсказание административного порядка.

«Есть только один пункт, по которому мы с Вами не согласны, – писал Воронцов 23 марта 1841 г. (см. письмо 914) Раевскому, – и здесь мое мнение сложилось и не изменится. Вы хотите, чтобы дела и интересы Восточного берега подлежали в большей степени администрации Новороссии. По ряду причин я не хочу этого: 1) гражданская администрация не должна быть смешиваема с военной; 2) обязанности того, кому будут поручены дела Вашего Восточного берега, потребуют постоянного надзора и присутствия; однако мой нынешний пост дает мне возможность пользоваться время от времени довольно долгими отлучками, и я не хочу терять это преимущество, необходимое для меня во многих отношениях; 3) в моем нынешнем положении у меня достаточно проблем и ответственности, и я не хочу нагрузить себя всем тем, что свалится мне на плечи с Вашими крепостями, снабжением, больными итд, итд. Я хорошо понимаю, что дела не должны оставаться в прежнем состоянии; но для этого существуют промежуточные инстанции; генерал-губернатор Новороссии может иметь влияние на торговые дела, а военный глава Восточного берега может зависеть непосредственно от военного министра¹; что до меня, я не хочу участия в военной стороне дела и говорю это открыто и решительно, чтобы не думали, что я разделяю Ваше мнение об этом».

Случилось то, чего опасался Воронцов. В ноябре 1844 г., находясь в Алушке, он получил личное послание от императора с предложением назначить его заместителем и главнокомандующим на Кавказе. Права заместителя перечислялись в Высочайшем рескрипте графу Воронцову от 30 января 1845 г. № 18679. Практически М.С. Воронцов получал возможность самостоятельно принять любое решение и уже затем сообщить о причинах и действиях императору. При этом обязанности Новороссийского генерал-губернатора с него не снимались.

Однако положение графа осложнялось тем, что в обострившейся военной обстановке Воронцов не мог сосредоточиться на вопросах административного управления регионом. Он был обязан начать подготовку к военному походу с целью взятия аула

¹ Этого именно добивался, но тщетно, Н.Н. Раевский; однако его преемнику, И.Р. Анрепу, удалось освободиться от зависимости от командира Кавказского корпуса.

Дарго, где укрепился Шамиль. План этот был «сочинен в Петербурге» и войска собраны до прибытия наместника, но приказ приходилось выполнять.

Аул Дарго был взят ценой огромных жертв, причем напрасных: Шамиль благополучно ушел из аула, а само селение было сожжено до подхода русских войск. Шедший на соединение с отрядом Воронцова обоз подвергся нападению горцев и был частично захвачен («Сухарная» экспедиция). Отступление из Дарго также сопровождалось потерями. После этого тяжкого испытания по выполнению приказа, исходившего от прежнего командования и противоречившего всем убеждениям Воронцова, ему удалось приступить к проведению собственной миролюбивой политики. Основные черты этой политики обсуждались им в переписке с Раевским-мл., но не нашли понимания и поддержки у его непосредственного начальства, из-за чего Раевский-мл. был вынужден подать в отставку. Однако косвенное признание правоты обоих корреспондентов выразилось в том, что, несмотря на провал, за поход к Дарго именным Высочайшим указом от 6 августа 1845 г., наместник кавказский, генерал-адъютант, граф Михаил Семенович Воронцов был возведен, с нисходящим его потомством, в княжеское достоинство Российской империи. По воспоминаниям участников, «отряд неминуемо бы погиб в Ичкеринских дебрях, если бы не главнокомандующий, Краонский исторический герой, князь М.С. Воронцов, сам неоднократно подвергавшийся опасности».

Обстоятельства кончины Раевского не дали возможности осуществить его погребение в усыпальнице Раевских – Крестовоздвиженской церкви в селе Разумовка (Еразмовка) Александровского района Кировоградской области. В склепе церкви имелись захоронения Раевского-ст., его супруги Софьи Алексеевны и еще двух представителей рода, но захоронений ни Александра, ни Николая там не оказалось.

В 1843 г., 2 июня, Николай Раевский-мл. отправился из своего крымского имения Карасан в Москву к брату Александру. По пути он заехал в имение жены – слободу Красную, а через месяц с небольшим, 24 июля 1843 г., скончался.

Из письма управляющего имением в слободе Красная, на руках которого скончался Раевский, Г. Бабичева узнаем: *«Я распорядился... погребсти тело в церкви в склепе, в противном случае – близ церкви в ограде, соблюдая, сколько возможно, по здешнему месту в погребении церемонию, соответствующую званию генерала. Завещания при кончине и распоряжений Его Превосходительство*

*Николай Николаевич никаких не делал»*¹. Никого из родных на похоронах не было: брат Александр не мог приехать по состоянию здоровья, а жена, которой Раевский запретил писать о своей болезни, приехала, когда похороны уже состоялись. Отсюда она поспешила обратно в Крым, к детям: старшему сыну Николаю в это время было около четырех лет, а младшему, Михаилу, всего полтора года.

Много сил и средств Анна Раевская потратила на то, чтобы достойно воспитать сыновей. Старший, Николай, окончил Московский университет, но выбрал военную стезю. Добровольно поехал в Сербию и погиб там в 1876 г. Младший, Михаил, как и его отец, увлекался ботаникой и много времени посвящал своим имениям. В свое время его книга «Садоводство и плодоводство» была очень популярной.

Анна Михайловна скончалась в Петербурге в декабре 1883 г. и, по завещанию, была похоронена рядом с мужем.

В 1927 г. деревянная церковь, где был склеп, сгорела дотла. И только в 1981 г. на том месте, где находилась церковь, был обнаружен склеп.

В 1995 г. при содействии Российского фонда культуры восстановлена могила основателя Новороссийска, генерал-лейтенанта Н.Н. Раевского-мл. в слободе Красной Воронежской области. На месте деревянной церкви в 1995 г. появился памятный знак – камень из черного гранита, на котором начертано: «Установлен в память генерал-лейтенанта Раевского (младшего), друга Пушкина А.С. и декабристов, основателя города Новороссийска, почетного гражданина города Новохопёрска, 14. IX/1801–24. VII. 1843 г.»².

В Новороссийске сооружен памятник основателям города М.П. Лазареву, Н.Н. Раевскому и Л.М. Серебрякову.

В настоящее время в честь генерала Н.Н. Раевского-мл. названы станция Раевская под Новороссийском и улица в городе Новороссийске.

¹ АР. – Т. 4. – С. 702.

² Источник: Воронежская неделя. – 2014. – № 23 (2164), 04.06.

III.

ПИСЬМА М.С. ВОРОНЦОВА Н.Н. РАЕВСКОМУ-мл.

Письма генерал-губернатора М.С. Воронцова генералу Н.Н. Раевскому-мл., начальнику 1-й Черноморской береговой линии, носят частный характер и были написаны и опубликованы во французском оригинале. Мы приводим письма в русском переводе, в сопровождении комментариев, написанных на русском языке Б.Л. Модзалевским. Письма приводятся под номерами, присвоенными им в издании: Архив Раевских : в 5 т. / ред. и прим. Б.Л. Модзалевского. – Санкт-Петербург : Изд. П.М. Раевского. – 1908–1915. (Далее сокращенно – АР.)

506.

Граф М.С. Воронцов¹ – Н.Н. Раевскому.

Одесса, 1 февраля 1837 г.

Я пользуюсь оказией, дорогой Николай Николаевич, направляющейся в Крым, чтобы ответить на ваше любезное письмо от 26 дек., поблагодарить Вас от всего сердца и сказать, что оно долго было в пути, а потому не моя вина, что ответ так запоздал. Но больше всего я опасюсь, как бы оно не пришло позднее, чем письмо, которое вы должны отправить Вагнеру². Вот что я умоляю вас ему написать: прежде всего, прислать 20 магнолий, которые он хранил, затем 10 более сильных по 10 рублей и 10 еще более сильных по 15 рублей; разумеется, будет справедливо, если вы возьмете себе, сколько сочтете нужным; я предпочитаю иметь больше крупных магнолий того сорта, который

¹ Это письмо начинает довольно оживленную и дружескую переписку графа Воронцова с Раевским; к сожалению, лишь немногие сохранившиеся в архиве Раевских черновики его писем дают нам о ней представление.

² Садовник в Риге.

я знаю и ценю, чем заниматься сортами неизвестными; однако если магнолии пурпурная и голубая также *sempervirens* [вечнозеленая. – Т. Ф.] и имеют такую же пышную и красивую листву, как и *grandiflora* [крупноцветная. – Т. Ф.], вы доставите мне большое удовольствие, если пришлете несколько экземпляров, так как в магнолии я предпочитаю великолепную листву, которую видишь постоянно, нежели цветы, которыми любуешься одномоментно. Если посылка придет благополучно, мы сможем получить ее еще осенью.

Фредерик Кортацци¹, которому, по вашим словам, направлены растения и семена из Неаполя, уже шесть лет не был в Одессе, но здесь остаются два его брата; возможно, они что-то знают об этой посылке; я напишу им и получу ответ, прежде чем запечатать это письмо. Полагаюсь на вашу дружбу, когда через посредство ваших ученых собратьев из Неаполя вам удастся получить несколько прекрасных экземпляров камелий, которые гений Мюрата оставил вместе с другими прекрасными вещами, включая перья своей шляпы а-ля Генрих IV, доблестным неаполитанцам.

Идея Баумгартена разводить мериносов в Форосе² встретилась с подобной же идеей Николая Гурьева³, который купил Миатку⁴, чтобы разводить там овец ради шерсти. Вот как умные люди и безумцы могут порой сойтись на сходных проектах. Гурьев должен прибыть к нам в апреле; это хорошее приобретение для нас, и мы выиграем вдвойне благодаря его присутствию и отсутствию мадам Башмаковой. Моя переписка с ней закончена, и, надеюсь, навсегда, после сообщения небольшой фразы, столь же милой, сколь и правдивой, которую она употребила, описывая вам мое обращение с ней.

Я спросил у Леона [Льва Нарышкина. – Т. Ф.] сведений о Полковнике (Баумгартене) относительно его появления в Форосе, которого вы ждете, чтобы отречься при жизни, подобно

¹ Купец 1-й гильдии, один из основателей, в 1828 г., Общества сельского хозяйства Южной России.

² Форос – южный мыс, на территории которого находилось Тессели, – имение Н.Н. Раевского.

³ Граф Николай Дмитриевич Гурьев, д. т. советник, дипломат, ум. 21 февраля 1849 г.

⁴ Имение Д.Е. и В.Д. Башмаковых.

Карлу Пятому; но наш фантазер, как называет его Княгиня¹, настолько занят театром, который они устраивают, чтобы угодить Большой тетушке [намек на Марию Антоновну Нарышкину. – Т. Ф.], что я пока не смог добиться от него ясного ответа; впрочем, он сказал мне, что, судя по датам, полковник Меринос [Баумгартен. – Т. Ф.] уже должен быть у вас. Посылаю вам для развлечения афишу театра, первое представление было позавчера, к большому удовольствию публики. Прощайте дорогой генерал, надеюсь видеть вас в Крыму в первой половине марта. Скажите, прошу вас, могу ли я привезти вам что-либо необходимое.

Ваш Воронцов

Моя жена², оба Василия³ и Ольга⁴ передают вам тысячу приветов.

P.S. Я видел Кортацци в Одессе: младший Ришар сказал мне, что если будет посылка на имя его брата Фредерика, то получит ее он, Ришар, пообещав мне дать знать об этом.

519.

Граф М.С. Воронцов – Н.Н. Раевскому.

3 апреля 1837 г. Алушка.

Мой дорогой генерал! Вот мы и снова на этом побережье, которое вы избрали своей резиденцией ради ваших ученых занятий ботаникой. Мы восхищены всем, что увидели: зеленью, прекрасной погодой, успехами в ваших трудах и т.д. Но нам вас недостает, и я отправляю посланца, чтобы сказать вам об этом и узнать, когда мы можем надеяться вас увидеть. Попутно сообщаю, что я привез для вас маленькую посылку, прибывшую на ваш адрес в Одессу из Италии; я надеялся, что это были семена от великого короля Мюрата; но оказалось, что это небольшая картина, которую Кор [лист обрезан] передал для вас, показав, что она слегка повреждена в упаковке. Я не посылаю ее с оказией из опасения, как бы с ней еще чего-нибудь

¹ Княгиня Анна Сергеевна Голицына, владелица Кореиза.

² Графиня Елизавета Ксаверьевна Воронцова, урожд. графиня Браницкая.

³ Один из них – князь Василий Сергеевич Голицын, сын князя Сергея Федоровича Голицына и Варвары Васильевны Энгельгардт, племянницы Потемкина, вышел в отставку со званием камергера и д. с. советника, поселился в Крыму, в своем имении Василь-Сарай.

⁴ Ольга Станиславовна Нарышкина, урожд. графиня Потоцкая.

не случилось, и передам вам в собственные руки, когда вы сюда приедете, что произойдет, надеюсь, скоро. Соболаговолите известить нас, пожалуйста, когда мы будем иметь честь вас увидеть. Вот наше расписание. Мы отправляемся в Массандру¹, где остаемся, чтобы исполнить наши религиозные обязанности в четверг; мы возвращаемся сюда в четверг и будем находиться между Алушкой и Массандрой вплоть до Пасхи и 3–4 дня после; я полагаю уехать 23-го в мое путешествие по провинциям. Чем раньше вы прибудете, тем лучше; мы ждем Ольгу² в ближайшую пятницу.

Искренне ваши, М. Воронцов

Суббота 3 апреля 1837.

Я надеюсь, что вы слышали пушечный залп, данный в вашу честь, когда наш корабль проходил мимо Тессели.

На обороте: Его Превосходительству Николаю Николаевичу Раевскому. В Тессели.

521.

Граф М.С. Воронцов – Н.Н. Раевскому.

1 мая 1837 г. Алушка.

Тысяча благодарностей, дорогой генерал, за Ваше вчерашнее письмо, великолепные цветы, которые Вы мне прислали, и драгоценные семена, которые поистине доказывают, что вы – самый великодушный из людей. Мне немного совестно принять такой прекрасный подарок; я отдам понемножку семян каждого сорта Ольге, чтобы уменьшить мое смущение, не уменьшая моей благодарности, вы же получите две вместо одной.

Я принял Вашего посылного со всей предупредительностью, которой он заслуживает, и заверил его, что выпью это вино завтра за его здоровье и здоровье г-на Сабурова.

Я только что прибыл из Коккоза³ и собираюсь отправиться в Софиевку⁴, где эти дамы должны праздновать сегодня 1 мая, если сырая погода не помешает им развлекаться подобным об-

¹ Имение графа М.С. Воронцова.

² О.С. Нарышкину.

³ Деревня Коккоз принадлежала Мемет-бею Булгакову.

⁴ «Парк при Мисхоре, принадлежавший Льву Александровичу Нарышкину, в трех верстах от Алушки и в 1,5 верстах от Корейса княгини Голицыной» (Русск. Арх. – 1884 г. – Кн 2. – С. 204), названный так в память о знаменитой Софиевке в Умани, принадлежавшей матери его жены – графине С.К. Потоцкой.

разом; и надеюсь, что барказ прибудет к вам через день-другой и что Вы сами посадите растения, которые хотите мне прислать.

Прощайте, дорогой генерал; надеюсь, что Вы не объявите открытую войну Комперу¹ и что он почувствует великодушие Вашего поведения по поводу съеденного у вас цветка. Я напишу моей жене, чтобы упрекнуть ее за то, что она в молчании миновала Тессели; полагаю, что Вы верно угадали причину, но она сошлет-ся на морскую болезнь.

Постарайтесь прибыть к нам возможно скорее. Всецело Ваш,
М. Воронцов

На обороте: Его превосходительству Николаю Николаевичу Раевскому.

522.

Граф М.С. Воронцов – Н.Н. Раевскому.

5 мая 1837 г. Алушка.

Дорогой генерал! Я ждал курьера из Одессы, чтобы написать Вам, поскольку предполагал, что он, возможно, привезет мне ответ из Петербурга и я смогу назначить день моего отъезда отсюда, вероятно, в ближайший вторник; но курьер пока не привез ответа; и у меня письмо от Лазарева² с известием, что он прибудет сюда; это хорошая новость для меня, так как у нас с ним есть одно общее дело, и я должен был бы ради этого сделать остановку в Николаеве. Отсюда следует, что я не смогу уехать во вторник, но сразу же после этого дня. Благоволите же прибыть к нам как можно скорее; во всяком случае, время дорого, и я был бы огорчен, если бы мы не провели с вами несколько дней до моего отъезда. Было бы очень любезно с вашей стороны, если бы Вы прибыли завтра; я надеюсь, что барказ ушел из Ялты на Тессели; но если что-нибудь этому помешает, пусть это Вас не задерживает, поскольку он сможет совершить экспедицию и без Вас, и будет только лучше, если Вы окажетесь здесь по прибытии растений.

¹ О семье француза Компера (женатого на польке), арендатора имения Ласпи, упоминает в своих Воспоминаниях граф Г. Олизар при описании поездки по южному берегу Крыма с графом М.С. и графиней Е.К. Воронцовыми еще в конце 1824 г. (см.: Русск. Вестн. – 1893. – № 9. – С. 106).

² Главный командующий Черноморского флота и портов Михаил Петрович Лазарев, вице-адмирал.

Мадам Ольга¹ присоединяется к моей просьбе, и Княгиня [Голлицына А.С. – Т. Ф.] тоже. Вчера мы играли в траверси втроем. Возможно, вы будете раздосадованы, узнав, что г-жа Казначеева² уехала; но зато Ваш друг Компер здесь; правда, он уезжает сегодня вечером. Д-р Шмидт передал Ваше поручение Ольге. Известно ли вам, что два обломка камня, присланного Вами, великолепны; в отполированном виде один выглядит как порфир, более тонкого качества, чем наш, а другой напоминает черный мрамор; решительно вы опередили в этом Вашего дядюшку³. Привезите же с собой несколько образцов обоего сорта и положите несколько небольших блоков всех разновидностей в барказ; было бы любопытно их попробовать (в обработке). Прощайте, дорогой генерал; посылаю Вам газеты и надеюсь, что Вы привезете их завтра или, самое позднее, послезавтра; но завтра лучше. У меня еще есть две бутылки портвейна, которые надо выпить, но я не смею притронуться к ним без Вас.

*Всецело Ваш,
М. Воронцов*

523.

Граф М.С. Воронцов – Н.Н. Раевскому.

19 мая 1837 г. Одесса.

Мой дорогой генерал, с момента моего прибытия сюда я стараюсь выполнить Ваши поручения; что касается банковских билетов, то проценты с них относятся к 1834, 35 и 36 годам вплоть до 1 февраля текущего года; разница пустяжная, о чем я представлю Вам точный отчет по возвращении в Крым, а платежи произведу в Петербурге, согласно вашим указаниям.

Возможно, Вы уже знаете от м-м Ольги⁴, что наше плавание прошло отлично; мы провели в море 22 часа с четвертью;

¹ О.С. Нарышкина.

² Варвара Дмитриевна Казначеева, урожд. княгиня Волконская, супруга таврического губернатора Казначеева (1829–1837).

³ Андрей Михайлович Бороздин (ум. 8 декабря 1838 г.), губернатор Тавриды (1807–1816), владелец Кучук-Ламбата, был женат на единоутробной сестре Н.Н. Раевского-ст. и тетке Н.Н. Раевского-мл. – Софье Львовне, урожд. Давыдовой; на родной племяннице их – Анне Михайловне Бороздиной – через два года женился Н.Н. Раевский.

⁴ О.С. Нарышкина.

но нас опечалил вид нашего бедного капитана, который обезумел и сейчас находится в госпитале; командование в ожидании пироскафа принял англичанин Лоуэтт [Louatt. – Т. Ф.]. Но Вам гораздо интереснее будет узнать, что я нашел здесь англичанина Уптона [Upton. – Т. Ф.]¹ из Севастополя и серьезно поговорил с ним о камнях из Тессели для работ над доками вместо гранита с Буга; ради того, чтобы быть справедливым и беспристрастным, я упомянул также камни из Артека² и камни Вашего дорогого дядюшки³; но при этом дал понять, что соседство Тессели и Севастополя представляет собой важное преимущество, большее, чем даже знаменитая якорная стоянка, которую Ваш дядюшка называет портом св. Марии. Этот добрый отец так любит своих детей, что предпочел оставить своей дочери имя в будущей географии, чем в материальных вещах, как земли, виноградники и деньги⁴. Уптон, возможно, сам приедет для осмотра ваших минералогических сокровищ. Моя жена передает Вам привет и посылает через графа Витта вашу картину-видение [vision. – Т. Ф.], в надежде (я цитирую ее слова), что это видение подаст вам мысль прислать ей позднее растения, которые Вы ей пообещали. Прощайте, дорогой генерал, я напишу Вам из Петербурга после того, как повидаю Фишера, и надеюсь снова увидеть Вас в Крыму до конца июля.

Заверяю Вас в своей неизменной преданности,

М. Воронцов

На обороте: Его превосходительству 2-му генералу Раевскому.

М. Воронцов

¹ Инженер-подполковник Иван Иванович Уптон, член комитета для устройства в Севастополе порта.

² Имение Т.Б. Потемкиной.

³ А.М. Бороздин.

⁴ У А.М. Бороздина был один сын – Лев Андреевич – и дочери: Мария Андреевна, в первом браке за декабристом Иосифом Викторовичем Поджио (ум. в Иркутске 8 января 1848 г.), а во втором – за генералом князем Александром Ивановичем Гагариным; и Екатерина Андреевна, в браке с декабристом Лихаревым.

531.

Граф М.С. Воронцов – Н.Н. Раевскому¹.

28 сентября 1837 г. Алупка.

Дорогой Генерал, соблаговолите прибыть к нам на весь день. Я сказал Императрице², что прошу у нее позволения пригласить Вас на обед и на вечер.

Всецело Ваш,

М. Воронцов

На обороте: Его превосходительству 2-ну генералу Раевскому.

М. Воронцов

¹ Высочайшим приказом от 21 сентября состоящий по кавалерии генерал-майор Раевский 1-й был назначен начальником 1-го отделения Черноморской прибрежной линии (Санкт-Петербург. Вед. – 1837. – № 234. – С. 1053). Приказ этот был подписан Императором Николаем в Геленджике, куда он прибыл с наследником утром 21 сентября и где был встречен генерал-лейтенантом А.А. Вельяминовым; 23 сентября Государь прибыл из Геленджика в Анапу, а 24 – в Керчь (там же. – № 226. – С. 1015).

² Императрица прибыла в Алупку, имение графа М.С. Воронцова, 18 сентября и прожила там до 29 числа; 20–22 сентября она была нездорова и не выходила из своих комнат; таким образом, Н.Н. Раевский мог быть ей представлен только во вторник, 28 сентября, когда ему сделался известен приказ о его новом назначении. В бытность свою в Алупке Императрица обыкновенно проводила вечера в так называемой Сераскирской комнате, в кругу небольшого общества, которое составляли: гофмейстерина Баранова, фрейлины: графиня Моден, Тизенгаузен и Бороздина (Анна Михайловна, будущая жена Н.Н. Раевского), княгиня М.В. Кочубей, графиня Е.К. Воронцова, княгиня Е.А. Голицына, О.С. Нарышкина, графиня В.Г. Шуазель-Гуфье, д. с. советница Башмакова, графиня Апраксина, Т.Б. Потемкина, княгиня А.С. Голицына, графиня Потоцкая и В.Ф. Марини; министр имп. двора князь П.М. Волконский, князь В.В. Долгорукий, лейб-медик Маркус, граф М.С. Воронцов, граф И.О. Витт, Свиты Его И.В. генерал-майор граф К.П. Сухтелен, Л.И. Киль, князь С.И. Мещерский, генерал-майор Л.А. Нарышкин, отставной полковник А.М. Потемкин и князь В.С. Голицын. Мужчины играли обыкновенно в вист. Императрица занималась какою-нибудь работою, вел. княжна тоже. Иногда г-жа Башмакова и графиня Шуазель пели. Между тем оркестр играл на открытом воздухе, близ дома, и таким образом проходили вечера до 11 часов, когда императрица садилась ужинать. В 12-м часу все оканчивалось, и все погружалось в тишину. В один из этих вечеров молодой виртуоз Гюльмои играл на скрипке и удостоился получить бриллиантовый перстень (С.В. Сафонов. Описание пребывания Имп. фамилии в Крыму в сентябре 1837 г. – Изд. 2-е. – Одесса. – 1840. – С. 67–69). Вечером 28 сентября в Алупке был импровизированный спектакль: был представлен водевиль Dumersan et Merle “Jocrisse, chef des brigands”, в котором играли: Щербинин М.П., князь Василий Голицын, графиня Шуазель, Сафонов С.В.,

551.

Граф М.С. Воронцов – Н.Н. Раевскому.

Одесса, 11 мая 1838.

С огромным удовольствием, дорогой Николай Николаевич, получил я оба Ваши письма – одно официальное и важное, с разумным проектом знаменитого и уважаемого победителя при Геленджике¹, и другое партикулярное и дружеское, с подробностями касательно моей интересной и почтенной племянницы Варвары Башмаковой, скоро княгиня Горчакова²: именно так она сама подписалась в последнем письме г-ну Уманцу³. Я понимаю нежность бравого ветерана, еще полного воспоминаний о знаменитом деду⁴ и слушающего пение прелестной внучки; жаль, однако, что Вас тут не было, чтобы просить ее спеть знаменитую арию из «Россиньоль», которая всегда была ее шедевром и вершиной ее таланта⁵; шутки в сторону, не знаю, как благодарить Вас, дорогой генерал, за Ваше любезное письмо и хорошую память; все мы читали и перечитывали различные подробности, которые Вы приводите, и узнали многие маски по анекдотам, которые Вы о них рассказываете. Маленькая хитрость – приписать Вам некую болезнь, чтобы отомстить за Вашу невежливость в обращении с подчиненным, – это вполне в характере особы, о которой речь. Пусть живет себе с Богом, и как можно дальше от нас, с глупцом, который взял ее за себя и скоро начнет кусать себе пальцы

Нарышкина, Нарышкин, г-н Галера, граф Александр Апраксин, Булычев, Фаццарди, князь Долгорукий, граф Дмитрий Апраксин; графиня Воронцова играла на фортепьяно, заменяя оркестр, генерал Киль был декоратором, а режиссером – граф Сухтелен (там же, с. 69–71, 83; см. также: Русск. Архив. – 1876. – Кн. 3. – С. 297).

¹ Крепость, построенная в 1831 г. на берегу моря при р. Ашахме, впадающей в Геленджикскую бухту.

² Варвара Аркадьевна Башмакова, урожд. княжна Суворова-Рымникская, во втором браке была за князем Василием Сергеевичем Голицыным. Жила в Одессе, где часто виделась с Пушкиным, и в Петербурге, куда привезла для определения в Академию художеств И.К. Айвазовского. После смерти мужа в 1835 г. жила в Крыму, где Башмаковы купили имение Мшатку, а в конце 1830-х – начале 1840-х годов вышла замуж за князя А.И. Горчакова, генерала от инфантерии.

³ В Симферополе служили два брата Уманца: Петр Игнатъевич, бывший советником губернского правления, и Алексей Игнатъевич – судья совестного суда.

⁴ Генералиссимус Суворов-Рымникский, дед В.А. Башмаковой.

⁵ В.А. Башмакова обладала хорошим голосом и была известна в своем кругу как певица.

до крови, это его дело; он этого хотел, и пусть выпутывается. В этом деле есть одна хорошая сторона – будущее детей от этого выиграет, а дети эти интересны во всех отношениях¹.

Я жду с нетерпением новостей о Вашей экспедиции; для меня будет сущим удовольствием прибыть в Керчь и Тамань и присутствовать при Вашей подготовке и отбытии и высказать самые искренние пожелания удачи, притом с оговоркой – чтобы Вы заняли побольше территории при меньших военных действиях. Возможно, вовсе не на это рассчитывает блестящая молодежь, прибывшая из Петербурга² и даже из австрийской столицы³ с тем, чтобы размахивать саблями и покрыть себя кровью черкесов, но старые солдаты, как Вы и я, испытали многое, у нас больше хладнокровия, и в этих обстоятельствах мы должны пожелать, прежде всего, чтобы российский орел более использовал размах своих крыльев, нежели остроту клюва. Я надеюсь, что новый шеф⁴, который заменит Вельяминова на линии, хотя и служил адъютантом при Ермолове, проявит разумное отношение к вопросу и не выступит за систему наездов, разрушений и отступлений, которая запутала наши дела в этой стране и дала столько козырей нашим врагам, придав простому и справедливому делу характер амбициозного и жестокого подавления. Я почитаю за счастье Ваше назначение на нынешний пост, поскольку Вы сумеете соединить лучше, чем кто бы то ни было, тогу сенатора с мечом воина: в такой стране, как эта, в особенности следует постараться управлять как Агрикола, умея сражаться как Цезарь. Поскольку я хорошо знал Граббе, когда находился с Ермоловым в Кракове, то воспользуюсь случаем и напишу ему, чтобы позондировать на эту тему. Я надеюсь, что в этом году Вы займете достаточно пунктов, расположенных неподалеку друг от друга, чтобы наши соседи из Анатолии и авантюристы с Запада⁵ не смогли будоражить умы соображениями коммерции или революционными интригами.

Я передал Ваши приветы всему нашему обществу; мадам Ольга вновь перенесла утомительные волнения по поводу Софки⁶

¹ Речь идет, вероятно, о В.А. Башмаковой.

² В отряд Раевского приехало много гвардейских офицеров.

³ Принц Гогенлоэ.

⁴ Павел Христофорович Граббе.

⁵ Намек на английских эмиссаров: Белла и др.

⁶ Единственная дочь Л.А. и О.С. Нарышкиных – Софья Львовна (1829–1894), с 1846 г. замужем за графом Петром Павловичем Шуваловым.

и вот уже 10 дней как должна была отправиться в Вену по Дунаю, я уехал в Бессарабию по делам и должен был встретить ее в Рени; но по возвращении нашел ее здесь, и хотя малышка чувствует себя лучше, пока трудно назначить день отъезда; что касается нас, то мы уезжаем 19-го на Побережье, и я надеюсь, что во время пребывания там, и в особенности по приезде в Керчь, получу вести от Вас. Константин Суворов¹ чрезвычайно признателен Вам за проявленную к нему доброту. Это славный молодой человек, и я уверен, что Вы будете довольны его усердием и преданностью всякий раз, когда захотите его использовать. Прощайте, дорогой генерал, моя жена, которая вчера вернулась из Белой Церкви², передает Вам тысячу приветов.

Заверяю Вас в своей неизменной преданности,

М. Воронцов

Приписка графини Е.К. Воронцовой.

Я хочу лично, мой дорогой генерал, принести вам мои поздравления с вашим браком и с занимаемой вами высокой должностью. Уверяю вас, что я по-настоящему радуюсь этому и шлю вам искренние пожелания счастья и успехов. Совершите по моему совету паломничество в Пицунду³ и признайте, что даже Тессели должен склонить колени перед этим восхитительным пейзажем.

Прощайте, мой дорогой генерал, счастья и славы – таков сегодня наш клич, и я повторяю его от всего сердца.

Е. В.

554.

Граф М.С. Воронцов – Н.Н. Раевскому.

На борту Петра Великого, 20 мая 1838, в виду Тессели.

Мне отнюдь не обязательно находиться напротив Тессели, чтобы подумать о Вас, дорогой генерал, и пожелать написать Вам, но случай мне показался столь уместным, дата – подходящей и скорость, с которой это письмо будет доставлено

¹ Брат В.А. Башмаковой, князь Константин Аркадьевич Италийский, граф Суворов-Рымникский (1809–1878), находился в экспедиции 1838 г. под начальством Н.Н. Раевского; затем состоял адъютантом при графе Воронцове. Женат на Елизавете Алексеевне Хитрово, потомства не оставил.

² Имение ее матери, статс-дамы графини А.В. Браницкой.

³ Прибрежное укрепление, возведенное в 1830 г. на Абхазском берегу Черного моря, одновременно с Гаграми и Бомборами.

в Керчь, столь надежной, что, несмотря на окружающую меня многочисленную компанию и обед, который только что кончился, я уединился в уголке с Щербининым¹, чтобы (мысленно) побеседовать с Вами. Князь Херхеулидзе² прислал мне на днях копию Вашего приказа, где дана диспозиция десанта; одобрение старого солдата, как я, может иметь для Вас некую цену, и поэтому скажу, что я получил истинное удовольствие, читая его в двойном качестве – как русский и как Ваш друг. Он написан в хорошем жанре, исполнен благородных чувств и показывает большой опыт как в понимании задачи в целом, так и в знании местности в частности. Генерал Бергман³ не сделал бы лучше; но я скажу Вам столь же искренне и без шуток, что Вельяминов также бы не сделал. Я давал прочесть этот приказ многим в Одессе, причем они им восхищались, и я в самом деле радуюсь, видя, что наши дела на этом побережье находятся в руках человека, который знает, что здесь следует постараться вовсе не воевать, но уж если приходится воевать, он умеет это делать так, как Вы. Я с величайшим нетерпением ожидаю вестей о вашей экспедиции и надеюсь, что этот самый пироскаф принесет их нам по возвращении из Керчи в Ялту на будущей неделе. Моя жена и княгиня Голицына⁴, которые также находятся на борту, шлют Вам тысячу приветов и, как и я, пожелания Вашей полной победы. Мы уехали из Одессы вчера в час дня. Мы – это множество пассажиров, и мы везем среди прочего вещи для госпиталя в Феодосии для больных и раненых, которых Вы пришлете с побережья. Мы оставили Ольгу более спокойной за ее малышку и надеемся, что они смогут уехать в следующее воскресенье.

¹ Чиновник особых поручений (с 1825) при графе М.С. Воронцове Михаил Павлович Щербинин (1807–1881) приходился внучатым племянником знаменитой княгине Е.Р. Дашковой. Он был очень образован, отлично владел пером на всех языках и превосходно редактировал. Множество писем М.С. Воронцова писаны им под диктовку графа. С назначением последнего на Кавказ Щербинин состоял при нем и был директором его походной (до 1848) и гражданской (после 1848) канцелярий.

² Князь Захарий Семенович Херхеулидзе (1796–1856), адъютант М.С. Воронцова, Керчь-Еникальский градоначальник (1833–1850).

³ Генерал-майор Константин Астафьевич Бергман, служивший на Кавказе.

⁴ Вероятно, княгиня Елена Александровна Голицына, урожд. Нарышкина, по первому браку княгиня Суворова-Рымникская, двоюродная сестра графа Воронцова.

Пишите мне, пожалуйста, используя все оказии, я буду остаток этого месяца и июль в Крыму, последние дни июня в Керчи, откуда поеду в Таганрог и т.д., затем снова в середине июля в Алушке¹, затем в Одессе, откуда уеду за границу². Прощайте, дорогой Николай Николаевич, верьте мне всегда.

Преданный Вам,

М. Воронцов

Привет Константину Суворову.

566.

Граф М.С. Воронцов – Н.Н. Раевскому.

Алушка, 19 июня 1838.

Я получил, дорогой Николай Николаевич, письмо от Вас, за которое благодарю от всего сердца. Я напишу подробный ответ через несколько дней. Тем временем я рекомендую Вам сына³ полковника Каччиони⁴, которого Вы знаете и которым мы все интересуемся. Этот молодой человек желает, если возможно, продолжать свою службу близ Вас; он во флоте и был бы рад случаю отличиться. Благоволите, дорогой Николай Николаевич, проявить к нему доброе отношение, это будет хорошим делом, за которое я почти себя Вам обязаным. К удовольствию беседовать с Вами через несколько дней позвольте присоединить заверения в моей искренней преданности,

М. Воронцов

571.

Граф М.С. Воронцов – Н.Н. Раевскому.

Алушка, 25 июня 1838.

Как благодарить Вас, дорогой Николай Николаевич, и за Ваше любезное письмо, и за столь интересные подробности,

¹ 14 июня 1838 г. граф М.С. Воронцов был в Ялте, где открыл присутственные места по случаю преобразования Ялты в уездный город.

² Граф М.С. Воронцов, получив заграничный отпуск, выехал из Одессы 13 августа 1838 г. (Санкт-Петерб. вед. – 1838. – № 195).

³ Александр Ликургович Качони, в 1838 г. 25 февраля поступивший гардемарин в Черноморский флот; в 1838–1840 гг. он участвовал на пароходах «Лиман» и «Иоанн Златоуст» в плаваниях у Абхазских берегов, в 1841 г. произведен в мичманы с переводом в Балтийский флот, а в 1844 г. перешел поручиком в Орденский Кирасирский полк.

⁴ Ликург Ламбрович Качони, грек родом, начавший службу в 1812 г., еще в 1867 г. был полковником и состоял инспектором Керченского центрального карантин.

сообщенные Вами, как о Ваших действиях в крае, который столь удачно Вам доверили, так и об ужасном крушении, коего Вы были свидетелем, к тому же к счастью для потерпевших, ибо, полагаю, без Вас или будь на Вашем месте кто-либо другой, мало что удалось бы спасти, если только гений генерала Бергмана, покорителя Геленджика, не придумал какой-либо новый, доселе неизвестный маневр по спасению судов и людей из бушующих волн. Шутки в сторону, Вы и Ваши люди сделали чудеса, и я с великим удовольствием вижу, что даже такие неожиданные и мучительные обстоятельства имеют хорошую сторону, внушая нашим морякам доверие и признательность к Вам и храбрецам под вашим командованием; это важный результат и огромное преимущество, приобретенное Вами благодаря Вашей постоянной связи с флотом со времени соединения с ним в Керчи. Именно такому союзу двух армий обязаны англичане большей частью своих лучших побед, тогда как у французов и у нас подобный союз – почти всегда отношения кошки и собаки, сопровождающиеся всякого рода разногласиями. В Корфу генерал Анреп¹ и адмирал Грейг² больше были заняты взаимными ссорами, нежели общим противником – французами; Синявин³ был в дурных отношениях почти со всеми генералами, действовавшими вместе с ним; генералы Ласси⁴ и Опперман⁵ были на ножах с нашими адмиралами в Неаполе⁶, и в наших операциях в Швеции⁷ потеряли месяцы и проиграли сражения по тем же причинам. Итак, не следует забывать, что

¹ Генерал-майор Роман Романович Анреп, командовавший на Корфу в 1804–1805 гг. сухопутными войсками, назначенными для поддержания независимости «Республики семи островов» от Наполеона.

² Известный адмирал Алексей Самуилович Грейг (1775–1845), будучи капитан-командиром, начальствовавший эскадрой на Корфу.

³ Известный адмирал Дмитрий Николаевич Сенявин (1763–1831), посланный в 1805 г. начальником русской эскадры в Корфу, где принял под начало сухопутные и морские силы Ионической республики.

⁴ Ласси Мориц Петрович (1737–1820), генерал от инфантерии, в 1805 г. назначенный главнокомандующим русских, английских и неаполитанских войск, собранных в Неаполитанском королевстве для защиты его от Наполеона.

⁵ Опперман Карл Иванович (1765–1831), впоследствии граф, в 1806 г. посланный имп. Александром в Италию с секретным получением осмотреть французские крепости ввиду войны с Наполеоном.

⁶ Во всех этих действиях граф М.С. Воронцов непосредственного участия не принимал.

⁷ 1808–1809 гг.

в случае взаимодействия морских и сухопутных сил следует, даже если моряки неправы в своих претензиях, уступить во всем, кроме чести, дабы их уладить. Поскольку дело моряков – техника, от которой многое зависит, невозможно убедить их в ошибке; только уговором и лестью, как вы это делаете, можно добиться цели, полезной и отечеству, и себе. Я с величайшим удовольствием услышал, что говорил о Вас Путятин; я уверен, что Лазарев разделяет эти чувства и что таково мнение всех моряков, которые принимали участие в совместных действиях. Продолжайте же в том же духе, дорогой Николай Николаевич, Вы сделаете большое имя в порученном Вам деле и окажете огромную услугу признательному вам отечеству. Вам пришлось преодолевать трудности и неприятности, их еще будет немало, но пусть это не обескураживает Вас, идите прямо своим путем, следуя принятой Вами системе, дружите с флотом, занимайте мало-помалу все интересные пункты на доверенной Вам дистанции и умиротворяйте по возможности горцев лестью их самолюбия, выгодами торговли, доказывая им бесполезность, как и невозможность сопротивления. Вы добьетесь большего для наших транскавказских интересов, чем это сделали Цицианов, Ермолов и Паскевич¹ вместе взятые. Для этого понадобится несколько лет, но в вашем возрасте их не стоит считать, стоит только проявить упорство, и вы добьетесь своего. [Далее Воронцов пересказывает легенду о перстне Поликрата.]

...Теперь поговорим о другом. Даже если бы у меня давно уже не было бы проекта воспользоваться Вашим назначением на этом побережье с тем, чтобы сообщать друг другу все о растительности по обоим берегам моря, – Ваш рассказ моей жене об *Azalia Viscosa*, красота и аромат которой поразили Вас в самый критический момент Вашей высадки, возбудил бы у меня такое желание. Случай слишком хорош, чтобы им не воспользоваться, мы могли бы дать Вам на всех пунктах, занимаемых вами: 1) виноград всех сортов и в любых количествах, который вы сможете использовать; 2) овощи и в особенности картофель; 3) деревья декоративные и лесные, которых у вас мало или совсем нет, такие как кипарис обоих сортов, акация, айлант, катальпа, каштаны, лавры, вишни, кувшинки (*Rhamnus*), филарей (*Philareea*), мимоза, богемские

¹ Князь Павел Дмитриевич Цицианов (1790–1806), Александр Петрович Ермолов и Иван Федорович Паскевич, последовательно управлявшие Кавказом.

оливки, испанский дрок и т.д.; цветы любых сортов, но в особенности розы. Взамен всего этого Вы пришлете нам разнообразные семена и саженцы всех деревьев из тех, что мы имеем, и в особенности тех, которых у нас нет. Мы будем рады получить Ваши лавры, фиги, гранаты, но в первую очередь пришлите нам побольше рододендронов, азалий, а из деревьев – чинары, самшит и сосны, которых нам здесь сильно недостает. Дело будет в хороших руках, когда Вы им займетесь, а я, со своей стороны, не задержусь с присылкой всего, что Вы попросите. Я устрою все таким образом, чтобы мой отъезд за границу¹ не остановил эту корреспонденцию и чтобы экспедиции продолжались с той же активностью. Вы знаете, что г-н Иениш² уже находился с этой целью в течение нескольких месяцев в Абхазии и Мингрелии и что его сопровождал один из младших садовников из Никиты, ученик г-на Гартвиса³. Они нам выслали и привезли много вещей, но теперь я хочу поставить дело на более широкую ногу и более последовательно. Вас окружают только солдаты; а надо, чтобы рядом с вами или в вашем распоряжении постоянно был человек, причастный к искусству, занятый единственно тем, чтобы выполнять ваши и мои намерения в наших общих целях. В настоящий момент мой выбор пал на Росса, Вы его видели – это садовник в Орианде; он не смог там устроиться, и Гартвис почти вынудил меня отправить туда немца, который, как говорят, весьма сведущ в ботанике; я хотел бы также быть уверенным в его вкусе; но куда Росс остается без места, мне пришла в голову мысль отправить его к Вам. Он не чужд выпивке, но обещал мне воздерживаться, а ваши советы и предосторожности также могут оказаться полезными. В остальном он человек честный, усердный и деятельный, обладающий серьезными знаниями; хотя и немец, но настоящий английский садовник, много работавший своими руками. У него достаточно природного вкуса, что всегда полезно и составляет лучшую часть нашего существа, и если вы его немного поощрите, не оставляя при этом без строгого присмотра, он, как я уверен, сотворит чудеса,

¹ Граф М.С. Воронцов выехал из Одессы в Белую Церковь 13 августа 1838 г. (Санкт-Петербург. вед. – 1838. – № 195).

² Быть может, Адам Христианович Иениш (1790–1858), доктор медицины, вскоре назначенный инспектором Одесской врачебной управы, автор «Медико-Топографического описания города Одессы» (Журн. Мин. Внутр. Дел. – 1844. – Ч. 6).

³ Гартвис Николай Андреевич, директор Императорского Никитского ботанического сада.

поскольку это один из тех людей, кто, согласно русскому выражению, из кожи вон вылезет ради тех, кому служит. Он останется с Вами на неопределенный срок и покуда Вы будете им довольны; я хотел бы, чтобы Вы употребили его для ознакомления с краем, как там, где перемещение безопасно, т.е. в Абхазии под конвоем в ходе экспедиций, так и к северу от Гагры, но только близ редутов. [Далее о Россе.]

...Что касается плантаций и в особенности распахши под виноградники вокруг ваших редутов, я полагаю, что войска с удовольствием это сделают, поскольку это полезно для них во всех отношениях; можно предложить, например, чтобы в каждом винограднике, устроенном гарнизоном редута, половина урожая шла офицерам, а другая половина – солдатам этого гарнизона. Через несколько лет на вашем побережье будет много вина, что полезно и приятно для офицеров и солдат, и вполне вероятно, что эти вина будут замечательно хороши; не забывайте, что мы можем отправить Вам огромное количество саженцев винограда. Я пошлю Вам десятки тысяч красных сортов из Франции и Алеатико; белые – Рислинг, Траминер, Алеатико белый, мускаты, кокур и венгерские сорта. Виноградники близ редутов возвращают меня к теме, ранее предложенной, относительно безопасности и здоровья ваших гарнизонов; а именно, окружить каждый из Ваших постов на пушечный выстрел от главного редута двумя-тремя или четырьмя башнями а-ля Мартелло, где 7–8 человек с пушкой могут не опасаться черкесов; не имея дверей, они недоступны и могут быть окружены или разрушены или тяжелой артиллерией, или долгой и опасной осадой, которая невозможна для черкесов, даже если бы рядом не было укрепления с гарнизоном; эти посты сменялись бы по утрам, отражали ночные атаки против главного укрепления, а в дневное время все, что отстоит на пушечный выстрел, оказывается безопасным и для работ, и для прогулок. Императору так понравилась эта идея, что в тот же день, как он прочел мой мемуар, отдал приказ послать Бюрно¹ на местность, чтобы изготовить проекты этих башен; тот сделал и послал проект Вельяминову, который отправил его в Петербург. Я изготовил одну из этих башен за свой счет в Акмечети, она обошлась мне в 6–7 тысяч рублей, с рабочими,

¹ Военный инженер в Одессе Карл Иванович Бюрно, состоявший впоследствии (1844) при вел. князе Михаиле Павловиче, генерал-инспектор по инженерной части.

которым я заплатил очень дорого, с лесом, присланным из Херсона, с известью из Ставрополя или Ялты; вам, с вашими гарнизонами, это ничего не будет стоить. Этот проект был отправлен в Петербург, что, полагаю, стало его концом. Инженерный Департамент не любит простых идей и работ, где они не заработают денег; быть может, вы найдете способ возродить и осуществить эту идею. Говорилось и о том, чтобы заменить эти башни блокгаузами из толстых и высоких балок; рядом с укреплением это неплохо, но на расстоянии пушечного выстрела, притом зимней ночью, неприятель мог бы подложить огня, прежде чем кто-либо придет на помощь; напротив, небольшая башня из камня – это Люксембург для черкесов и не только для них. Великий Нельсон¹, располагая линейным кораблем и фрегатом, принужден был биться два дня с одной из этих изолированных башен на побережье Корсики, прежде чем она сдалась. Г-н Питт² в ходе предполагаемого нашествия Наполеона на Англию приказал обеспечить все пункты побережья, куда могли пристать корабли, этими башнями а-ля Мартелло, и сам Наполеон говорил и писал на Св. Елене, что он намеревался снабдить ими все побережье Средиземноморья и Адриатики, поскольку это было лучшей системой береговой обороны, где каждая из башен даже с пятью человеками внутри была крепостью, и никто не мог высадиться и закрепиться под ее пушкой. Если вы разделяете это мнение, дорогой генерал, подумайте об этом, прошу вас; верю, что от вас зависит мало-помалу осуществить эту идею. Анапа, Геленджик, Суджук-Кале, Пишат, Гагра и т.д. и т.д. обретут новую жизнь, их гарнизоны – более здоровья и силы, когда, благодаря этим оборонительным постам, солдаты и офицеры смогут, по крайней мере днем, свободно прогуливаться вокруг своих жилищ, добывать воду, выращивать сады и огороды и хотя бы мирно хоронить своих покойников, не держа человек 200 под ружьем с патронташем за спиной. Насколько я знаю генерала Граббе³, он не только не помешает Вам

¹ Знаменитый английский моряк Горацій Нельсон (1758–1805), победитель французо-испанского флота при Трафальгаре.

² Знаменитый английский государственный деятель и оратор, первый министр Англии (1783–1801) Вильям Питт (1759–1806), известный своей ненавистью к французам и Наполеону.

³ Генерал-лейтенант Павел Христофорович Граббе (1789–1875), с 28 октября 1866 г. – граф, был назначен на место Вельяминова начальником Кавказской области.

осуществить подобный проект, но и поможет Вам, насколько это от него зависит. Тем временем я постараюсь прислать Вам план одной из этих башен, типа той, что я построил в Акмечети.

Вот ужасно длинное письмо, дорогой Николай Николаевич. Я не могу сообщить Вам вести столь же интересные, как полученные от Вас, но мне нравится беседовать с Вами – в чем Вы можете вполне убедиться, читая это послание.

Я отправляю его адмиралу Лазареву, который должен сегодня прибыть в Севастополь и сам принесет его Вам или доставит при удобном случае. Росс везет вам официальную бумагу с моей стороны и также отправится с первым кораблем, который пойдет к Вам из Ставрополя. Посылаю с ним ящичек с сигарами, моя кузина Голицына сказала, что Вы бы хотели их иметь. Я хотел бы еще многое сказать Вам о нашем обществе, о наших садах и т.д., но это в следующий раз; полагаю, что напишу Вам из Керчи, где надеюсь быть 1 июля. Прощайте, обнимаю Вас от всего сердца, желаю Вам всевозможных успехов и уступаю место моей жене, которая сама хочет поблагодарить вас за несколько слов, которые вы ей написали.

М. Воронцов

Приписка графини Е.К. Воронцовой¹.

Известно ли вам, что нельзя польстить женщине более, чем рассказом о том, что в момент высадки на вражеский берег с мечом в руке, с горящим взглядом, подобно Марсу или Ахиллу, думают о ней и желают преподнести ей букет азалии, наполняющей воздух ароматом. Признайтесь, что это неотразимо; не одно воображение было бы в восхищении, но, к счастью, я умею держать себя в руках, и мадемуазель Бороздина² ставит предел моему старому тщеславию; я сохраняю его, чтобы гордиться вашим успехом, и радуюсь ему, ничуть не удивляясь. – Через несколько дней я покидаю Алупку и Крым с тяжким сердцем.

Прощайте, мой дорогой генерал. Примите мое долгое прощание и мои пожелания, самые искренние и постоянные.

Е. Воронцова

¹ Эта ситуация засвидетельствована, на наш взгляд, в словах участника высадки Н. Лорера: «Раевский, проходя по линии со всем своим штабом, поздравлял войска, а за поясом у него торчал преогромный букет цветов кавказской флоры, который он набрал во время дела [т.е. военных действий. – Т. Ф.]».

² Анна Михайловна Бороздина, невеста Раевского.

572.

Граф М.С. Воронцов – Н.Н. Раевскому.

Алука 27 июня 1838 г.

Дорогой Николай Николаевич! Я послал Вам вчера длиннейшее письмо, которое прибудет в то же время, что и это, в котором я говорю, между прочим, весьма подробно о Россе, подателе сего письма; но к оному присоединяю эти несколько слов, дабы он не предстал перед Вами с пустыми руками: большое письмо, отправленное под адресом адмирала (Лазарева), должно быть передано Вам контр-адмиралом Хрущевым; он был здесь вчера с адмиралом Лазаревым, и, по-видимому, именно он, Хрущев, будет командовать эскадрой в ходе Вашей экспедиции в Шапсуг.

Вчера я узнал с величайшим удовольствием, что капитаны Путятин и Корнилов получили продвижение по службе благодаря Вашей рекомендации; оба они отличные офицеры. – Присоединяю письмо для Константина Суворова, который Вам предан и признателен за проявленную Вами к нему доброту. Этот славный молодой человек в восхищении от всего, что Вы совершаете.

Всецело ваш, М. Воронцов

584.

Граф М.С. Воронцов – Н.Н. Раевскому.

Одесса 1 августа 1838 г.

Дорогой Николай Николаевич, сегодня я пишу Вам только два слова, чтобы не пропустить оказию в лице Муравьева, адъютанта генерала Головина, но более длинное письмо напишу либо из Мошны, либо из Белой Церкви, прежде чем уеду из страны; я должен Вас поблагодарить за Вашу более чем любезную точность, с которой Вы привели мне столько интересных подробностей о своих делах; по крайней мере, я этого достоин, поскольку испытываю к ним живейший интерес, как к самой проблеме, так и ко всему, что касается Вас лично.

Мне недостает слов, чтобы выразить свое восхищение всем, что Вы делаете, как в целом, так и в частностях; я надеюсь, что Вам будет обеспечен полный успех и что Вам воздадут по заслугам. Я уже слышал, что благодаря разумным мерам, принятым Вами, больных на побережье стало гораздо меньше, чем обычно: это момент огромной важности и для человечества, и для службы в будущем; стихии объявили Вам войну: боритесь же с ними с теми же упорством и храбростью, которые Вы уже проявили; надеюсь, что в будущем году погода на том берегу будет мягче. Я сожалею

об окончательной потере «Ясона», это не Ваша вина: вы совершили чудеса для его спасения; мне кажется, что моряки проявили небрежность, не заметив беды вплоть до прибытия в Керчь; в хорошую погоду это дело нескольких часов; даже в Геленджике судно было бы в безопасности. Я уезжаю отсюда завтра, с 8 по 13 проведу несколько дней в Мошны у моей тещи и затем постараюсь быть в Берлине 4 или 5 сентября; здесь я приостановлю мои проекты до будущего года и надеюсь, что в течение времени, которое я проведу за границей, Вы будете писать мне, адресуя письма Фабру в Одессу; он сумеет переправить мне все, что Вы пришлете, т.е. письма по почте, и приложения, если таковые будут, через графа Нессельроде¹; когда Вам придется писать официально о каких-либо нуждах и здешняя администрация сможет что-либо для Вас сделать, также адресуйте мне, написав несколько слов Фабру; увидим, каким способом можно чем-нибудь Вам помочь; поскольку до настоящего времени я не имею приказа передать дела кому-либо и полагаю, что только в Берлине это уладится. Я кончаю это письмо, уведомляя вас, что брак вашей старой подруги Вареньки Башмаковой², которую вы разыскивали с помощью подчиненного, грозит растаять словно дым: похоже, что старый князь Горчаков подумал, что две глупости составляют почти одно и то же, и что, сделав предложение брака, он не хочет делать вторую, т.е. осуществить обещание. Прощайте, дорогой Николай Николаевич, верьте мне всегда.

Всецело Ваш, М. Воронцов

Должен Вам еще сказать, что поведение Леона³ и его те-тушки было столь недостойным по отношению к Ольге⁴ и столь абсурдно по отношению ко мне, что я воспользовался тем, что Леон не навестил меня в течение восьми дней, которые он провел в Ялте и даже утро в Мисхоре, и уехал из Крыма, не повидав их; я провел вечер в Ялте (они были на балконе), не обратив на них внимания, и надеюсь не видеть их до конца жизни. Лучше иметь открытых врагов публично, чем фальшивых друзей, разрывающих вам душу постоянно и на глазах у всех.

¹ Карл Васильевич Нессельроде, министр иностранных дел.

² См. выше, письмо 551.

³ Л.А. Нарышкин (1785–1846), в то время генерал-майор в отставке; жена – урожд. графиня Ольга Станиславовна Потоцкая.

⁴ Ольга Станиславовна Нарышкина.

588.

Граф М.С. Воронцов – Н.Н. Раевскому.

Одесса 10 августа 1838 г.

Я пишу Вам эти несколько слов, дорогой Николай Николаевич, ради молодого человека, которого настоятельно рекомендую: это Андреевский¹, брат доктора², которого Вы знаете, и, следовательно, нет нужды хвалить Вам его; скажу только, что питаю к нему живой интерес, основанный на истинном уважении, которого он заслуживает во всех отношениях. Его брат, которого я рекомендую особо, желает служить в армии на Кавказе и сделает все возможное, чтобы там отличиться. Прошу Вас проявить к нему всяческую доброту, это Вы хорошо умеете делать, чем по-настоящему меня обяжете. Такова единственная цель моего послания, и я завершаю его, обнимая Вас, дорогой Николай Николаевич, от всего сердца.

М. Воронцов

589.

Граф М.С. Воронцов – Н.Н. Раевскому.

Одесса 11 августа 1838 г.

Я только что узнал, дорогой Николай Николаевич, что паровое судно «Колхида» уходит к вам, и не мог пропустить такой удачной okazji, чтобы не черкнуть вам несколько слов. Хотел бы я иметь возможность беседовать подольше; но, к сожалению, это невозможно, поскольку я погружаюсь в такой океан дел до моего отъезда послезавтра в субботу, что не имею ни минуты свободной. Сверх того, я сильно обеспокоен дурными новостями о состоянии здоровья моей тещи³ и вынужден ускорить мой отъезд на несколько часов. Я напишу Вам из Белой Церкви и надеюсь сообщить Вам новости получше.

Я поручил полковнику Бюрно⁴, который остается в стране для поисков асфальта⁵, дать Вам все сведения о баинях а-ля Мар-

¹ Вероятно, Аркадий Степанович Андреевский, впоследствии бывший чиновником особых поручений при Воронцове в Одессе.

² См. о нем выше, а также статью: Козубский Е.И. Князь М.С. Воронцов и Э.С. Андреевский // Русск. Арх. – 1898. – Кн. 1. – С. 625 и сл.

³ Графиня А.В. Браницкая действительно умерла через четыре дня (15 августа).

⁴ См. выше, письмо 571.

⁵ Бюрно делал асфальтовые мостовые в Одессе, что до тех пор не было распространенной практикой.

телло. Прощайте, дорогой Николай Николаевич, я напишу Вам в недалеком времени, и обнимаю Вас от всего сердца,

М. Воронцов

599.

Грамота Н.Н. Раевскому на орден Белого Орла.

(На рус. яз.)

...Нашему Генерал-Лейтенанту, Начальнику 1-го Отделения Черноморской Прибрежной Линии Раевскому 1-му.

Предводительствуя Отрядом войск, действующих на восточном берегу Черного моря противу неприятных нам горских племен, Вы вполне оправдали надежды и ожидания Наши. Быстрое занятие устья рек Туапсе и Шапсухо, исполненное с совершенным успехом и почти без потери с нашей стороны, свидетельствует об отличных Ваших военных дарованиях и благоразумной распорядительности; а при обороне судов, претерпевших крушение близ устья Туапсе, и спасении их экипажей Вы являли собою пример отличной храбрости, непоколебимого мужества и твердости. Столь же достохвальны попечения Ваши о благосостоянии вверенных Вам войск. В коих, при всех перенесенных ими трудах, число больных самое незначительное. Изъявляя Вам на столь полезное служение Ваше особенную Нашу признательность и благоволение, Мы в вящее ознаменование оных Всемилостивейше жалуем Вас Кавалером Императорского и Царского Ордена Нашего Белого Орла, коего знаки при сем препровождаю, пребываем Императорскою Нашею милостию к Вам благосклонны.

Николай

*Канцлер Российских Императорских и Царских Орденов
Князь Александр Голицын.*

В г. Веймаре Августа 28 – Сентября 9-го дня 1838 г. № 208.

656.

Граф М.С. Воронцов – Н.Н. Раевскому.

Лондон, 3/15 апреля 1839.

Не знаю, что Вы думаете обо мне, дорогой Николай Николаевич, но признаю, что выгляжу в Ваших глазах виноватым в том, что до сего времени не подавал признаков жизни. Дело в том, что каждый день с момента моего прибытия в Англию я собирался Вам написать, но постоянные перемещения, сильное недомогание, которое удержало меня на несколько дней в постели, и множество других обстоятельств помешали меня удовлетворить живейшее желание побеседовать с Вами. Верьте, однако, что если я не

осуществил это желание письменно, то тем не менее чувствовал горячую признательность за сообщения, которые Вы сооблаговостили мне прислать о Ваших операциях в Черкессии. Эти подробности для меня ценны, я читал их с интересом, который питаю к Вам лично, так в равной мере и к вверенному Вам посту, такому важному и почетному. Я наблюдал за всеми Вашими действиями и жестами, страстно желая им успеха, и особенно того, чтобы именно Вам принадлежали честь и слава положить конец злополучной войне и установить мирные отношения с одной из самых прекрасных стран в мире.

Теперь я должен выполнить еще один долг перед Вами. Я только что узнал, что Ваш брак был заключен в Москве и что Вас ожидают в Николаеве. Позвольте мне, дорогой Николай Николаевич, принести Вам мои искренние поздравления и выразить мои пожелания счастья, которого Вы по праву заслуживаете. – Моя жена присоединяется к высказанным мною словам и пожеланиям; благоволите также передать наши поздравления Мадам Вашей супруге, для нас будет праздником высказать их лично в этом году.

Время, когда мы должны будем покинуть Англию, быстро приближается. Вы можете себе представить, как трудно мне снова расстаться с моей сестрой¹ и ее семьей, с которыми мне так радостно было увидеться после семилетнего отсутствия. Приезд моей золовки, графини Артур [Потоцкая по мужу, родная сестра Е.К. Воронцовой. – Т. Ф.], немного продлил наше пребывание, но мы, к сожалению, не можем оставаться здесь более 2 мая, так как мне необходимо пройти курс лечения в Карлсбаде, прежде чем

¹ Графиня Екатерина Семеновна Пембрук-Монтгомери (1783–1856), почти всю свою жизнь проведшая в Англии; в 1797 г. она была пожалована во фрейлины, а в 1808 г. вышла за графа Пембрука, 40-летнего вдовца с двумя детьми. Благодаря своему браку с одним из лучших представителей английской аристократии графиня Екатерина Семеновна заняла видное положение в Лондонском обществе, с детства ей близко знакомом. Семейная жизнь ее с положительным и уравновешенным мужем, предпочитавшим, как и она, домашний круг и сельскую жизнь карьере и светским удовольствиям, протекла тихо и счастливо; большую часть времени они проводили в поместье Пембрука Вилтоне, в Вилтширском графстве. Овдовев в 1827 г., она посвятила себя всецело воспитанию детей и уходу за престарелым отцом (графом Семеном Романовичем), скончавшимся на ее руках в 1832 г. Леди Кэтрин Пембрук имела сына (Сидней Пембрук, лорд Герберт) и пятерых дочерей (Элизабет, леди Кленвильямс; Мария Каролина, леди Брюс; Кэтрин, леди Денмор; Джорджина, леди Петти-Фицморис; Эмма, виконтесса Т.Весци).

вернуться в Петербург, куда мы должны прибыть в конце июня к свадьбе великой княжны Марии¹.

Прощайте, дорогой Николай Николаевич, надеюсь, что Вы не накажете меня за долгое молчание тем, что перестанете сообщать мне вести о себе, подумайте о том, какое удовольствие я испытываю при их получении. Я радуюсь тому, что вскоре мое общение с Вами будет более регулярным; тем временем прошу Вас принять уверения в моих чувствах к Вам,

М. Воронцов

702.

Граф М.С. и графиня Е.К. Воронцовы² – Н.Н. Раевскому.

Не знаю, как мне благодарить Вас, дорогой Николай Николаевич, за Ваше любезное письмо от 26 июня, интересные сообщения, которыми Вы его сопроводили, и за замечательное предложение нам совершить путешествие на Ваших четырех пироскафах. К сожалению, многие причины помешают нам воспользоваться вашим великодушным предложением. Назову Вам лишь две из них, заключительные; первая – я буду в наших провинциях не ранее конца сентября, т.е. так поздно, что для меня станет невозможным никакое другое путешествие, кроме как по служебной надобности; второе, простите мою дерзость, но в Вашем распоряжении, как я полагаю, пока нет пироскафов, о которых вы пишете, я сам видел, как их делают в Лондоне, это к слову. Лучшие иметь раковину в руке, чем поджидать трехпалубное судно; простите великодушно еще раз мою дерзость. В остальном мое письмо будет исполнено вежливости и признательности.

¹ Великая княжна Мария Николаевна (1819–1876), обрученная еще 4 декабря 1838 г., вышла замуж за герцога Максимилиана Лейхтенбергского 2 июля 1839 г.

² Отношение графа Воронцова к Н.Н. Раевскому, как видно было и из предыдущих его писем, было самое сердечное. Говоря о Керчи, где назначено было местопребывание начальника Черноморской береговой линии и его штаба, и о том, что в выборе именно этого города Н.Н. Раевский вполне сошелся с мнением графа Воронцова, Г.Н. Филипсон замечает: «Тогда между ними была полная гармония и частая дружеская переписка. – "Mon cher Пушкин apportez moi la lettre de Woronzow à 18 pages" [Мой дорогой Пушкин, принесите мне письмо Воронцова на 18 страницах. – Имеется в виду Лев Сергеевич Пушкин, адъютант Раевского, родной брат поэта. – Т. Ф.]. Письмо читалось во всеуслышание. Оно было остроумно написано, хотя далеко не имело 18-ти страниц... Расположение в Керчи Штаба Береговой линии сделало пользы городу едва ли не более всех данных ему льгот и привилегий» (Русск. Арх. – 1883. – Кн. 3. – С. 325).

Вы пишете, что сохранили память о нескольких упреках, которые я позволил себе сделать Вам в 1824 г., за шалости по отношению к дамам Милашевич-Красной и Фролов-Багреевой. Вы были так молоды тогда, но я этого не помню, хотя и старался припомнить, встретив м-м Багрееву у княгини Кочубей. Весьма великодушно с Вашей стороны простить мне этот упрек, если я его сделал, как и другой мой проступок в 1837 г., о котором Вы говорите. Я постараюсь заслужить Вашу снисходительность, доставив Вам Силери [род шампанского. – Т. Ф.] и красной мадеры; поскольку, если я, к сожалению, не смогу путешествовать с Вами на ваших пироскафах, то все же надеюсь встретить Вас в Керчи и постараюсь прибыть в древнюю Пантикапею, как только узнаю, что Вы уже находитесь там.

Прежде чем перейти к другим темам, позвольте мне поздравить Вас совершенно искренне со всеми Вашими действиями, которые Вы уже совершили и продолжаете совершать на таком важном и интересном посту, который Вам доверен. Со всех сторон я слышу похвалы в Ваш адрес и испытываю при этом самое искреннее удовольствие. Я всегда был убежден в том, что Вы понимали лучше, чем кто-либо другой, как надлежит поступать с черкесами и прочими горцами Вашего побережья как в военном, так и в мирном и торговом отношениях. Да поможет Вам Господь в Ваших полезных усилиях, уверен, что с Вашим упорством и терпением Вы добьетесь выдающихся результатов. Я с величайшим вниманием читал Ваше последнее донесение. Все Ваши меры в этих предприятиях были достойны восхищения. Счастлив видеть, что храбрцы, командование которыми Вам доверено, имеют такого руководителя на пользу им и во славу Российского имени. К тому же, теперь они меньше страдают от лишений и болезней, чем ранее; и по мере того, как Ваши разумные распоряжения и увеличение наших военных постов лишают горцев способа общаться с Вашими врагами и чужестранцами, общественные отношения на этом побережье будут улучшаться на пользу обеих сторон. Постарайтесь только убить или поймать этого мошенника Белла¹; это был бы большой удар в нашу пользу; похоже, что он отнюдь не рискует подставлять свою особу под ружейные выстрелы, и поэтому, на мой взгляд, его можно было бы заполучить, пообещав несколько сотен дукатов одному из его друзей; сами горцы более или менее разочарованы на счет этого зловредного авантюриста; едва ли они могут

¹ Джемс-Станислав Белл, английский агент, живший у горцев; о нем см. с. 66.

по-прежнему полагаться на его заверения о поддержке их Англией, видя, что Англия даже не выразила недовольства по поводу захвата шхуны «Виксен»¹, несмотря на охранную грамоту.

– Один морской офицер, которого я встретил на днях, сказал мне, что прошлой осенью он уже видел гроздь на ветвях виноградных лоз, которые я имел честь отправить в 1836 г. нашим редутам и укреплениям Восточного побережья. Это доставило мне большое удовлетворение, и я надеюсь, что благодаря тому, что мною отправлено, все наши гарнизоны вскоре будут иметь виноград и вино в изобилии. Я пошлю Вам также, и Вам это хорошо известно, другие фруктовые саженцы, декоративный кустарник и т.д. и т.д., все, что Вы захотите использовать. Все сделанное мной, уверен, будет возмещено присылкой с Вашей стороны великолепных образцов местных растений.

Моя жена и я, мы шлем Вам тысячу благодарностей за рододендроны, которые Вы посылаете в Алупку; то немногое, что мы получили и посадили, прежде чем уехать из Алупки, прекрасно принялось, и нам писали, что этой весной они были покрыты цветами. Я в нетерпении ожидаю момента поговорить с Вами обо всем этом и о наших обменах, когда мы увидимся с Вами в Керчи. Вы не сказали нам ни слова о Карасане, который теперь должен Вас интересовать, так как, признайтесь, это совсем другое, чем тот кусок Финляндии под названием Тессели, где, по словам ученого г-на Компера, нередко бывает минус 17 градусов.

– Сейчас я веду переговоры с графом Киселевым² с тем, чтобы он предоставил зависящие от него средства для осуществления отличного проекта Гартвиса³. Он состоит в том, чтобы отправить ученого садовода Витмана⁴, который долгое время находился в Тифлисе и на Кавказе в горах Ахалциха, собирая все виды

¹ Эта шхуна, принадлежавшая Беллу, была захвачена бригам «Меркурий» под командой капитан-лейтенанта Вульфа.

² Граф Павел Дмитриевич Киселев (1788–1872), в это время министр государственных имуществ.

³ Николай Андреевич Гартвис, директор Императорского Никитского ботанического сада, а впоследствии (1861) и директор Магарачского училища виноделия на Южном берегу Крыма, коллежский советник; у него было в Крыму имение, где он выделял вина, за которые в 1846 г. на 1-й Выставке сельских произведений в Симферополе получил серебряную медаль 1-го разряда. О трудах Гартвиса по акклиматизации растений см. труды Кеппена.

⁴ Карл Витман, еще в 1834 г. доставлял Ботаническому музею Академии наук растения с Кавказа.

растений, и среди них несколько новых сортов сосен и елей, которые сделают нам честь в ученом мире. Как только я добьюсь успеха, то Вы примете в нем участие и поможете нам; ибо я уверен, что никто не сделает это лучше, чем Вы. Но довольно об этом сегодня, тем более что моя жена хочет приписать несколько слов к этому письму, и я заканчиваю, но прежде добавлю несколько слов о м-м Ольге¹, так как Вы просили сообщить о ней. Вы знаете о том, что именно вынудило ее покинуть Одессу и что мешает ей туда вернуться; она провела зиму в Венеции и весну в Вене; она должна была поехать в начале июля в Ишель; но, получив известие о том, что ее брат Витт² очень болен и что ему угрожает паралич позвоночника, она поехала к нему в Дрезден, чтобы ухаживать за ним, и собирается провести ближайшую зиму в Вене; ее малышка Софья³ перенесла довольно серьезную болезнь в Венеции, но теперь чувствует себя хорошо. Прощайте, дорогой Николай Николаевич, или, скорее, до свидания, вначале письменного, а потом личного. Это будет настоящей радостью для меня, потому что я Вас очень уважаю и люблю, несмотря на Ваши упреки мне в связи с дамами Милашевич-Красной и Фролов-Багреевой.

Ваш Воронцов

Приписка графини Е.К. Воронцовой.

Я также хочу, движимая признательностью, поблагодарить вас, мой дорогой Генерал, за ваши новые благодеяния (это означает, что я хочу еще других), вы поистине очень добры, что думаете о нас в Алушке, в разгар ваших славных боевых операций (это значит, что думаете всегда), и мы чувствуем это искренне, как залог нашей старой и постоянной дружбы. Что касается постоянства, то я очень довольна тем, что вы отдаете дань известной добродетели: «Стакан вина никогда не принесет вреда» и т.д.; эти древние истины, сохраненные в вашей памяти, доказывают мне, что Дуб скорее будет вырван с корнями, нежели ваша мысль изменится. – Вывод: вы и есть тот самый могучий Дуб (т.е. Дубина), к которому я испытываю сердечную и искреннюю привязанность.

¹ Ольга Станиславовна Нарышкина, урожд. графиня Потоцкая.

² Единоутробный брат О.С. Нарышкиной – граф Иван Осипович Витт, скончавшийся в 1840 г.

³ Софья Львовна Нарышкина (Софка), дочь Ольги Станиславовны, по мужу графиня Шувалова.

754.

Граф М.С. Воронцов – Н.Н. Раевскому.

Одесса 24 января 1840.

Я воспользуюсь отъездом британского вице-консула, дорогой Николай Николаевич, чтобы написать Вам пару слов и тем подать Вам признак жизни, так как он уезжает сегодня утром и уже пришел за моими письмами. Вскоре, когда у меня будет больше времени, напишу Вам, чтобы ввести Вас в курс наших дел, сообщить новости и даже немного посплетничать. Из письма Головина, полученного мною из Петербурга, я узнал, что Вы больше не собираетесь в столицу; и я рад этому, так как для вас, нагруженного сокровищами графини Литта¹, как Вы удачно выразились, подобное путешествие, не говоря уже о холодах и дурной дороге, было бы крайне неуместным для здоровья, которое не в лучшем состоянии, невзирая на силу Геркулеса, которую Вы любите демонстрировать. К тому же я знаю, что дела Ваши в Петербурге идут хорошо, здесь вполне удовлетворены Вашими действиями и системой, которой Вы следуете; невзирая на любителей размахивать саблями, Вы можете идти своим путем с оливковой ветвью в руке; Вас в этом поощряют, и будущее покажет, насколько эта система превосходна.

Белл определенно находится в Константинополе, он занят редактированием записок, которые хочет опубликовать².

¹ Здесь какая-то шутка: статс-дама графиня Екатерина Васильевна Литта, урожд. Энгельгардт, вдова графа Павла Мартыновича Скаврнского, жена обер-камергера, члена Гос. Совета графа Юлия Помпеевича Литты (ум. 26 января 1839 г.), племянница Потемкина-Таврического (а следовательно, родственница графини Е.К. Воронцовой и Н.Н. Раевского), ум. 7 февраля 1829 г. Быть может, здесь имеется в виду та особа – француженка, – от которой граф Ю.П. Литта имел побочного сына, по фамилии Аттила, актера, и дочь, замужем за Путятою. После смерти графа Литты эта француженка вышла за полковника Макарова, получив в наследство от графа 100 тыс. рублей (дочери и сыну он оставил по 200 тыс. руб.). Внучка графини Е.В. Литта (от первого ее брака), графиня Юлия Павловна Пален, в 1826 г. вышла замуж за двоюродного дядю Н.Н. Раевского, графа Н.А. Самойлова (ум. 23 июля 1842 г.).

² Это тот двухтомный *Journal of a resident in Circassia during the years 1837, 1838 and 1839*, который вышел в Лондоне в 1840 г. с рисунками, которые приложены к 1 и 2 томам Архива Раевских; в 1841 г. вышел во французском переводе в Париже, в немецком – в Пфюрцгейме; в 1844 г. – на датском в Копенгагене. В сочинении своем Белл часто упоминает о действиях Раевского и приводит его обращения к горцам. О нем см. с. 66, 104.

– Турецкое правительство приняло самые суровые меры, чтобы помешать незаконным сообщениям побережий Анатолии с областями в нашем подчинении. В Севастополе только что учредили рынок с оборотом 800 тыс. руб. для вашего адмиральства Новороссийск (предприниматель Томазини). Я жду с нетерпением новостей от Вашей ботанической экспедиции. Я нашел здесь ящик вашего полусладкого вина, верный Шантран заботливо сохранил его. Я пришлю его при первой же okazji, с процентами, как говорил Ланжерон¹, в том же роде. Одно из ваших паровых судов, кажется, под названием «Могучий», отбыло вчера в Севастополь, а другое, «Боец», прибыло из Константинополя. Не знаю, зачем не сохранили за ними прекрасные имена «Орест» и «Пилад», связанные с историей этих берегов.

Благоволите выразить мое почтение м-м Раевской и сообщите о здоровье всех ваших.

Преданный вам, Воронцов

784.

Н.Н. Раевский – графу М.С. Воронцову.

(Черновое, на рус. яз.)

Начало марта 1840 г. Керчь.

Милостивый государь граф Михайло Семенович!

При сем имею честь представить Вашему Сиятельству: 1-е) мое предположение о военных действиях на Восточном берегу в 1840 году; 2-е) представление о сем 2-на корпусного командира; 3-е) предписание военного министра о Высочайше вполне утвержденном моем предположении; но, что всего важнее, Его Императорское Величество изволил совершенно согласиться с мнением, что меры кротости относительно горцев должны заменить опустошения их земель. Генерал Головин так поздно приехал в С.-Петербург, что я уже оставлен в Керчи для приготовления экспедиции. Письмо Вашего Сиятельства к графу Бенкендорфу я отправил с его адъютантом графом Меншиковым². Как только в конце апреля я расположу отряд на вершинах Мескаги для

¹ Граф Александр Федорович Ланжерон, предшественник Воронцова по званию новороссийского генерал-губернатора.

² Князь Владимир Александрович Меншиков (1815–1893), лейб-гвардии гусарского полка поручик, с 25 октября 1842 г. – флигель-адъютант, с 7 февраля 1849 г. – свиты Е.В. генерал-майор, с 17 февраля 1855 г. генерал-адъютант, генерал от кавалерии.

построения форта, то отправлюсь из Новороссийска вдоль всего Восточного берега до Абхазии; прибыв в сию последнюю, я намерен употребить две недели для подробного осмотра внутренности сего края. Покорно прошу Ваше Сиятельство меня известить, можете ли Вы к сему времени исполнить Ваше намерение посетить Абхазию; это время удобнее для путешествия, потому что оно самое здоровое и потому что Вы увидите растительность Абхазии во всем ее блеске. Край совершенно мирный, и Ея Сиятельство графиня может оный совершенно безопасно посетить. Покорно Вас прошу о сем заблаговременно меня известить, дабы я Вам для сего приготовил пароход и нужное число лошадей в Абхазии¹.

С истинным почтением и совершенной преданностью имею честь быть, Милостивый Государь, Вашего Сиятельства покорный слуга,

Раевский

786.

Граф М.С. Воронцов – Н.Н. Раевскому.

Одесса 9 марта 1840 г.

Не могу пропустить сегодняшнюю почту, дорогой Николай Николаевич, не поблагодарив Вас за ваше письмо от начала марта [1784]... и очень интересные приложения, его сопровождающие. Весьма признателен также за Ваше дружеское предложение совершить этим летом прогулку по Абхазии; к сожалению, воспользоваться им невозможно по многим причинам, которые слишком долго уточнять; однако я надеюсь видеть Вас весной и летом в Керчи и на побережье; я полагаю, у Вас не будет военных действий с высадкой десанта в этом году. И поскольку я с большим удовольствием видел, что Император одобряет и поддерживает мирное и дружеское поведение, которое Вы сумели установить в Ваших отношениях с черкесами, то надеюсь, что Ваши прогулки от поста к посту будут совершаться, как и в прошлом году, без того, чтобы убивать или быть убитыми, но продемонстрируют, что наши войска умеют входить в их деревни без захвата и разрушений и что лучшее для них – подчиниться необходимости и установить мирные и торговые отношения с людьми, которых они не могут ни победить, ни вытеснить из страны.

¹ Ответ графа Воронцова см. ниже, письмо 786.

Соответственно пожеланию герцога де Майе и Вашему согласию я написал Бенкендорфу о его желании посетить Черкесию под Вашим покровительством; но этот проект не встретил поддержки; похоже, что многие подобные просьбы уже встречали отказ, и, естественно, было бы нежелательно сделать исключение в пользу герцога де Майе.

— Я жду первого удобного случая отправить морем в Керчь Ваше вино и несколько бутылок красной мадеры. Я должен заканчивать, ибо время отправлять почту, но в первом же своем письме я спрошу Вас о подробностях весьма важной операции с переходом линии Кубань — Лаба [Лаба — левый приток Кубани. — Т. Ф.]. Прощайте, дорогой Николай Николаевич, прошу передать мои приветы м-м Раевской.

Преданный вам,
М. Воронцов

806.

Граф М.С. Воронцов — Н.Н. Раевскому.

Одесса 8 апреля 1840 г.

Мой дорогой Николай Николаевич. Отбытие пироскафа, идущего в Керчь, — слишком подходящий случай, чтобы я им не воспользовался, и я отправил, наконец, ваше мальвуазийское вино, которое так долго хранилось под бдительным оком верного Шантрана; я добавил к нему дюжину бутылок хереса и дюжину красной мадеры из партии, недавно полученной Рубо, которая весьма неплоха.

Я не стану говорить вам обо всех зловключениях, жертвой которых вы стали вот уже три месяца. Я слишком хорошо знаю, что в этом нет вашей вины, но я слишком близко к сердцу принимаю все, что с вами происходит, и надеюсь, что вам дадут возможность все привести в порядок и принять меры, чтобы подобные вещи не случались впредь. Россию нельзя упрекнуть в том, что она хочет от черкесов; чрезвычайные усилия, предпринятые ими, доказывают, что система по занятию побережья грозила им уничтожением в случае, если бы они не подчинились; еще одна причина проявить упорство с нашей стороны, или поражение их неизбежно, причем самые стойкие и самые смелые погибнут в боях. Но надлежало постараться, чтобы в редутах находилось не менее 400 человек, и повторю еще раз, рискуя заслужить упрек в упрямстве и даже в пристрастности к собственным идеям, что окопы должны быть глубже и что надо бы иметь 2—3 башни

Мартелло с дальнобойной пушкой на каждый редут¹; 6–8 человек с артиллерийским орудием и ружьями в таких башнях непобедимы, даже если весь Кавказ поднимется против них. Я не вижу, чтобы горцы, сколь бы храбрыми они ни были, смогли бы выдержать 2–3-часовую рукопашную против наших солдат, если в ходе этой борьбы 2–3 пушки обстреливали их. Императору чрезвычайно понравился проект использования таких башен, о котором говорилось в моем рапорте 1836 г., и он приказал Бюрно отправиться на место с целью разработать план. Все это было сделано, но Вельяминов отнесся с прохладой и даже с нежеланием к исполнению проекта; расходы на эти башни ничтожны, подумайте об этом, дорогой Николай Николаевич, это мое мнение соответствует национальным интересам, как и Вашим собственным, если Вы с ним согласны, внесите предложение военному министру и потребуйте Бюрно для их постройки; я уверен, что Ваше предложение будет немедленно принято.

Прощайте, дорогой Николай Николаевич, Вы слишком заняты, чтобы сейчас писать мне, но когда у Вас найдется минута спокойствия и досуга, то несколько строк от Вас будут для меня настоящим подарком, особенно если сообщите мне хорошие новости о Вашем здоровье. Я постараюсь повидаться с Вами в Керчи, особенно если Вы будете там в первые дни мая месяца, и в ожидании встречи обнимаю Вас от всей души. Жена моя шлет Вам тысячу приветов; все наше общество испытывает живейший интерес ко всему, что с Вами связано.

Ваш М. Воронцов

838.

Граф М.С. Воронцов – Н.Н. Раевскому.

Симферополь, 8 октября 1840 г.

Дорогой Николай Николаевич. Я только что узнал, что Вы в Коросане, и, судя по тому, что мне сказали, сильно опасаясь, что не найду Вас на побережье, так как вынужден ехать в Козлов

¹ «Укрепления наши на восточном берегу, – писал М.П. Лазарев князю А.С. Меншикову 28 марта 1840 г., – и гарнизоны, в оных находящиеся, недостаточны для удержания их противу черкес, и... не лишнее бы было противу каждого укрепления прибавить по две башни в роде Мартелло, самые же укрепления привести в лучшее и более правильное оборонительное положение» (Рус. Архив. – 1882. – Кн. 1. – С. 299). Ср. советы о башнях Мартелло в т. 2, с. 489, 491, и 530 в письмах М. Воронцова.

[Евпатория. – Т. Ф.], Акмечеть [Симферополь. – Т. Ф.] и Севастополь и буду в Алушке лишь 12-го. Если, к счастью, Вы не уедете до этого времени, буду счастлив Вас видеть и смогу прибыть для встречи с Вами в Ялту после 13-го; полагаю, что Вы высадитесь именно там. Во всяком случае, благоволите сообщить мне, что Вы собираетесь делать, и о Ваших планах. Позднее я смогу увидеть Вас в Керчи, но пока не знаю, когда смогу туда прибыть.

Здесь с нами английский путешественник лорд Олванли [Alvanley. – Т. Ф.], старый мой друг; он хотел бы, если возможно, совершить путешествие до Тифлиса через Редут-Кале и вернуться до зимы в Одессу, в случае если это возможно обычными средствами сообщения. Полагаете ли Вы это возможным? Жду Вашего мнения. Мое почтение мадам, и обнимите вашего малыша.

Моя жена шлет Вам тысячу приветов, послезавтра она едет в Массандру. Остаюсь в надежде, что Вы сумеете выделить пару дней и что я увижу Вас на побережье.

Ваш М. Воронцов

839.

Граф М.С. Воронцов – Н.Н. Раевскому.

Алупка, 13 октября 1840 г.

Дорогой Николай Николаевич! Мы приезжаем с минуты на минуту, и моя жена благодарит Вас за добрые и любезные предложения мне и лорду Олванли, мы в самом деле благодарны, но можем принять лишь одно – явиться на встречу с Вами завтра в Массандру, отобедать с Вами и присутствовать при Вашем отплытии. Лорд Олванли благодарит Вас от всего сердца, отчасти он задержался благодаря нам, тем более что у него немного времени до отъезда в Англию, да и сезон завершается. Обед состоится в Массандре между четырьмя и пятью часами. Если м-м Раевская сможет приехать, для нас это будет двойной праздник. До свидания, дорогой Николай Николаевич, я счастлив при мысли Вас увидеть.

Ваш Воронцов

856.

Граф М.С. Воронцов – Н.Н. Раевскому.

Одесса, 19 дек. 1840 г.

В течение недолгого времени, которое я имел удовольствие провести с Вами в Керчи, Вы неоднократно говорили мне, дорогой Николай Николаевич, что я должен заняться нашей торгов-

лей с черкесами¹, способами ее расширить, и что я должен писать об этом прямо в Петербург, дабы и с моей стороны исходили предложения и примеры по продолжению и умножению торговых и дружественных отношений, начало которым Вы так удачно и разумно положили. Убежденный в справедливости Ваших взглядов и всегда готовый совершить то, что в моих силах, чтобы поддержать Вас, тем более что предмет сей меня чрезвычайно интересует, я давно уверен в огромном преимуществе этого пути для установления наших отношений с черкесами на основе добрососедства, справедливости и взаимного интереса. Я обратился, как Вам известно, непосредственно к Валиано² в Таганроге и, независимо от последнего, написал военному министру о том, что я делаю в согласии с Вами, а также занялся поиском других способов и других лиц, чтобы продолжать более активно и с большей энергией сей предмет. Действительно, Валиано один, даже в самых благоприятных обстоятельствах, сделает весьма немного в сравнении с тем, что необходимо. Я огляделся вокруг себя, посоветовался с теми, кого считал способным высказать мнения и соображения на сей счет; говорил с Тэтбу де Марини³, который имеет практику, знания и добрую волю, но лишен денег; виделся с людьми, располагающими деньгами, но готовыми употребить их в дело, но не в Черкессии; наконец, я с грустью осознал, что в настоящий момент надежду можно возложить лишь на то малое, что может сделать Валиано. Наконец, поговорив с Марини⁴, который всегда подавал мне хороший совет в делах финансов и торговли, и видя, что он разделяет мои идеи, совпадающие с Вашими, на этот предмет, я спросил

¹ О деятельности Н.Н. Раевского по развитию торговли с горцами с сочувствием говорится в статье Н. Шаврова «Восточный берег Черного моря и его значение для развития русского мореплавания» (Морской сборник. – 1862. – Т. 62. – С. 17, 31, 39, 45–48, 57–58 и отд. изд. Тифлис. – 1862). Записка Н.Н. Раевского: О торговле с горцами и переселении на Восточный берег // Архив Раевских. – 1862. – Т. 3. – С. 633–637.

² Ставр Григорьевич Вальяно, бывший поставщиком для Береговой линии, дворянин, 10-й гильдии купец и богатый помещик, проживавший в Таганроге.

³ Нидерландский консул в Одессе Jacques-Victor-Edouard Taitbout de Marigni (1793–1852), сын французского генерального консула в Морее, бежавшего во время революции в Константинополь, а оттуда в Феодосию, где и умер в 1907 г. Автор «Путешествий» вдоль берегов Черного и Азовского морей, член Парижского географического общества и Одесского общества истории и древностей.

⁴ Марини Павел Яковлевич, д. ст. советник, издавна состоял по особым поручениям при графе Воронцове.

его, сможет ли он с помощью правительства, т.е. займа, взять на себя некоторые коммерческие отношения на восточном побережье. Все здешние негоцианты питают высокое доверие к Марини; Багнер, Тетбу, и многие другие присоединились бы к нему, каждый со своими средствами и в своей области; я сказал ему, что если он и немного заработает, то все же будет иметь преимущество – развивать свою деятельность в стране, которую не намерен покидать и где имеет свои интересы и привычки; наконец, сказал, что, на мой взгляд, если правительство одолжит ему достаточную сумму на несколько лет без процента, то ему следует заняться этим делом. Он ответил, что подумает, и вчера я получил от него предложения, которые входят в мои должностные обязанности, и небольшое письмо за его подписью, которое я посылаю в этом же конверте с просьбой по прочтении отправить обратно, как и две бумаги, его сопровождающие. Я полагаю, что ничто другое не смогло бы столь энергично двинуть дело, в котором мы оба так живо заинтересованы. Если с проектом Марини согласятся в Петербурге раньше, это ничем не помешает операции Валиано или чьей-либо другой, так как я ни в коем случае не предлагаю монополии. Однако упомянутый проект сразу дал бы мощный толчок делу.

Заемная сумма, которую он просит, значительна; решать правительству, но ясно, что предполагаемый успех превышает риск потери, в конечном счете выйдет скорее экономия, нежели расход, и к тому же он для начала просит лишь половину, т.е. 50 тыс. руб. серебром. Если бы я был военным министром, я бы немедленно дал ход этому проекту, будучи убежден, что оказываю большую услугу моей стране. Решение от нас не зависит; мое дело отправить Вам эти бумаги, просить Вас прочесть их внимательно, обдумать их, и если Вы найдете их разумными и согласитесь дать им ход, сообщить мне об этом, чтобы я мог отправить их в Петербург, ссылаясь на Ваше мнение в поддержку моего. Пришлите мне все три бумаги, которые я даже не скопировал, и напишите несколько слов в частном письме в ответ на мое. Посылаю Вам все с эстафетой, чтобы выиграть несколько дней, и жду с нетерпением Вашего ответа.

Прощайте, дорогой Николай Николаевич, надеюсь вскоре получить новость о счастливом разрешении м-м Раевской. Передайте ей тысячу приветов от моей жены, как и от меня.

Заверяю Вас в моей неизменной преданности,
М. Воронцов

825.

И.К. Айвазовский – Н.Н. Раевскому.

(На рус. яз.)

13 июля 1840 г. Петербург.

Ваше Превосходительство

Николай Николаевич.

Долгом почитаю уведомить, что картины мои вчерашнего числа были представлены Его Величеству, десант в Субаши и новые корабли в Севастополе, которые очень понравились Его Величеству, особенно Субаши очень хвалил, и с первого взгляда узнал Ваш портрет и г. Ольшевского и некоторых других лиц, и взял обе картины себе и расспрашивал подробности Субаши, а Его Светлость князь Меншиков очень был доволен картинами и ему хвалил Его Величество; вчерась же видел их во дворце Военный министр. Картина длиною в два аршина и на первом плане написал множество черкес, которые выходят из-за валы и, стреляя, бегут в лес. А наши только что пристали к берегу, продолжая стрелять из пушек, и многие идут уже по воде, а подальше корабли все, вид Субаши и прочее; вообще картина в самом деле очень удачная, жаль, что я не мог в Керчь привезти показать Вам, я спешил выехать с М.М. Муромцевым. Теперь позвольте мне Вас поблагодарить за случай, которую Вы мне доставили видеть эту сцену, из чего я мог сделать картину, которая очень понравилась Его Величеству. Это мне и хотелось. 20-го сего месяца я уезжаю за границу для усовершенствования на 6 лет.

Картины, кажется, остаются в Петергофском дворце.

С истинным почтением и совершенною преданностию имею честь быть Вашего Превосходительства покорнейший слуга.

Иван Гайвазовский

876.

Н.Н. Раевский – графу М.С. Воронцову.

(Черновое. На рус. яз.)

Конец января 1841 г., Керчь.

Господин граф,

согласно Вашим желаниям, посылаю мою корреспонденцию по Абхазии, включая бумагу с прошением об отставке, которую отсылаю Военному министру. Шамиль взял форт Герзель-аул¹ и

¹ Слух этот был неверен: в течение почти всего 1841 г. Шамиль терпел неудачи: только в ноябре при набеге на Кизляр он взял большую добычу в городе и отнял у русских одно орудие.

уничтожил 350 человек гарнизона. Несмотря на это Головин и Граббе, помимо большой экспедиции в Чечню, учинили другую против населения, с которым я нахожусь в мирных и торговых отношениях: их больше невозможно поддерживать. Поэтому я надеюсь быть в Карасане в первые дни мая, после родов моей жены. Странно то, что в Петербурге утверждают все, что я требую, включая мою отставку. Вы ничего не пишете по поводу моих записок о колонизации и торговле на побережье: однако именно Ваш голос мне важен.

Имею честь приветствовать Вас с почтением.

877.

Граф М.С. Воронцов – Н.Н. Раевскому.

Одесса, 28 января 1841.

Я не писал Вам целую вечность, дорогой Николай Николаевич, и вот почему я не могу отправить сегодняшнюю почту, не подав нескольких признаков жизни, хотя в моем распоряжении всего 10 минут; но не могу не сообщить вам, что я отправил в Петербург и проект Марини, и мое мнение о Вашем превосходном мемуаре о торговле и колонизации Восточного берега в целом, о превосходстве Сухум-Кале над портами Мингрелии, основанное, в частности, и на моем личном опыте. Я не знаю, как все это воспримут в Петербурге, и вполне естественно иметь определенные сомнения на этот счет, поскольку, с одной стороны, оба Ваши любезные шефа Головин и Граббе по-прежнему, как я полагаю, трудятся и против Вас лично, и против всей мирной системы, возможно, говоря при этом, что я вмешиваюсь не в свое дело; с другой стороны, проект Марини требует денег, и притом сумму довольно значительную, однако деньги давать не любят, и нередко это служит предлогом для отказа, основанного, по сути, на других мотивах. Наконец, мы это увидим: оба мы выполняем свой долг широко и открыто, как и надлежит поступать, если желаешь успеха делу общественному, оставаясь с чистой совестью в случае неудачи проекта истинно полезного, результаты которого могут быть гораздо более значительными, нежели сумма в несколько сотен тысяч рублей.

Вот что я хотел сказать Вам, дорогой Николай Николаевич, Кончаю, обнимая Вас от всей души, желая Вам здоровья и благополучия, как и мадам Раевской, и Вашему прелестному маленькому мальчику, у которого, надеюсь, скоро появится братик или сестричка. Моя жена присоединяется к этим пожеланиям. Давайте нам знать о себе.

Всегда Ваш, Воронцов

878.

Граф М.С. Воронцов – Н.Н. Раевскому.

Одесса, 30 января 1841.

Я чрезвычайно доволен, что написал Вам позавчера несколько слов, дорогой Николай Николаевич, поскольку это было до получения Вашего письма и послужило началом ответа и извинения за то, что не писал Вам раньше. Сейчас я сам удивляюсь, почему не написал Вам сразу же по получении Вашего замечательного мемуара всего, что я о нем думаю¹, и о моей радости в связи с тем, что Вы послали этот замечательный документ в Петербург. Свидетельство того, как я его оценил, Вы найдете в приложенном сюда извлечении из письма Военному министру в тот самый день, когда я ему отправил проект Марини². Одновременно я рад послать Вам извлечение из ответа, полученного вчера от графа Чернышева, насчет вашего мемуара; я также рад засвидетельствовать, что не Вам одному министр, от которого император получил мемуар, дает благоприятный ответ, Вам также напишут, что создан Комитет для рассмотрения дела колонизации и торговли. Я не знаю, кто будет представлять этот Комитет, и полагаю, что возникнут трудности, особенно со стороны министра финансов, для проекта Марини по причине издержек, которые он просит; однако обнадеживает то, что император живо интересуется всем этим делом и что Чернышев, по-видимому, разделяет наши взгляды на него. Приняв все это во внимание, сомневаюсь, что Вам позволят уйти в отставку, о которой вы просите³. Они в некотором затруднении по причине ложного положения, в которое Вас поставили, не отделив Вас от главнокомандующего в Тифлисе⁴, как я предлагал в 1836 г.; Ваша зависимость от командующего Кавказской лиги гораздо менее важна, это личный вопрос, и ясное решение правительства относительно системы, которой надо следовать, устранило бы все трудности, тогда как зависимость от Тифлиса есть географическая нелепость и моральная невозможность, подобная тому, как если бы управление Бесарабией зависело от генерал-губернатора Вильны. Тем временем это ложное положение навлекло на Вас нынешние недоразумения; серьезная ссора с Вашим

¹ См. АР. – Т. 3. – Письмо 856 от 19 декабря 1840 г.

² См. АР. – Т. 3. – С. 623–633.

³ Отчисление Н.Н. Раевского от кавалерии, однако, вскоре состоялось – 6 февраля 1841 г.

⁴ Е.А. Головин.

главным шефом¹ – ссора, которую в Петербурге рассматривают в неблагоприятном для Вас свете, поскольку официально у нас шеф всегда прав, а нижестоящий всегда виноват. Несмотря на все это и на распространение слухов о Вашем замещении генералом Анрепом², полагаю, что Вам не дадут отставки, изыщут способ смягчить неурядицы и улучшить Ваше положение. Думаю, что Император имеет серьезное желание поддержать мирную и торговую систему с черкесами; смещение Ваше нанесет этой системе смертельный удар, так как правыми окажутся люди, желающие противоположного. Именно это я стану повторять всякий раз всем тем, кто захочет услышать меня в Петербурге, куда я отправлюсь в апреле. Прошу Вас, держите меня в курсе обо всем, что сами узнаете о себе; так как без Вас все наши торговые проекты, будь то Марини или другие, станут невозможными, и вместо того, чтобы вращать колесо, как я это делаю сейчас, мне придется сделать все возможное, чтобы самоустраниться. Прощайте, дорогой Николай Николаевич, возвращаю Вам Ваши бумаги и благодарю от всего сердца за ознакомление с ними. Передаю Вам тысячу приветов от моей жены, пожеланий всяческого благополучия, и заверяю Вас, что выполню все Ваши поручения относительно семян, равно как и все те, которые Вы поручите мне в будущем.

М. Воронцов

890.

Граф М.С. Воронцов – Н.Н. Раевскому.

Одесса, 25 февраля 1841.

Пришедшие с последней почтой приказы, дорогой Николай Николаевич, подтвердили ту новость, которая уже дошла до нас из Симферополя и Керчи, что Ваше прошение об оставлении Вашего с нынешнего поста удовлетворено³ и что генерал Анреп назначен на Ваше место. Это меня искренне огорчило, но не ради Вас – так как лично Вы ничего не теряете и получаете отдых и спокойствие, – но ради большого дела нынешней системы в отношениях с черкесами; хотя я и полагаю, что инструкции Вашему преемнику будут примерно в том же духе, что ранее направ-

¹ П.Х. Граббе.

² Преемником Н.Н. Раевского действительно был назначен генерал Анреп.

³ Приказ об отчислении Н.Н. Раевского от должности начальника Черноморской береговой линии и о назначении его состоять по кавалерии был отдан в Петербурге 6 февраля 1841 г.

лялись Вам, но не думаю, что он сможет их понять, принять и исполнить так же хорошо, как и Вы. В конечном счете Вы уходите в отставку со всеми военными почестями; Вас не сочли возможным поддержать во враждебной ссоре между Вами и Вашим главным шефом, но одобряют Ваше военное и административное поведение, мирную и торговую систему, которой Вы следовали, и все Ваши идеи относительно этого интересного побережья и его будущего; итак, лично Вам не о чем сожалеть, «поживем – увидим»; и я верю, что раньше или позже Вы вернетесь в сферу деятельности, в которой Вы были так полезны и которой другой не может следовать, особенно если он из школы Граббе, т.е. системы экспедиций, разорений и побоев, введенной Ермоловым и обожаемой всеми его сторонниками и поклонниками.

Мне весьма любопытно знать, что будет говорить и делать Анреп по прибытии. Я надеюсь, что Вы сообщите мне обо всем, что узнаете об этом; тем временем я узнаю в Петербурге, в каком духе будут написаны вручаемые ему инструкции; я рассчитываю уехать 20 марта; надо торопиться, ибо состояние дорог будет так скверно, что я рискую опоздать на свадьбу; прошу Вас, напишите мне, что Вы собираетесь делать и застану ли я Вас на Побережье, куда надеюсь вернуться в июне месяце.

С нетерпением жду новостей от Вас, прошу передать тысячу приветов Вашей жене, которая должно быть довольна тем, что Ваша семейная жизнь станет менее бродячей; сейчас растения пойдут в рост и все Ваши усадьбы наполнятся экзотикой, Вашего пристрастия к которой я не понимаю. Моя жена шлет тысячу приветов Вам обоим.

Всегда преданный Вам,
М. Воронцов

902.

Н.Н. Раевский – графу М.С. Воронцову.

(Черновое. На рус. яз.)

Начало марта 1841 г., Керчь.

Г-н граф, благодарю от всего сердца за Ваше любезное письмо от 25 февраля. Мне продолжают золотить пиллюлю – я продолжаю показывать зубы. С тех пор как я уже не являюсь шефом Береговой линии, я много писал о необходимости объединить под одним главою казаков Черноморья и Береговой линии (сохраняя их нынешних шефов Заводовского и Анрепа) под общим командованием шефа всех азиатских берегов. Последний должен быть совершенно независим

от Кавказа. Это идея вполне в Вашем духе – и Вы можете поддерживать ее в Петербурге. Это единственный способ для меня вновь принять командование и обеспечить успех торговой и мирной системы. Без этого все пропало. Я посылаю Вам этот мемуар, который, на мой взгляд, хорошо составлен, и приветствую Вас обоих с глубоким почтением.

Мой старший сын опасно болен.

914.

Граф М.С. Воронцов – Н.Н. Раевскому.

Николаев, 23 марта 1841.

Должно быть, я кажусь Вам весьма неточным, дорогой Николай Николаевич, запоздав с ответом на два или три Ваших письма и интересные сообщения. Слишком долго рассказывать, почему я не мог Вам писать; скажу лишь в двух словах, что я наконец выехал из Одессы и нахожусь теперь в Николаеве, что пошлю это письмо из Херсона, что я прочел с живым интересом все присланные Вами сообщения, и что не премину передать Ваше письмо Жуковскому, а Ваш большой пакет – Бенкендорфу. Если я могу Вам быть полезным в первом из этих двух поручений – можете быть уверены, я с удовольствием это сделаю; что касается большого пакета – я поговорю об этом и с Бенкендорфом, и с Орловым, и нет нужды повторять Вам, что, разделяя Ваши взгляды на систему, я скажу все, что мне будет позволено сказать, в смысле, желательном для нас обоих; есть только один пункт, по которому мы с Вами не согласны, и здесь мое мнение сложилось и не изменится. Вы хотите, чтобы дела и интересы Восточного берега подлежали в большей степени администрации Новороссии. По ряду причин я не хочу этого: 1) гражданская администрация не должна быть смешиваема с военной; 2) обязанности того, кому будут поручены дела Вашего Восточного берега, потребуют постоянного надзора и присутствия; однако мой нынешний пост дает мне возможность пользоваться время от времени довольно долгими отлучками, и я не хочу терять это преимущество, необходимое для меня во многих отношениях; 3) в моем нынешнем положении у меня достаточно проблем и ответственности, и я не хочу нагрузить себя всем тем, что свалится мне на плечи с Вашими крепостями, снабжением, больными и т.д. и т.д. Я хорошо понимаю, что дела не должны оставаться в прежнем состоянии; но для этого существуют промежуточные инстанции; генерал-губернатор Новороссии может иметь влияние на торговые дела, а военный глава Восточного

берега может зависеть непосредственно от военного министра¹; что до меня, я не хочу участия в военной стороне дела и говорю это открыто и решительно, чтобы не думали, что я разделяю Ваше мнение об этом.

Пока еще я не имел возможности прочесть мемуар, который Вы посылаете Бенкендорфу, но, судя по другим Вашим бумагам, Вы пишете там истины бесспорные; я желал бы только одного – чтобы Вы вложили больше формы и сдержанности в вашу корреспонденцию с военным министром, которая будет показана Императору, если не канет в небытие; и я опасаясь, что там окажутся выражения слишком жесткие или их сочтут таковыми в Петербурге. Приходится жертвовать приличиям и условностям; в интересах системы, которую Вы рекомендуете, было бы лучше избегать выражений, которые могут шокировать или не нравиться. Высказывая такие разумные и верные мысли, не следует давать им оружие против Вас без необходимости. Вы можете сердиться на меня за то, что я все это Вам говорю; но, полагаю, у меня есть право говорить с Вами откровенно, прежде всего благодаря искренней дружбе, которую я к Вам питаю, и затем потому, что долгий опыт показал мне, что порой удаляются от желанной и полезной цели, излишне шокируя лиц, к которым ради этого обращаются. Слава Богу, не меня можете Вы подозревать в низкоклонстве; я говорю это потому, что, твердо выступая за истину, следует избегать невежливых выражений.

Счастлив был узнать о благополучном разрешении мадам Раевской и разделяю беспокойство в связи с болезнью Вашего старшего сына. Я почти не знаю генерала Анрепа, но надеюсь, что Ваши опасения относительно его способа подхода к системе, которой надлежит следовать на Восточном побережье, не оправдаются и что он прислушается к Вашим добрым советам. Я надеюсь быть на Побережье в первой половине июня и повидаться с Вами в Карасане. В ожидании получения Ваших писем в Петербурге надеюсь, что Вы пришлете мне их или с оказией, или через Одессу. Помните только, что все письма перлюстрируются. Прощайте и т.д.

Преданный Вам, М. Воронцов

¹ Этого именно добивался, но тщетно, Н.Н. Раевский; однако его преемнику, И.Р. Анрепу, удалось освободиться от зависимости от командира Кавказского корпуса.

916.

А.И. Чернышев – Н.Н. Раевскому.

(На рус. яз.)

Министерство военное

Канцелярия министерства

Господину генерал-лейтенанту и кавалеру Раевскому

В С.-Петербурге 29 марта 1841

№ 305

Я представлял на Высочайшее Государя Императора благоусмотрение рапорты Вашего Превосходительства от 4 числа сего месяца за № 78 и 79 насчет осмотра укреплений Черноморской Береговой Линии флигель-адъютантом полковником Астафьевым.

Его Величество, усматривая, что в рапортах этих заключается прямое обвинение флигель-адъютантов полковников Крузенишерна и Баратынского в неосновательных донесениях, Его Величеству сделанных, поручить мне соизволил поставить Вашему Превосходительству на вид, что подобные выражения никем не могут и не должны быть употребляемы в отношении к флигель-адъютантам, непосредственно Его Величеством командируемым, что единственный судья основательности или неосновательности их донесений есть Государь Император, рассматривая с одинаковым вниманием как донесения посылаемых Его Величеством лиц, так и объяснения, которые, вследствие сих донесений, по Высочайшим указаниям требуются.

Высочайшую волю сим честь имею исполнить.

Военный министр генерал-адъютант граф Чернышев.

Директор статс-секретарь Брискорн.

918.

Копия с рапорта г. Военного министра состоящего при кавалерии генерал-лейтенанта Раевского от 2 апреля 1841, № 5.

(На рус. яз.)

...Я предложил основание Новороссийска по следующим причинам: Тамань – единственная пристань в Черномории и посему – единственное морское сообщение с Кавказом; мелководие позволяет только малым судам приставать туда; вход в Керченский пролив труден для парусных судов; он всегда требует попутного ветра, потому что суда в нем не могут лавировать; они должны на якорю и на опасной стоянке ожидать попутного ветра, а ночью

и при попутном ветре они не входят в пролив от опасения мелей, которыми он усеян. Но из пролива должно еще войти в Таманский лиман, на котором лежит сей город.

...Новороссийск лежит на самой пространной бухте Черного моря и лучший на нем порт после Севастополя; он в равном расстоянии от Екатеринодара, как опасный Анапский рейд и как неудобный рейд Таманский. Просторный его вход всегда доступен кораблям, и никогда замерзание порта не прекращает навигации.

927.

Граф Воронцов – Н.Н. Раевскому.

Алупка 17 июня 1841.

Мой дорогой Николай Николаевич. Вот мы, наконец, на побережье. Я с нетерпением хочу Вас видеть и беседовать с Вами. – Когда вы доставите нам это удовольствие и нанесете нам визит, несмотря на Вашу обычную лень? Спешу успокоить Ваши опасения на предмет, что вам придется совершать слишком долгие прогулки с моей женой; она уверяет, что неспособна на это в такую жару. Передайте, прошу вас, миллион приветов мадам Раевской; мы надеемся видеть ее и в Карасане, и у нас во время нынешнего здесь пребывания. Прощайте, дорогой Николай Николаевич, обнимаю Вас от всей души и жду с нетерпением.

Ваш М. Воронцов

932.

Граф Воронцов – Н.Н. Раевскому.

(На рус.яз.)

31 января 1842 г. Одесса.

Милостивый государь Николай Николаевич.

Ко мне вступило прошение поселян Ялтинского уезда деревни Партенит, татар Усеина Мемет Оглу и Курт Сеита Мемет Оглу, с жалобою, что по решению Вашего Превосходительства, разломана доставшаяся им от предков мельница при той деревне, купленная будто бы Вами, милостивый государь, от Хатипа сей деревни Мустафы Эфендия, тогда как он имеет в ней только осьмую часть.

Прилагая при сем список прошения этого на рассмотрение Вашего Превосходительства, покорнейше прошу Вас, Милостивый

Государь, в объяснение таковой жалобы, почтить меня уведомлением о существе и положении этого дела¹.

Имею честь и т.д.

934.

Н.Н. Раевский – М.С. Воронцову.

(Черновое. На рус.яз.)

24 февраля 1842 г. Симферополь.

Господин граф, в ответ на ваше письмо от 10 февраля, признаюсь, я был уязвлен получением ваших двух официальных писем в связи с жалобой татар. У вас нет ни времени, ни возможностей заменить собой все суды. Они не смеют предъявлять вам свои жалобы иначе, как после того, как другие инстанции не разрешили их дела. Прошение татар снабжено ложной подписью, и я имею основания верить, что этот шаг был совершен Хатином Парте- нита, дядей Абдурамана. Этот самый дядя Абдурамана, с другим дядей, головой Гурзуфа, являются главными действующими лицами этой недостойной истории, связанной с насильственной смертью одного татарина. Они нашли способ обвести вокруг пальца Ягницкого, несмотря на честность и усердие последнего. Три тысячи рублей, собранные у сотни запуганных бедных татарских крестьян, стоят злоупотреблений, творившихся в мое время в Грузии. Возвращаясь к татарам, то через посредство самих татар чиновники грабят их; но им остается утешение: с чрезмерной добротой вы берете их сторону против русских владельцев, которых вы привлекли на Побережье. Ничто не сравнится с их наглостью и притеснениями, разве что их трусость. Например, у меня (как и у других) татары Биюк-Ламбата, Кучук-Ламбата, Парте- нита, продав свои земли и истратив деньги, большие не владеют ни лугами, ни лесами. Они безнаказанно воруют мой плетень, рубят мои плодовые деревья на топливо, чтобы согреться, открывают

¹ По словам Г.И. Филиппсона, Н.Н. Раевский поссорился с графом Воронцовым «за пристрастное решение его спора с соседними татарами. В письме к графу Воронцову Раевский писал почти следующее: “Я не прошу ни милости, ни даже справедливости вашей в моем деле. Я прошу только, чтобы вы, по доброте к моему отцу и по всегдашнему ко мне расположению, признали меня татаринном. Тогда я и сам найду вашу справедливость”. Надобно признаться, что в деле этом Раевский был не прав. Кажется, добавляет Филиппсон, в последнее время характер его сделался желчным и раздражительным. Так, он разошелся с Л.С. Пушкиным – и не по вине последнего» (Рус. Архив. – 1884. – Кн. 1. – С. 199).

по ночам ограды моих виноградников, лугов и садов, пуская туда пастись своих лошадей и скот, рубят лучшие деревья в моем лесу для своих хижин, и я не могу арестовать и посадить их под надзор с моими русскими слугами. Наконец, они мне продают свои земли, получают деньги, дают мне квитанции по-татарски и потом отрицают факт продажи земли и получения денег, когда речь заходит о совершении купчей. Защитите нас от татар, а татар от чиновников.

Теперь, когда я утихомирил свой гнев, жалуясь вам на вас же, позвольте мне заверить вас в моей привязанности и почтении, невзирая на этот приступ гнева...

[Далее Раевский пишет Воронцову о том, что произведено следствие и оказалось, что] партенитский Хатип Мустафа фальшиво подделал на жалобе подпись Куркулетского муллы Халиля. – Если это следствие пойдет обычным порядком, то Уездный и Уголовный суд неминуемо приговорят Партенитского Хатипа Мустафу к плетям и к ссылке в Сибирь. Если же Вашему Сиятельству благоугодно истребовать сие дело к себе, то вам можно будет принять в уважение невежество, незнание законов и глупость Партенитского Хатипа.

С моей же стороны, довольствуясь моим оправданием, я с большим удовольствием прекращу всякой иск против Партенитского Хатипа.

937.

М.С. Воронцов – Н.Н. Раевскому.

Одесса 13 марта 1842.

Мой дорогой Николай Николаевич. Если Вы испытали горечь, получив два моих письма о жалобах татар Партенита, и Вас уязвило их содержание, то я, уверяю Вас, получив Ваш ответ, испытал те же чувства, хотя и не был уязвлен. Начну с протеста против Вашего утверждения, что я принимаю жалобы татар, прежде чем они исчерпали все нижележащие инстанции. Вы знаете, что я Вас люблю и глубоко уважаю; Вы превосходный генерал и отлично вели дела против черкесов, по крайней мере, таково мое мнение; но не у Вас буду я брать уроки администрации и моих отношений с татарами. Вы можете говорить, что я их балую, адмирал Мордвинов сказал это раньше Вас; но это еще не доказательство, невзирая на страстность Ваших слов. Вы вошли в явное противоречие. В одном месте Вы говорите, что наши первые инстанции и суды низшего уровня грабят и воруют, как в Ваше время в Грузии, и, однако,

Вы хотите, чтобы я оставил татар в распоряжении этих людей и вмешивался в дела лишь после того, как они все устроят на свой манер и после того, как все инстанции будут исчерпаны, т.е. так поздно, когда зло, на которое жаловались, уже не исправить. Я протестую против такой системы, которую Вы могли видеть в Грузии и которую я видел в Крыму во время блестящего правления администрации Николая Ивановича Перовского¹. Я протестую против такой системы, хотя употребляемые Вами слова слышал из уст покойного Вашего дяди Андрея Михайловича²; я даже полагаю, что Вы нашли эти слова в каком-нибудь неизданном мемуаре среди его бумаг и рукописей в Кучук-Ламбаде. Возвращаясь к делу, я в этом случае из уважения к Вам поступил не так, как с другими; так как я обращаюсь к Вам вместо того, чтобы отправить жалобы губернатору и исправнику. Вы вынуждаете меня обратиться к властям и направить их внимание на то, что делается в Партените. Я не думаю, что Вы в достаточной мере грузин и станете требовать, чтобы мы помогли Вам принудить целую деревню продать Вам волей-неволей все, что Вы хотите купить; но поскольку жалобы идут ко мне со всех сторон и повторяются, у меня нет выбора и приходится обратиться к существующим властям для рассмотрения дела и защиты от нажима, если таковой имеется; итак, заметьте, я не поступаю предвзято. Что касается Вашего ответа, согласно которому подпись на первых жалобах была подделана. В ответ на Ваше обвинение они прислали другую бумагу, где утверждают, что подпись не была фальшивой, и эта бумага должным образом подписана 12 видными жителями Партенита, и я посылаю ее губернатору. Вспомните, что первая из жалоб указывала на поведение Вашего доверенного лица Бекира, в чью честность трудно верить, поскольку он вернулся из сибирской ссылки. Если верить слухам на Побережье, другой ваш агент Спуди – настоящий мошенник.

Надеюсь, что все это недоразумение. Вам позволено желать приобретения этого прекрасного места; мне позволено желать, чтобы оно попало в хорошие руки; но ни мне, ни Вам не позволено принуждать татар продавать их сады, если они хотят их сохранить, они должны иметь такое право...

¹ Бывший в 1817–1828 гг. таврическим губернатором; см.: АР. – Санкт-Петербург, 1909. – Т. 2. – С. 291.

² Бороздин, дядя А.М. Раевской, также бывший таврическим губернатором.

Теперь, когда мы покончили с этим неприятным делом, имею честь предупредить Вас, что Вурден послал нам из Турина растения: для Вас 200 магнолий по 60 франков сотня. Если Ваш гнев против меня помешает Вам получить их через мое посредничество, я оставляю их себе. Прощайте, дорогой НН, я люблю Вас по-прежнему; тысячу приветов Мадам от меня и моей жены; в последней «Одесской газете» Вы увидите новости о неудачах англичан в Афганистане.

Ваш М. Воронцов

938.

В ответном письме Воронцову от 17 марта 1842 г. из Симферополя Раевский называет свое дело «недоразумением между соседями», и пишет, что татарам проще было бы обратиться к нему, чем к генерал-губернатору и в суды.

Описывая разразившийся скандал, в котором Воронцов принял сторону татар, Раевский пишет следующее.

Некогда отличившийся русский начальник просил о своем производстве в немцы, говоря, что остальные награды сами собою за сим последуют. Русским помещикам (привлеченным положить на Южном берегу по сие время не вознаграждаемые капиталы), не придется ли просить о производстве своем в татары [по-русски. – Т. Ф.]. Наконец из уважения, пишете Вы, вы обратились ко мне, а не послали татарские жалобы исправнику. Послать жалобу исправнику было бы оскорблением, уместным для ссоры в кабаре. У вас есть Земский суд, и я не имел бы возражений против законности такого поступка. И когда я чувствую себя уязвленным, Вы называете мою жалобу уроком администрирования, который я вам преподал. Простите мою ошибку, г-н граф.

Несмотря на Ягницкого, Абдурамана и даже Спуди, мой гнев не устоит перед двумя сотнями магнолий, за которые я прилагаю здесь 125 рублей с признательностью и забываю вашу тиранию. Я надеюсь, Вы окажете мне честь и позволите посадить их на спорной земле. Благоволите разрешить посвятить их памяти мадам Графини.

...Сама эта полемика есть новое доказательство доброты, которой татары не заслуживают, и эта доброта, за исключением нынешнего случая, с давних пор стала причиной моей душевной и сердечной привязанности к Вам.

Раевский

Анна Михайловна Бороздина, по мужу Раевская, в costume фрейлины.
Худ. Гау, акварель, 1830-е гг.

А.М. Раевская.
Гравюра с портрета М. Штоль. Рим, 1846 г.

Граф М.С. Воронцов.
Гравюра с портрета худ. К.К. Гампельна.
1830-е гг.

Лев Сергеевич Пушкин –
брат поэта, адъютант Раевского-мл.

Русский лагерь в Саче (Шахе) – река, селение, соврем. город Сочи.
Литография по рис. с натуры из книги: S. Bell. Journal of a residence in
Circassia during the years 1837, 1838 and 1839.

IV.

НИКОЛАЙ РАЕВСКИЙ-мл. И ФРЕЙЛИНА АННА БОРОЗДИНА

Семья А. Бороздиной и ее окружение. – Накануне свадьбы: новое назначение Раевского-мл. и переписка с невестой. – Отставка Раевского-мл. и семейные заботы. – Болезнь и смерть Н. Раевского-мл.

Семья А. Бороздиной и ее окружение

Выше, в главе второй мы кратко рассказали о знаменательных событиях в жизни Николая Раевского-мл., случившихся в сентябре 1837 г. в течение одной недели. 21 сентября он был назначен начальником 1-го отделения Черноморской береговой линии, но окончательно это решение было принято Государем уже на Кавказском берегу, в Геленджике, откуда он отправился с экспедицией по Кавказу. Прошло не менее недели, прежде чем Раевский и другие узнали об этом назначении. Но поражает реакция М.С. Воронцова, который в кратком письме 531 от 28 сентября приглашает Раевского «к обеду и на весь вечер» с разрешения императрицы. Александра Федоровна гостила в имении Алупка, в великолепном, хотя и не вполне достроенном дворце Воронцова, с 18 по 29 сентября. Таким образом, 28 сентября был последним из возможных дней визита Раевского в Алупку, когда он мог быть представлен императрице и ее свите, и поздравления ему с новым назначением прошли в столь блестящей обстановке.

Не менее судьбоносным стал этот день для Раевского также благодаря тому, что в свите императрицы оказалась его дальняя родственница Анна Бороздина, недавно пожалованная во фрейлины. Девушка в свои 18 лет была не только хороша собой, но и умна: об этом можно судить по отдельным упоминаниям в письмах, а также

о том, что именно ей выпала честь сопровождать царскую семью в Одессу и в Алупку; кроме того, сопровождать по Крыму и в Бахчисарай великую княгиню Елену Павловну, «самую умную из нашей семьи», по выражению Николая I. Анна, с детства проводившая лето в южнобережных имениях семьи Кучук-Ламбат и Карасан, могла многое рассказать о Крыме великой княгине. О маршруте молоденькой фрейлины в ходе сопровождения царской семьи узнаем следующее: из Симферополя в Одессу она выехала 19 августа, из Одессы – в Алупку, где пробыла с 18 по 29 сентября, оттуда – в Бахчисарай с великой княгиней Еленой Павловной. Это следует из писем отца Анны, М.М. Бороздина и примечаний к ним.

532.

М.М. Бороздин – И.В. Никитину.

8 октября 1837 г. Симферополь.

Высокие наши посетители уже отправились, и Анюта была при них и милостиво принята; она теперь с великою княгиней Еленой Павловной в Бахчисарае и поедет за ней в Севастополь.

Как утверждают, именно на мостике, ведущем в Ханский дворец в Бахчисарае, произошло объяснение Раевского-мл. с Анной. И с тех пор (судя по письму, с начала октября 1837 г.) она стала считаться его невестой.

Биография отца будущей невесты Раевского была богата событиями, связанными с дипломатическими поручениями времен русско-турецких войн и присоединения Крыма к России. Михаил Михайлович Бороздин (08.07.1767–14.10.1837), старший сын генерал-поручика М.С. Бороздина и А.А. Крекшиной, в 1799–1800 гг. был комендантом города Корфу, столицы Республики семи островов, бывших под протекторатом России; затем был назначен комендантом о. Мальты, но фактически им не являлся: с 1800 до 1802 г. он служил начальником гвардии короля Обеих Сицилий Фердинанда I, состоявшей из двух русских батальонов, шести орудий и неаполитанских войск; в 1812 г. являлся командиром 8-го пехотного корпуса и в 1813 г. взял крепость Данциг. В 1794 г. М.М. Бороздин женился на графине дю Монтэ (du Montay), вдове, имевшей двух дочерей. Овдовев, он женился на Екатерине Александровне Шемякиной (1787–1828), дочери Александра Никитича Шемякина, командора ордена св. Иоанна Иерусалимского, и от этого брака имел сына Андрея Михайловича (ум. в юности) и дочь Анну Михайловну, которая родилась 29 декабря 1819 г. в принадлежавшей матери

слободе Красной Новохоперского уезда Воронежской губернии. После смерти матери Анна Михайловна унаследовала ее, и именно там впоследствии суждено было скончаться ее мужу Николаю Раевскому. После выхода в отставку М.М. Бороздин проживал в Петербурге. Поначалу, приезжая в Крым, он жил в имении брата Кучук-Ламбате. Брат М.М. Бороздина, Андрей Михайлович Бороздин (1765–1838), – один из старейших колонизаторов Крыма, в 1807–1816 гг. – таврический губернатор, с 1828 г. жил в отставке в Кучук-Ламбате, одним из самых ранних имений Южнобережья, которому посвящены восторженные описания его посетителей. Его женой была Софья Львовна Давыдова, тетка Раевского-мл.; Анна Михайловна приходилась ему племянницей.

Михаил Михайлович постепенно купил у брата часть земель, входивших в Кучук-Ламбат, приобрел в придачу к ним и другие, провел большие работы по благоустройству – так возникло имение Карасан. 22 мая 1837 г. он выехал в Крым, в начале августа приехал в Симферополь, где у него был свой дом. Там он через два месяца скончался. А.И. Казначеев был в дружеских отношениях с отцом А.М. Бороздиной и после его смерти помогал Анне в ведении ее хозяйственных дел.

Г.И. Филипсон пишет: *«Она имела очень значительное состояние, большое родство и была фрейлиной. Воспитание и образование получила она основательное, более серьезное, чем другие девицы этого круга. Говорят, что она брала у Остроградского уроки высшей математики. Вообще склад ее ума был серьезный. Она не была расточительна и с цифрами ладила не хуже любого бухгалтера; в доме была внимательной хозяйкой, не делала пустых расходов из тщеславия, но умела быть щедрой»¹.*

3 октября 1837 г. императрица со свитой выехала из Крыма. Анна осталась в Симферополе с больным отцом, который скончался 14 октября 1837 г. Девушка в девятилетнем возрасте лишилась матери, и это приучило ее к ответственности за отца и управление хозяйством. После его смерти она, как единственная наследница, вошла во владение всеми имениями, в том числе и Карасаном. 18-летняя Анна показала себя рачительной хозяйкой – оплатила все долги и недоимки. Оставшись круглой сиротой и став богатой невестой, Анна показала, что умеет быть благодарной всем, кто помогал

¹ Филипсон Г.И. Воспоминания. – Цит. по комментарию Б.Л. Модзалевского к письму 541 – Т. II – С. 400–401.

ей. Она поселилась в Карасане – райском уголке Южного берега, обустройством которого занималась вместе со своим «ангелом-хранителем», по выражению Казначеева, – Софьей Андреевной Дамберг. Это была воспитательница Анны Михайловны с первых лет ее жизни и близкая ее подруга. Когда Анна Михайловна после смерти отца получила в свое распоряжение имения матери, она *«сейчас же подарила г-же Дамберг 27 тысяч, а когда последняя вышла замуж и у нее родились два сына-близнеца, Раевская положила в банк на имя каждого из детей по 5 тысяч рублей»*¹.

Штаб Черноморской береговой линии находился в Керчи, поэтому Раевский использовал всякую возможность увидеться с невестой в Симферополе или Карасане.

Отношения убежденного холостяка, уже 38-летнего Николая Николаевича Раевского и молоденькой Анны, как постепенно выявляется из приводимых далее писем, личности неординарной, с характером, увлекавшейся математикой и археологией², складывались непросто. Прекрасное время обручения и подготовки к свадьбе совпало с появлением у Раевского новых сложных обязанностей по службе. Встречи были несчастными, приходилось прибегать к переписке, письма доставлялись «с оказией» – регулярной почты практически не было. Из-за этой нерегулярности молодые часто обижались друг на друга, их письма полны взаимных упреков.

«...курьер, посланный, по словам Потемкиной, от императора, искал вас по всему Симферополю, – пишет встревоженная Анна, поскольку в это время Раевский задержался у них в Артеке. – Во имя Неба, не рискуйте больше вызывать недовольство императора и занимайтесь только вашими делами, думайте только о них и забудьте все остальное и нас также, но не надолго, пожалуйста. Я говорю вам: забудьте меня, но пусть это не помешает вам писать мне чаще и даже не забывают ставить дату на каждом из ваших писем» (537).

¹ Там же, АР. – Т. II. – С. 401.

² Увлечение Анны археологией началось с изучения богатых собраний Керченского музея древностей. Уже вдовой, живя в Риме, она продолжила эти занятия, вывезла несколько местных археологических предметов из Швейцарии. Знакомые, зная об ее увлечении, присылали ей предметы старины из Киева, Сибири, Крыма. Анна Михайловна сделала много пожертвований в археологические секции Московского публичного и Румянцевского музеев, приобретая предметы или делая слепки с тех, которые нельзя было купить.

С.А. Дамберг, желая предупредить размолвки, сама берется за перо, оправдывая Анну тем, что она *«чрезвычайно ленилась писать; вы это, несомненно, замечаете, но не думайте, что это происходит от ее безразличия»*. Получив письмо от суженого, «полное упреков», Анна, не без обиды, отвечает, что готова отправить шесть скопившихся для него писем, но *«лишь после того, как вы мне сообщите о получении первых и я получу от вас письмо более любезное, чем то, что пришло сегодня утром»* (541). Но и Раевскому, у которого, по его выражению, *«голова идет кругом от дел»*, нельзя не посочувствовать: *«По неимению писарей, – обращается он к адмиралу Лазареву, – я вынужден покорнейше просить Ваше Превосходительство сообщить графу Михайлу Семеновичу (Воронцову) копию журнала и проекта прибрежных поселений; по той же самой причине я вынужден просить, краснея, о пересылке копии журнала Анне Михайловне Бороздиной в Симферополь»*¹.

Окружающие старались сгладить все шероховатости и благополучно привести молодых к венцу. Татьяна Борисовна Потемкина пригласила Анну в свое крымское имение Артек, чтобы ближе познакомиться с невестой знаменитого Раевского. А затем остановилась в ее доме в Симферополе.

«Я устроилась у вашей очаровательной нареченной. Мы подруги, и я нахожу, что вам неслыханно повезло найти подобное сокровище; она принесет вам в дар много ума, сердца, доброты и все преимуществва светскости... Чувство приличий свойственно ей в высшей степени. Благородство характера замечательное, ум, охватывающий все и интересующийся самыми серьезными вопросами. Забываешь, что ей всего 18 лет, – вы можете гордиться маленьким шедевром в качестве жены... Мы, Аннет и я, чудесно подходим друг другу. С ней я чувствую себя 18-летней, а она со мной – 40-летней» (557).

Скоро Анна понимает, какое бремя всевозможных забот взвалил на себя ее будущий муж, и слова ее полны искренней тревоги: *«Вы не пишете уже три недели; если это из мест, то умоляю простить меня ради моего раскаяния и сообщить вести о себе. Теперь ваши письма дойдут до меня не раньше, чем через месяц с момента как вы их пошлете, так как я уезжаю в Москву. Жизнь моя проходит в угрызениях совести и в упреках самой себе, но, по-видимому, этого недостаточно. Моя тетушка Баранова, которая вот уже месяц ждет меня в Москве, сердится на меня; м-м Дамберг –*

¹ Из письма 553, АР. – Т. II.

тоже, не знаю почему, м-м Бороздина¹ – также, г-н Раевский – еще больше, дядя Андрей – наверно, тоже, и еще столько других лиц. Судите сами, насколько приятно мне такое существование!» (568).

Анна Михайловна ждала суженого в Москве по адресу: на Тверском бульваре, в доме Кротковой, возле Осташевского, с августа вплоть до зимы. Лишь в следующем, 1839 г., 22 января состоялась их свадьба. Проведя с молодой женой месяц, Раевский уехал в Крым и к 1 апреля прибыл в Керчь к месту службы. 5 ноября 1839 г. родился первенец Раевских, названный в честь деда, героя Отечественной войны 1812 года, Николаем.

Удачная во всех отношениях женитьба принесла Раевскому имение Карасан, расположенное в чудесном уголке Крыма, недалеко от Партенита и знаменитой Медведь-горы, ставшее для него местом аккультурации редких растений, также дом в Симферополе, который сохранился и находится на углу улиц Пушкина и Самокиша. Именно там поселились поначалу молодые супруги. После нового назначения Н.Н. Раевского начальником всей Черноморской береговой линии они поехали в Керчь, где находились штаб и управление Черноморской береговой линии. Дом в Симферополе стал не нужен, а потому было принято решение предоставить его А.И. Казначееву, давнему другу и попечителю Анны Михайловны.

Растроганный Казначеев с благодарностью принимает предложение, причем трогательно выражение его благодарности Анне Михайловне, о чем свидетельствуют нижеприводимые письма (см. письма 653 и 655). Действительно, дом в Симферополе пустовал; до 1841 г. семья Раевских жила в Керчи, а после ухода его в отставку переехала в Карасан, где Николай Николаевич и прожил последние годы своей жизни. Незадолго до смерти Раевский приобрел еще одно имение в Партените.

Симферопольский дом использовался очень редко, для кратковременных остановок во время проезда через город, как это было, например, в 1842 г., когда Николай Николаевич ехал на похороны Михаила Федоровича Орлова, мужа его сестры Екатерины. М.Ф. Орлов в свое время был активным участником тайных обществ, дружил со многими декабристами, однако после женитьбы распрощался с увлечениями молодости.

¹ Андрей Михайлович Бороздин, один из старейших колонизаторов Крыма, в 1807–1816 гг. таврический губернатор, с 1812 по 1828 г. – сенатор. С 1828 г. жил в своем поместье Кучук-Ламбат. Был женат на Софье Львовне Давыдовой, тетке Н.Н. Раевского-мл., который в 1839 г. женился на его племяннице Анне Бороздиной.

Иначе обстояло дело с другим зятем Н.Н. Раевского – генералом С.Г. Волконским. Когда он просил руки младшей дочери Раевского-ст., он скрыл свою принадлежность к антиправительственной организации. Раевские, отец и сын, так и не простили ему этого поступка. Пытаясь облегчить участь ссыльного семейства, Раевский-мл. дважды предпринимал попытки получить разрешение на перевод С.Г. Волконского рядовым на Кавказ, но тщетно. Увидеться с сестрой Раевскому так больше и не пришлось.

В 1841 г. Николай Николаевич подал прошение об отставке, и последние годы жизни он проводил в своих богатых имениях в Крыму и воронежских поместьях своей жены. Он собирался поехать с семьей в Италию, чтобы познакомить жену и малолетних сыновей со своей матерью, проживающей там с дочерьми, оставшимися незамужними, – Еленой и Софьей. Но поездка не состоялась. Беда, как это часто бывает, пришла внезапно.

2 июня 1843 г. Раевский отправился из своего имения Карасан в Москву навестить брата Александра, который и не предполагал, насколько сложно положение Николая. 16 июня Николай Николаевич прибыл в имение жены – слободу Красную Новохоперского уезда Воронежской губернии, занялся хозяйственными делами. Спустя пять дней ему стало плохо. В последний месяц он был без сознания, почти ничего не ел. Когда сознание приходило к нему, он призывал Бога и говорил: «Бедная моя Анюта! Бедные мои дети!» 24 июля 1843 г. Н.Н. Раевский скончался. Ему было всего 42 года.

Анна Михайловна узнала о смерти мужа только через четыре дня и, оставив детей на попечение А.И. Казначеева, друга и помощника, отправилась в слободу Красную на могилу мужа. Оттуда она съездила по делам в Москву, а в начале сентября вернулась в Крым, в свое имение Карасан. Старшему сыну Николаю было тогда около четырех лет, а младшему – Михаилу – полтора года. Своего отца они почти не помнили, мать же отдала им всю свою любовь и энергию. После смерти мужа Анна Михайловна с сыновьями в течение семи лет путешествовала по Европе: Италия, Прага, Вена, Париж, Берлин. В 1851 г. они вернулись в Москву.

В управлении делами и имениями ей помогал один из ближайших друзей мужа – А.И. Казначеев, который был и опекуном ее самой, и крестным отцом ее сыновей. В семейном архиве Раевских сохранились письма Казначеева, доброго и сердечного человека, который взял на себя все заботы о семье своего покойного друга. Переписка Раевских с Казначеевым содержит подробности семейной жизни молодой четы, поэтому мы помещаем его письма в этом разделе.

537.

А.М. Бороздина – Н.Н. Раевскому.

29 марта 1838 г., Артек.

Я пишу вам из Артека (имение Потемкиных), где я получила два ваших письма из Ставрополя; не знаю, найдет ли мое в Симферополе курьера, который вам его доставит, поскольку смогу отправить его только завтра... Знаете ли вы новость: курьер, посланный, по словам Потемкиной, от императора, искал вас по всему Симферополю спустя несколько дней после вашего отъезда: это, несомненно, потому что вы слишком задержались, прежде чем нас покинуть. Во имя Неба, не рискуйте больше вызывать недовольство императора и занимайтесь только вашими делами, думайте только о них и забудьте все остальное и нас также, но не надолго, пожалуйста. Я говорю вам: забудьте меня, но пусть это не мешает вам писать мне чаще и даже не забывать ставить дату на каждом из ваших писем.

Аннет Бороздина

Я надеюсь вместе с м-м Потемкиной увидеть баронессу [Ж. Беркгейм из Кореиза. – Т. Ф.] и с ней познакомиться. Ее ожидают здесь на пасхальной неделе, и я с нетерпением жду, когда меня ей представят.

541.

С.А. Дамберг¹ и А.М. Бороздина – Н.Н. Раевскому.

Карасан, 5 апреля 1838 г.

Христос воскрес, мой дорогой генерал. Я сожалею, что мы лишены удовольствия проводить Пасхальные праздники с вами. Аннета, слава Богу, чувствует себя довольно хорошо, но она чрезвычайно

¹ Софья Андреевна Дамберг (Ehrhardt), воспитывавшаяся в Петербургской Annenschule, была воспитательницей Анны Михайловны Бороздиной с первых лет ее жизни и жила с нею до самого ее замужества. С.А. Дамберг в 1841 г. вышла замуж за доктора (штаб-лекаря) Николая Васильевича Майера (ум. 07 февраля 1846 г. в Керчи, где и погребен на городском кладбище), состоявшего для исполнения особых поручений по медицинской части при штабе войск Черноморской береговой линии; это был человек высокообразованный и в высшей степени интересный по своему душевному складу; он был близок и дружен со многими декабристами, жившими на Кавказе, – Бестужевым (Марлинским), князем Валерианом Голицыным и др. – и помогал им полезными советами и даже деньгами; его хорошо знал Лермонтов, который и воспользовался его типическими чертами при описании доктора Вернера в «Княжне Мери». С.А. Майер, овдовев в 1846 г., получила в 1851 г. по ходатайству графини Е.К. Воронцовой место начальницы Керченского Кушниковского института благородных девиц, которое занимала до 1869 г.

ленится писать; вы это, несомненно, замечаете, но не думайте, что это происходит от ее безразличия. Мы только вчера покинули Артек, где Аннета исполняла свои религиозные обязанности. Замечательная г-жа Потемкина очарована ею и проявляет к ней самые дружеские чувства, это доставляет мне большое удовольствие. Она придет к нам с Меццескими и Казначеевым, которые находятся сейчас в Артеке. Г-жа Потемкина получила недавно письмо от князя Александра Николаевича Голицына, где также идет речь о вас и Аннет. Вот статья, которую я переписала для вас. Аннет получила очаровательное письмо от вашей сестры Орловой. Наше путешествие, полагаю, теперь назначено, так как г-жа Баранова¹ пишет, что отправится в Москву в мае месяце. – Согласно вашему желанию мы уедем с г-жой Потемкиной к 15 мая. – Если вы будете в Керчи в это время, постарайтесь с нами попрощаться. – Несколько персон в Карасане очень хотят вас видеть. – Да благословит вас Бог и да поможет во всех ваших начинаниях.

Преданная вам, С. Дамберг

P.S. Аннета написала вам из Артека с вашим первым курьером, сегодня утром получила ваше письмо от 30 марта, в котором вы осыпаете ее упреками. Приезжайте к нам в Карасан как можно скорее.

Выписка из письма князя А.Н. Голицына: «Я прочел часть вашего письма, которая относится к г-же Барановой по поводу м-ль Бороздиной, которая выходит замуж за генерала Раевского; она благодарит вас за это мнение, так как интересуется м-ль. Я хорошо знаю генерала Раевского, это человек благородный по духу и по чувствам. Я хотел бы, чтобы вы мне дали знать, где она сейчас находится в ожидании суженого, который отправился в военную экспедицию, и когда свадьба».

Приписка А.М. Бороздиной: «Посылаю вам шесть писем, которые получила для вас, и позже отправлю, если хотите, письма, адресованные мне вашей сестрой Орловой, вашей невесткой и некоторыми моими родственниками, но лишь после того, как вы мне сообщите о получении первых и я получу от вас письмо более любезное, чем то, что пришло сегодня утром, от 30 прошлого месяца. Я не покидала побережья после вашего отъезда и не могу быть

¹ Варвара Александровна Баранова (1791–1850), урожд. Шемякина, родная, по матери, тетка А.М. Бороздиной, вдова сенатора, д. стат. советника Д.О. Баранова (1773–1834). Гофмейстерина, погребена вместе с мужем в Александро-Невской лавре.

в городе на этой неделе. Постарайтесь же приехать повидать нас до нашего отъезда в Красное»¹.

553.

Н.Н. Раевский – М.П. Лазареву.

(На рус. яз.)

18 мая 1838 г. лагерь при Туапсе.

Милостивый государь Михайло Петрович.

При сем имею честь препроводить к Вашему Превосходительству журнал наших военных действий². Я в нем представляю нескольких лиц, чтобы они немедленно получили награждение; но об них должно вторично упомянуть в общем представлении. Читая журнал, сухопутники заключат, что я большой моряк, моряки – что я большой сухопутник, фронтовики – что я большой воин, воины – что я большой фронтовик. Я надеюсь, что благосклонное начальство поверит всем этим достоинствам вдруг. По существующим беспорядкам в канцеляриях Владимира Алексеевича³ и Ефима Васильевича⁴, мне не доставлены списки гардемарин и артиллерийских юнкеров; несмотря на сие, я делаю о них представление, оставляя Владимиру Алексеевичу вписать их имена.

По неимению писарей, я вынужден покорнейше просить Ваше Превосходительство сообщить графу Михайлу Семеновичу [Воронцову. – Т. Ф.] копию журнала и проекта прибрежных поселений; по той же самой причине я вынужден просить, краснея, о пересылке копии журнала Анне Михайловне Бороздиной в Симферополь. У нас все благополучно, несмотря на ежедневные перестрелки. Я очищаю лес на версту вокруг предположенного укрепления. Сегодня, однако же, смертельно ранен один офицер и четыре рядовых.

¹ Слобода в Новохоперском уезде, Воронежской губернии, место рождения А.М. Бороздиной.

² При высадке в Туапсе.

³ В.А. Корнилов (1806–05.10.1854, смертельно раненный на Малаховом кургане в Севастополе), в это время капитан-лейтенант 43-го флотского экипажа; на корабле «Силистрия» он был начальником штаба у М.П. Лазарева; впоследствии вице-адмирал, генерал-адъютант. За отличие при взятии Туапсе Корнилов 8 июня 1838 г. произведен был в капитаны 2-го ранга.

⁴ Е.В. Путятин (07.11.1803–16.10.1883), впоследствии адмирал, генерал-адъютант, министр народного просвещения и граф (с 1855), в это время капитан-лейтенант 43-го флотского экипажа; во время высадки в Туапсе он командовал фрегатом «Агатополю» и 8 июня 1838 г. произведен был в капитаны 2-го ранга.

Я приказал рыть колодези и отыскал воду, и посему крепость может быть построена на том возвышении, которое вы полагали удобнейшим.

Позвольте мне окончить мое письмо, изъявляя Вам еще раз всю мою признательность и глубокое уважение, которое Вы во мне вселили. Вы из малого числа людей, которым лестно изъявлять сии чувства. Покорнейше Вас прошу передать мой дружеский поклон Владимиру Алексеевичу [Корнилову. – Т. Ф.] и Ефиму Васильевичу [Путятину. – Т. Ф.].

*С истинным почтением и глубочайшею преданностью имею честь быть Вашего Превосходительства
покорнейший слуга,
Н. Раевский
P.S. Проект об селении прибрежных козаков весьма пополнен и совершенно переделан.*

557.

Т.Б. Потемкина – Н.Н. Раевскому.

25 мая, Симферополь, 1838 г.

Мой дорогой генерал,

я не могу покинуть этого края, полного дорогих воспоминаний, не присоединив к ним и воспоминание о Вас. Я получила с величайшим удовольствием бумагу, посланную Вами, и уверена, что она будет чрезвычайно интересна для князя Голицына¹, и я побеседую с ним об этом от всего сердца. Я не могу говорить столь же непринужденно с графом Воронцовым, вот почему я не показала ему Ваше письмо; он не любит обсуждать серьезные вещи с дамами, потому и слова из уст нейдут. Позвольте мне поговорить с вами о предмете, который придется вам по душе более, чем что-либо другое. Я устроилась у вашей очаровательной нареченной. Мы подруги, и я нахожу, что вам неслыханно повезло найти подобное сокровище; она принесет вам в дар много ума, сердца, доброты и все преимущества светскости; невозможно быть более изящной и благовоспитанной, чем эта молодая особа. Чувство приличий свойственно ей в высшей степени. Благородство характера замечательное, ум, охватывающий все и интересующийся самыми

¹ Речь идет, вероятно, о распространении христианства между горцами: ср. выше его письмо к Н.Н. Раевскому, где на стр. 424 AP. Т. II, внимание Голицына привлекло «любопытное сведение о некоторых следах христианства между горцами и изъявленное при том вами желание моего содействия к снабжению того края миссионером...»

серьезными вопросами. Забываешь, что ей всего 18 лет, – вы можете гордиться маленьким шедевром в качестве жены. Не показывайте ей мое письмо, но сохраните его в вашем сердце, так как все, что я вам сказала, – правда, и, думаю, я в этом разбираюсь благодаря моей долгой привычке наблюдать свет сквозь призму истины. Надо было видеть нашу дорогую баронессу [Беркгейм. – Т. Ф.] в контакте с Аннет. Вначале это было церемонно, потом лед треснул, и что касается чувств баронессы, я за них не отвечаю, но мы, Аннет и я, чудесно подходим друг другу. С ней я чувствую себя 18-летней, а она со мной – 40-летней. Через несколько дней мы уезжаем, я направляюсь в Киев, она – в Воронеж. Я не беспокоюсь за нее, расставаясь, так как все, что она делает, она делает хорошо, и потом с ней ее Ангел-хранитель – добрая г-жа Дамберг. Мы назначаем вам свидание в Москве. Прощайте, мой дорогой генерал. Пишите мне в Москву.

Татьяна

Накануне свадьбы: новое назначение Раевского-мл. и переписка с невестой

568.

А.М. Бороздина – Н.Н. Раевскому.

21 июня 1838 г., Симферополь.

Полагаю, что вы, не имея так долго вестей от меня, сочли, что я либо умерла, либо уехала в Москву; разуверьтесь, но будьте же, по крайней мере, уверены, что если я и была неточна в моих ответах на ваши письма, то искренне в этом раскаиваюсь и чувствую, что заслуживаю всяческих упреков. Вы не пишете уже три недели; если это из мести, то умоляю простить меня ради моего раскаяния и сообщить вести о себе. Теперь ваши письма дойдут до меня не раньше, чем через месяц с момента, как вы их пошлете, так как я уезжаю в Москву. Жизнь моя проходит в угрызениях совести и в упреках самой себе, но, по-видимому, этого недостаточно. Моя тетушка Баранова, которая вот уже месяц ждет меня в Москве, сердится на меня; м-м Дамберг – тоже, не знаю почему, м-м Бороздина¹ – также, г-н Раевский – еще больше, дядя Андрей –

¹ Андрей Михайлович Бороздин, один из старейших колонизаторов Крыма, в 1807–1816 гг. таврический губернатор, с 1812 по 1828 г. – сенатор. С 1828 г. жил в своем поместье Кучук-Ламбат. Был женат на Софье Львовне Давыдовой, тетке Н.Н. Раевского-мл., который в 1839 г. женился на его племяннице Анне Бороздиной.

наверное, тоже, и еще столько других лиц. Судите сами, насколько приятно мне такое существование.

Почему вы не дали мне знать до вашего отъезда из Симферополя о дне, когда должны были туда вернуться; я не хотела выезжать из Карасана, не зная этого наверняка, а вы лишь смутно говорили мне о таком намерении в одном из ваших предшествующих писем.

Я получила письмо м-м вашей матушки¹, другое от княгини Волконской² и письмо от Лазарева, о котором вы мне сообщили.

Я совсем забыла поблагодарить вас за чудесную лошадь, которую вы мне прислали; я много раз ездила верхом по побережью, она очень послушная и уже неплохо меня знает. Вот письмо м-м Потемкиной, которое она оставила для вас перед своим отъездом; я не смогла уехать вместе с ней, хотя мне очень этого хотелось.

Вот наш адрес в Москве: на Тверском бульваре, в доме Кротковой, возле Осташевского, но, пожалуй, будет лучше, если вы будете писать мне через Елизавету Семеновну Кудрявцеву³.

Аннет Бороздина

Доложили о князе Херхеулидзе; я поручу ему эти письма.

573.

А.М. Бороздина – Н.Н. Раевскому.

Симферополь 27 июня 1838.

Султан только что сообщил мне, что князь Гагарин отправится к вам через два дня и согласен немного подождать, чтобы дать мне время набросать вам несколько слов. Мои дела удержали меня вплоть до сегодняшнего момента, но я надеюсь, что сумею все закончить и отправиться в дорогу в конце недели. Могу ли просить вас о любезности – дать мне знать, сможете ли вы передать Лихареву⁴ письма его сына, который уехал в Петербург с м-м Потемкиной. Он должен прислать их мне сюда. Прощайте.

Когда у вас найдется время сообщить вести о себе?

¹ Софьи Алексеевны Раевской.

² Княгини Марии Николаевны Волконской, из Сибири.

³ Она жила в Симферополе, в доме Михаила Михайловича Бороздина, наблюдая за его хозяйством.

⁴ Владимир Николаевич Лихарев, адъютант графа Витта, подпоручик, член Союза Благоденствия; в 1825 г. женился на дочери сенатора Андрея Михайловича Бороздина – Екатерине Андреевне (двоюродной сестре А.М. Бороздиной-Раевской), и у них был сын. Сестра Екатерины Андреевны – Мария Андреевна – в то же время вышла замуж за Иосифа Викторовича Поджио, также члена тайного общества, вскоре

585.

А.М. Бороздина – Н.Н. Раевскому.

Москва 6 августа 1838.

Мне неизвестно ни то, передал ли вам князь Херхеулидзе мои письма, ни то, передал ли вам князь Гагарин мое письмо, которое я отдала ему в Симферополе; но я вижу по вашему письму, что у вас была достаточно веская причина не писать мне столько времени; я вас благодарю, по крайней мере, за то, что вы дали мне об этом знать. Мы оставили Симферополь накануне дня, когда вы мне написали, т.е. 17 июля, и наше путешествие длилось 15 дней. Мы обошли м-м Потемкину около Серпухова и ее золовку у Подольска. Моя тетя¹ была так любезна, что отвезла меня вчера к себе и в пятницу в Кунцево к м-м Орловой², которая была чрезвычайно добра со мной, равно как и все остальные ваши родственники. Вы не представляете, как я тронута дружбой, которую проявляет ко мне моя тетушка, с тех пор как я с ней, и до какой степени я не заслуживаю всех этих проявлений доброты с ее стороны. Граф Закревский³ здесь,

арестованного. Их женам арестованные были объявлены умершими, и впоследствии оба получили печальное известие о том, что жены их вышли замуж. В 1837 г. по ходатайству наследника Александра Николаевича (Русская Старина. – 1902. – Апр. – С. 98) Лихареву вместе с его товарищами М.М. Нарышкиным, М.А. Назимовым и Н.И. Лорером было разрешено вступить в военную службу рядовыми в Отдельный кавказский корпус. В 1838 г. он был назначен с Лорером, Нарышкиным, А.И. Черкасовым и князем Одоевским (поэтом) в отряд Н.Н. Раевского и принимал участие в высадке при Туапсе и других экспедициях. Погиб в сражении под Валериком 11 июля 1840 г., которому посвятил стихотворение Лермонтов, участник этого боя. Лорер рассказывает: «После него остались некоторые бумаги на разных языках и портрет красивой женщины, превосходной работы... Я узнал портрет жены его, рисованный Изабе в Париже. Я посоветовал полковнику отправить все эти драгоценности к родным покойника и дал адрес... В последнем деле, где он был убит, он был в стрелках с Лермонтовым, тогда высланным из гвардии. Сражение приходило к концу; оба приятеля шли рука об руку и часто, в жару спора, останавливались. Но горская пуля метка, и винтовка редко дает промахи. В одну из таких остановок вражеская пуля поразила Лихарева в спину навылет и он упал навзничь; ожесточенная толпа горцев изрубил труп так скоро, что солдаты не успели на выручку товарища-солдата». В судьбе его сына, как видно из письма А.М. Бороздиной, принимала участие Т.Б. Потемкина.

¹ Варвара Александровна Баранова, урожд. Шемякина, родная, по матери, тетка А.М. Бороздиной.

² Екатерина Николаевна Орлова, урожд. Раевская.

³ Граф (с 1830) Арсений Андреевич Закревский, в это время бывший в отставке (с 1831); в 1848 г. был назначен московским генерал-губернатором.

у тетушки; он хочет сам доставить мое письмо на почту; поэтому я не могу продолжать. Пишите мне чаще, прошу вас.

Мадам Потемкина желает знать, получили ли вы ее письмо и когда закончится ваша экспедиция.

Вот наш адрес: на Тверском бульваре, в доме Кротковой, Варваре Александровне Барановой.

597.

А.М. Бороздина – Н.Н. Раевскому.

Москва, 22 августа 1838 г.

Сегодня годовщина коронавания, и в момент, когда я пишу, весь город иллюминирован, а в кремлевском саду идет гулянье. Хотя здесь нередко случаются подобные развлечения, мы никогда в них не участвуем. Моя тетушка выходит очень редко и не возражает, чтобы я следовала ее примеру. Это меня вполне удовлетворяет. Поэтому я выезжаю только в Кунцево к м-м Давыдовой (урожд. Лихаревой), к старым знакомым папы и в два-три дома, которые посещает моя тетя Баранова. Прошлый раз, возвращаясь из Кунцево, где живет м-м Орлова, мы были напуганы встречей с двумя мужчинами, которые хотели остановить нашу коляску; было 9.30 вечера, в версте от заставы. Я испугалась прежде всего за тетушку, которая была в крайнем волнении, но когда опасность миновала, я не могла удержаться от смеха, найдя всю эту сцену крайне забавной.

Со времени моего приезда в Москву я получила от вас только одно письмо, то, что вы послали из Симферополя. Я надеюсь, что второе уже в дороге и что скоро я его получу. Моя тетушка написала вам на днях, вы получили ее письмо?

25. М-м Орлова, которую я видела сегодня утром, передала мне два письма для вас. Присоединяю их к этому, поскольку не смогла его отправить в день написания, так как не было почты на Крым.

653.

Н.Н. Раевский – А.И. Казначееву.

(На рус. яз.)

1 апреля 1839 г. Симферополь.

Любезный друг Александр Иванович,

к крайнему сожалению, жена моя и я Вас не застали в Симферополе. Приезжайте к нам, ради Бога, в Керчь, я имею с Вами много о чем толковать. Керчь мне назначена квартирою, дом наш

остается незанятым в Симферополе; мы не намерены отнюдь его отдавать в наймы. Жена моя Вам предлагает этот дом на год и более; он для Вас удобен, и мы не делаем никакого пожертвования, Вам его предлагая; займите его хоть сейчас, оставьте нам на всякий случай флигель, чтоб нам было где остановиться, когда мы приедем к вам в гости. Целую ручки у Варвары Дмитриевны¹, Вас в обе щечки и прощайте, потому что у меня голова кругом идет от дел.

655.

А.И. Казначеев – Н.Н. Раевскому.

(На рус. яз.)

3 апреля 1839 г. Симферополь.

Любезный друг Николай Николаевич,

не за дом благодарю тебя и милую твою Анну Михайловну, а за дружеское ваше предложение, выраженное так, что и отказать от него нельзя. В отмищение вам отвечаю, что принимаю дом ваш с дружескою благодарностию, стану беречь его и во всякое время сердечно рад буду дорогим гостям-хозяевам своим, которые так любезно выручают меня из теснины в свой гостеприимный простор. По крайней мере год продышу в нем свободнее. Думал я с вами провести в Керчи великий праздник, но потеря 13-летней дочери брата моего побудила меня опять поехать к неутешному на праздник. Возвратившись оттуда, мы уже собирались в Керчь к князю Херхеулидзеву, полагая, что ты хлопочешь в своей Азии. Теперь располагаем выехать отсюда 6 или 7 и будем в Керчи 8 или не позже 9 апреля. Остановимся у князя Херхеулидзева по обыкновению и его родному приглашению. Надеемся, что к нашему приезду и хозяйюшка его освободится от драгоценного бремени, которое вознаградит ее и князя за все тревоги и страдания, неразлучные с родами.

А. Казначеев

Ну когда же вам отказывал в чем-нибудь, любезнейшая Анна Михайловна, беспопечительный ваш попечитель? Лучшим тому доказательством служит примерная послушность моя в исполнении последних ваших поручений: принимаю на год гостеприимный дом ваш и еду в Керчь. Чистосердечно, что первое – нет ничего легче исполнить для всякого, и ничего не было труднее для меня, но вы

¹ Казначеевой.

написали мне перышком из ангельского крылышка, а муж ваш пером такой орлиной дружбы, что деликатность в этом случае с моей стороны была бы не деликатна. До свидания! Целую ваши ручки и прошу сказать мое почтение Софье Андреевне¹. Жена моя вам обеим и Николаю Николаевичу дружески кланяется. Она также со мною едет в Керчь.

Казначеев

670.

А.И. Казначеев – А.М. Раевской.

(На рус. яз.).

10 мая 1839 г. Севастополь.

Сколько приятных поздравлений получите вы от меня, любезнейшая Анна Михайловна, сколько добрых вестей!

Начну поздравлением с благополучным совершением славного подвига, которым увенчал себя наш Николай Николаевич во славу свою и во славу русского оружия. Прелестную долину Субаши присоединил он к завоеваниям матушки-России. Это было дело трех часов: пришел, увидел, победил! Никогда горцы не собирались на берегу в таком множестве. Они не собирались уступать Субаши во что бы то ни стало; но едва оглянулись и встретили наших молодцов, едва стали упорно стеною, как и опрокинуты, частью побиты, переранены и прогнаны. Вечер прошел в песнях: музыка гремела, перестрелка на военной цепи ей вторила, а мы, под этот воинский грохот, пили чай и славно заснули в палатке на поле битвы. 4, 5, 6 и 7 числа мая провели мы спокойно и весело, по-братски. 8 числа Николай Николаевич собрался было в Керчь, но ему помешало позднее прибытие планов, по которым надлежало назначить построение укреплений. Он для сего остался в Субаши дня на три, а я отправился в Севастополь с флигель-адъютантом Глазенапом, посланным в Петербург с реляцией и донесениями о занятии Субаши. Во-вторых, поздравляю вас с днем Ангела мужа вашего: вчера был день святого Николая. Мы выпили на пароходе заздравный кубок в честь победителя имянинника. За сим присовокупляю домашний донос: муж ваш пил содовую воду, но запивал вином, в сражении не был осторожен и пр. и пр.; с горцами, присылавшими к нему депутатов, был слишком милостив и т.д. Написал

¹ Дамберг. См. с. 164.

бы я вам побольше, да спешу исполнить его желание, чтобы послать вам по эстафете прилагаемое здесь письмо на имя ваше. Целую ручки ваши и Софьи Андреевны [Дамберг. – Т. Ф.] с чувством родственной любви и почтения.

А. Казначеев

Сей час еду к жене и сыну, повидавшись с Адмиралом [М.П. Лазарев. – Т. Ф.]. Гайвазовский славно выразил броненосную высадку на Субаши в двух эскизах, которые посылаются с Глазенапом к Государю.

671.

А.И. Казначеев – Н.Н. Раевскому.

(На рус. яз.)

10 мая 1839 г. Севастополь.

Сего дня на рассвете приплыли мы сюда, добрый друг мой. Я успел уже написать письмо Анне Михайловне и, после карантинных форм выйдя на берег, пошлю к ней эстафету с письмом твоим. Описавши живо кровавый праздник, который ты задал горцам на Субаши, я не мог миновать верной okazji, чтобы не присоединить к нему несколько домашних доносов, как ты пил содовую воду рюмочками и запивал вином – стаканами, как требовал 10 черкешенок и пр. и пр.

Вчера был день св. Николая; день ли то Ангела твоего или нет¹, но мы, по предложению Швендера, выпили заздравный кубок в честь победителя-имянинника, увенчавшего себя живо Кесарьским подвигом: *veni, vidi, vici!*

Теперь прими, друг мой, братское мое спасибо за братское твое баловство: залелеял ты меня и задал пир во весь мир; уж подлинно заплясали горы! Воскресил ты во мне славные воспоминания о былом. Все, что я видел и чувствовал, бывши с тобою, сопровождает меня, как прекрасный сон, – не хочется проснуться!

708.

А.М. Раевская – Н.Н. Раевскому.

Керчь 31 июля или 1 августа 1839.

Сегодня я ограничусь списком того, что я вам посылаю, и словами о том, что обнимаю вас от всего сердца и что Александр чувствует себя прекрасно и путешествует с Баумгартеном.

¹ Н.Н. Раевский праздновал день своих именин 6 декабря, в один день с отцом.

Следует вымыть ему голову за то, что он не писал мне; я в самом деле очень беспокоилась о нем, прежде чем получить эту новость. Вот список.

Бумаги, пришедшие из Тамани, числом 11.

Письмо от Золотницкого, который прибыл, чтобы вас повидать, и обедал у меня.

Письмо от князя Василия Голицына, принесенное его племянником, который обедал у меня. Я вскрыла это письмо из простого любопытства – вы не станете сердиться за это?

50 бутылок содовой; дома осталось 250.

40 апельсинов, дар Кулебакина, дорожке рыночных и плохие.

Бочонок корнишонов с чесноком, также плохие, полученные мною от м-м Ваттель; с вашим окружением гурманов может приключиться болезнь от них.

Почему бы вам не прислать сюда судно под каким-нибудь предлогом? У меня нет вестей от вас со времени вашего отъезда. Получили ли вы мое письмо, газеты и дыни, которые я послала вам с Десятовым?

Отставка Раевского-мл. и семейные заботы

Писем Анны Михайловны за конец 1841 и первую половину 1842 г. в архиве Раевских не сохранилось. Раевский неоднократно подавал прошение об отставке, но приказ об отчислении его от должности начальника Черноморской береговой линии и о назначении его состоять по кавалерии был отдан в Петербурге 6 февраля 1841 г.

Вскоре по получении увольнения Раевский уехал с семейством в Карасан, имение жены на Южном берегу Крыма. Окончательное увольнение от службы последовало 26 ноября 1842 г. В конце февраля родился второй сын Михаил. В 1842 г., после отнятия ребенка от груди, Раевский планировал отвезти семью в Италию, к матери и сестрам.

Домашние заботы, рождение второго сына, обустройство прекрасного имения, возможность реализовать свои ботанические эксперименты занимают отставного генерала, но не в силах заглушить чувство обиды и щемящую боль за судьбу края, в который было вложено столько сил. *«От меня по-прежнему требуют проектов, – пишет он Воронцову. – Обычно, выжав из лимона сок, шкурку выбрасывают; но я злополучный лимон,*

из которого продолжают извлекать сок после того, как уже выбросили; с острым сожалением покидаю я страну, которую создал и при этом не имел удовольствия показать ее вам в новом состоянии»¹. Душа болела и от того, что эту страну приходилось оставлять человеку, совершенно не поддерживающему систему, которой придерживались Раевский с Воронцовым, а именно – мирную взаимовыгодную колонизацию края взамен набегов, усмирений и разорений.

Филипсон, начальник штаба Береговой линии и соратник Раевского, так отзывался о сменившем его генерале Анрепе: «Умственные способности его были не выше среднего уровня. Во всех делах он, прежде всего, привязывался к мелочам, из-за которых ему не всегда видна была самая важная суть дела. Он был честен и храбр... Я сказал бы, что он был и справедлив, если бы он не был пристрастен к немцам»².

Анна Михайловна, молодая мать двух сыновей, наследница имений, переживала за своего беспокойного мужа, но была рада, что он наконец сможет отдохнуть, заняться семьей и хозяйством. В 1842 г. она была занята новорожденным сыном, а муж посвящал немало времени сдаче дел. Начало 1843 г. было отмечено покупкой земель в Партените, где Николай Николаевич собирался заняться виноделием. Но приобретение это было омрачено недоразумениями или прямым мошенничеством соседей-татар и, что хуже, – разладом с Воронцовым.

В этом состоянии он уехал из Крыма в Москву к брату Александру и по пути заехал в имение жены Красное в Новохоперском уезде Воронежской губернии. Все пережитое привело к опасной болезни, свалившей героя. Болезнь развивалась быстро, но он категорически запретил писать об этом жене. Конторщик имения Гаврила Бабичев писал А.И. Казначееву 22 июля 1843 г.: *«В письме Александру Николаевичу (брату) о высылке доктора Николай Николаевич просил, чтобы о болезни его Анну Михайловну не уведомлять, сам писать не хотел, да и мне запрещал. – Но когда ему сделалось хуже, я в тот же день послал к Александру Николаевичу эстафету, прося его приехать сюда и дать о том знать Анне Михайловне, а вчерашнего числа отправил к нему другую эстафету, чтобы он поспешил приездом*

¹ АР. – Т. 4. – С. 93.

² Филипсон Г.И. Воспоминания. – Москва, 1885. – С. 111.

своим; сам же я был в недоумении, как об этом донести *Анне Михайловне*¹.

Итак, ряд следующих писем Анна Михайловна продолжала отправлять мужу и его сестрам, не подозревая, что в это время он лежал опасно больной в слободе Красной.

942.

А.М. Раевская – Е.Н. Орловой.

5 июля 1843 г. Карасан.

Моя добрая сестра, Ваше письмо, письма моего мужа², получение Вашего портрета, наконец, надежда увидеть Вас в Крыму – все это меня удовлетворило, обрадовало и успокоило. Судя по дате Вашего письма, муж мой уже возвращается; дай Бог, чтобы возвращение было благополучным и чтобы он привез хорошие новости о Вас. Дети мои последнее время болели: Коля страдал лихорадкой, а у Миши резались зубки. Я не решилась писать об этом мужу, чтобы не огорчать его.

...Прощайте, моя дорогая добрая сестра, желаю, чтобы у Вас все шло хорошо и чтобы Ваш визит с детьми к нам не встретил препятствий. Обнимаю Вас троих с нежностью. А. Р.

P.S. Пожалуйста, спросите на почте три моих письма моему мужу: дурные дороги и плохие лошади причина того, что они приходят слишком поздно.

На обороте: Ея Превосходительству Екатерине Николаевне Орловой. У Пречистенских ворот, в собственном доме.

945.

А.М. Раевская – Н.Н. Раевскому.

Начало июня 1843 г., Карасан.

Мой дорогой друг, посылаю вам экспрессом письмо Гартвиса, которое вам было бы полезно получить до отъезда. В нем говорится об участке, который покупают для Сумарокова. Я хотела бы получить новости от вас из Симферополя – как вы утрясаете ваши дела, дела Лонгинова, вопросы доверенности и займа. Вы оставили меня с шестьюстами (600) рублями, из них я отдала 500 Салэ, 40 Ивану Д. и 60 за дом; следовательно, мне ничего

¹ АР. – Т. 4. – С. 200.

² Н.Н. Раевский в это время возвращался из Москвы, куда ездил по случаю смерти М.Ф. Орлова, скончавшегося в Москве 19 марта 1842 г.

не остается. Ваше отсутствие ставит меня в затруднительное положение, и оно будет еще хуже, если вы не сумеете достичь цели вашего путешествия, устроив и завершив все дела. Сегодня я начинаю переговоры относительно покупки земли. Начну с Халиля, так как Эмир-Али неуловим; у него убили корову и он бежит повсюду в поисках правосудия, но не знает, кто убил корову. Мустафа, который должен нам сад, похитил колья из нашей ограды и был захвачен Салэ. Последний пожаловался в Сельское правление Бююк-Ламбата, которое заставило Мустафу вернуть колья, – обо всем этом я узнала только что.

Заверяю вас, что сделаю все возможное, чтобы купить сады, которые вы наметили, и чтобы действовать как должно во всех ситуациях.

Дети чувствуют себя хорошо и говорят о вас. У Миши прыщ на лице, я показала его доктору, он сказал, что это пустяки. Прощайте, обнимаю и благословляю вас. Посвящайте меня во все, что с вами происходит. Не забудьте о моем поручении м-м Казначеевой и ответьте Гартвису.

На обороте: Его Превосходительству Н.Н. Раевскому. В г. Симферополь, а в случае отъезда – в Москву, на Б. Дмитровку в дом А.Н. Раевского.

946.

А.М. Раевская – Н.Н. Раевскому.

13 июня 1843 г. Карасан.

Я получила два ваших письма и все бумаги по делу Лонгинова. Я прочла и те и другие и нахожу их совершенно недостаточными для успеха дела. Я рассчитываю только на умение вести дело Василия, который выполняет свой долг с усердием. Надежда на Seff. плоха, несмотря на все мои поощрения; Эмир-Али и Эмир-Сали ведут себя как честные люди. Все трое уверяют, что сады Сумарокова принадлежат нам, и назвали по-татарски все 38 участков, но боятся вести туда Василия. Землемер еще не приходил, чиновник прибудет сегодня, не знаю, будет ли к добру его присутствие. Я получила письмо от Гартвиса, где он просит меня прислать Василия с нашими документами на землю Сумарокова, но я ответила ему очень вежливо, что предъявлю ему эти документы, только если он явится в Карасан, и что не могу вмешиваться в это дело в ваше отсутствие. Из Красной пришло два документа: «Ввод во владение» не действителен без

доверенности, ее набросок я прилагаю, поспешите прислать ее, но, ради Бога, не делайте безумных трат на эстафету.

Г-н Эванс¹ и я поднялись сегодня на вершину Аюдага. Мы прошли через Партенит и вернулись через Гаврамали, где плантации выглядят хорошо. В целом это составило 20 верст.

Дети чувствуют себя хорошо, они лакомились клубникой, которую я им принесла из Гаврамали. Коля учит алфавит, но не русский, к сожалению, а Миша начинает засыпать без качанья и других способов, но его просто укладывают в кровать.

Будьте благоразумны, не сорите деньгами и вышлите мне их поскорее. Будьте добры к Гаврюше [конторщик в слободе Красной. – Т. Ф.], это честный человек, и ласковы с крестьянами и священниками Красной.

Прощайте, когда я подумаю обо всех затруднениях, окружающих нас в этот момент, у меня начинается что-то вроде сплина. Не впадайте в это состояние, проявите умение и спокойствие при улаживании дел, это придаст мне спокойствия и веселости. Прощайте, обнимаю вас. Не забудьте о всех моих поручениях, в частности о корсете, который заказала мне м-ль Фохт.

948.

А.М. Раевская – Н.Н. Раевскому.

3 июля 1843 г. Карасан.

Я вижу, дорогой друг, что вы, как человек с характером и решимостью, не отказались от вашего проекта не писать мне до прибытия в Красную, и я уже 23 дня не имею новостей от вас. Позавчера я получила письмо от Гаврюши за 9 июня; оно

¹ Эванс Фома (Томас) Яковлевич (1785–1849). В 1804–1805 гг. приехал в Москву, занялся частным преподаванием английского языка, а 8 октября 1809 г. определен был в Московский университет лектором английского языка и словесности. Поступил воспитателем к сыну М.Ф. Орлова и Е.М., урожд. Раевской, – Николаю Михайловичу; после смерти М.Ф. Орлова и поступления его сына в военную службу Эванс поселился в доме Н.Н. и А.М. Раевских, которые, вероятно, намеревались поручить ему воспитание своих, тогда еще маленьких, сыновей, в Крыму; но после смерти Н.Н. Раевского вернулся с Анной Михайловной в Москву. Умер 16 января 1849 г., похоронный обряд был совершен в английской церкви. Похоронен на Введенском иновещерском кладбище. Латинская эпитафия на надгробном памятнике отразила его широкую и разностороннюю образованность.

принесло мне 3 тыс. рублей, которые почти все разошлись: Макара – около 400, Буржо – 300, Лагорио из Керчи – 650, Гусейн – 230, Шаблыкин – 100 – все по их настоятельной просьбе. Эти платежи заставляют меня думать о длинном списке, который я вручила вам перед отъездом.

Мои мальчики, слава Богу, чувствуют и ведут себя хорошо; ребенок Гагариных болен дизентерией, но ему лучше. Сад в хорошем состоянии, садовники усердно работают. Вот единственные интересные новости; еще занимаются допросами в связи с кражей якоря, Вас(илий) Ш. делает все возможное и несмотря на трудности надеется доказать справедливость обвинения. Дело по «Вводу во владение» еще не начато, но когда это произойдет, против нас поднимутся все татары и чиновники, которых они привлекут. Это дело заслуживает того, чтобы стать сюжетом истории, подобной «Мертвым душам»¹. Увидим, что будет.

Пришлите мне доверенность, которую я просила у вас две недели назад.

Прощайте, обнимаю вас тысячу раз, пишите мне как можно скорее. Сохраняете ли вы намерение продавать наши вина в Красной, нам важно знать; надеетесь ли вы, что наше путешествие в Италию состоится в этом году? Уже полночь, и я засыпаю над письмом. Да сохранит вас Господь, мой дорогой друг, и да пребудет Он с вами.

Болезнь и смерть Н. Раевского-мл.

На письме Гаврилы Бабичева о болезни и смерти Н.Н. Раевского рукой Анны Михайловны приписано следующее.

Николай Николаевич:

Выехал из Карасана – 2 июня 1843 г.;

Выехал из Симферополя – 9 июня;

Приехал в Красную – 16 июня;

Занемог в Красной – 21 июня;

Усилилась болезнь – 17 июля;

Скончался в субботу, 24 июля, в 4.30 утра;

¹ Первый том «Мертвых душ» Гоголя вышел в свет весной 1842 г.

Я выехала из Симферополя 28 июля – день получения известия о болезни его;

Приехала в Красную – 4 августа;

Выехала из Красной – 14 августа;

Приехала в Москву – 20 августа;

Выехала в Крым – 29 августа.

960.

Ф.Я. Эванс – Е.Н. Орловой¹.

Симферополь 29 июля 1843.

Давно я должен был написать вам, но пришлось бы писать только обо мне, и я ожидал, чтобы сложились обстоятельства касательно моего будущего, которым вы любезно интересуетесь. Теперь я берусь за перо в разгар сильнейших беспокойств. Ваш брат генерал, как вы, несомненно, знаете, уехал из Карасана 9 июня; он писал из Красного, что прибыл усталым и нездоровым и намеревался пробыть там три недели, прежде чем ехать в Москву. 10 июля здоровье детей и желудочная эпидемия на побережье, от которой скончался сын князя Гагарина, вынудила нас искать спасения в Симферополе. С этого времени мы с часу на час ждали его прибытия. Вчера ночью Казначеев получил эстафету от 22 июля с сообщением, что 25 июня генерал заболел рожистым воспалением на лице и воспалением печени, о чем строго запретил сообщать жене. Немедленно вызвали лучших врачей Воронежа, и Александр Николаевич при первом известии послал из Москвы доктора Дитрикса. Отчет последнего, адресованный д-ру Бутсу, не мог нас успокоить. Я не говорю о состоянии мадам Раевской; несколько часов назад она собрала все свои силы и уезжает вечером с мадам Казначеевой. Что до меня, я не слишком затронут этой эпидемией и потому остаюсь с детьми; буду сообщать вам новости по мере их поступления.

Мадам, пути Господни не наши пути, и тех, кого Он любит, он наказывает. Если несчастье, угрожающее вашей семье, осуществится, я надеюсь и верю – вы найдете в этой мысли необходимые силы, чтобы его перенести. Каким бы ни был исход, позвольте мне присоединить к вашим молитвам и мою, которую вы не отвергали этой осенью.

¹ Письмо, написанное сразу по получении известия о болезни Н.Н. Раевского и об отъезде 28 июля Анны Михайловны.

961.

А.И. Казначеев – А.М. Раевской.

6 августа 1848 г. Симферополь.

Не утешаю вас, родная Анна Михайловна, но плачу с вами: слезы ваши и скорбь праведны. Мой долг напомнить вам, что вы ни в чем столько не утешите незабвенного друга – супруга, как печением о ваших детях. И так поберегите себя для них.

По возвращении из слободы Красной после похорон Н.Н. Раевского Анна Михайловна пишет письмо Е.Н. Орловой с просьбой принять часть дохода от имения Болтышка, ранее принадлежавшую Раевскому.

962.

А.М. Раевская и Ф.Я. Эванс – Е.Н. Орловой.

Конец сентября 1848 г. Симферополь.

Я пишу вам из Симферополя, откуда на днях уеду, чтобы провести с моими бедными детьми зиму в Москве. В сложившихся обстоятельствах я не могла бы сделать ничего лучше, так как пребывание в Карасане причиняет мне слишком сильную боль, а в Симферополе и в Красном я оказалась бы слишком в изоляции. Мы поедем в сопровождении доктора, и г-н Эванс поедет с нами до Харькова.

Мои дети чувствуют себя хорошо, слава Богу, на днях я показала им портрет-дагерротип их отца: Коля его тотчас узнал, а бедный Миша сказал: «Не знаю, кто это такой». Бедные дети, какая это утрата для них.

Из письма от 7 мая из Рима А.М. Раевской – Е.Н. Орловой: «...Знаете ли вы, что ваш подарок Мише Волконскому¹ рукописи Ломоносова сделает ревнивыми других правнуков этого знаменитого человека – в особенности Колю и Мишу, ведь они имеют на двоих только один предмет, которым пользовался великий

¹ Князь Михаил Сергеевич Волконский, сын декабриста и Марии Раевской, впоследствии товарищ министра народного просвещения, член Государственного совета.

Ломоносов¹, – серебряное блюдо², тогда как Сашок [дочь Александра Раевского. – Т. Ф.] имеет много серебряных предметов, а Миша В. – рукопись, которая стоит много больше, чем блюдо и серебро Сашок. В остальном мои дети также обделены воспоминаниями о своем дедушке Раевском: они имеют лишь пару канделябров, которыми он пользовался в походах и которые поделят, но никакого письма, никакого фрагмента его записок о 1812 г., и, однако, это его внуки, и они носят его имя. Не правда ли, дорогая сестра, они будут иметь по крайней мере право сожалеть, что их отец не владел большей частью семейных воспоминаний!

982.

А.И. Казначеев – А.М. Раевской.

(На рус. яз.)

7 апреля 1849, Одесса.

После всего, что я писал вам, родная моя Анна Михайловна, о поре возвращения вашего в свое отечество, и после положительного намерения вашего ехать в Париж, с разъездами по странам чужим, где все кипит беспорядками, мне остается лишь желать, чтобы с вами ничего дурного не случилось. Слова Колинки радуют меня; они показывают, что в нем горит русская кровь; но если вы останетесь на чужбине еще далее, иностранное воспитание потушит и в нем святую любовь к отчизне. Дети ваши, при состоянии, которым вас Бог благословил, могут получить лучшее воспитание в России, нежели в чужих краях, которые не научат их любить Россию, но могут научить тому, что произвело расстройство царств. Да сохранит их от того Господь, Ему же ответ дать нелегко³.

В 1849 г. Анна Михайловна с сыновьями возвращается в Россию⁴.

¹ Великий Ломоносов приходился князю Волконскому, как и Н.Н. и М.Н. Раевским, Н.М. Орлову и А.А. Раевской – прапрадедом; его рукописи остались во владении Е.Н. Орловой (которой принадлежала часть имений Ломоносова в Ораниенбаумском уезде) (АР. – Т. 4. – С. 260).

² Это блюдо с буквами М. Л. на обороте впоследствии перешло к П.М. Раевскому.

³ АР. – Т. 4. – С. 269.

⁴ В 1855–1856 гг. состоялось второе, более краткое путешествие по рекомендации врачей, обеспокоенных признаками чахотки у старшего сына Николая.

985.

А.И. Казначеев – А.М. Раевской.

(На рус. яз.)

29 октября 1849, Одесса.

Слава Богу, что вы, родная моя Анна Михайловна, выехали из сумасбродной чужбины на святую Русь.

Верный друг Казначеев продолжал писать о делах и тяжбах вокруг имений Тессели и Партенит.

В 1851 г. он сообщает об окончании тяжбы вокруг земель Карасана. *«Я уже писал вам, что процессные дела почти все кончены – и слава Богу! Выгодно или невыгодно – все лучше. Последнее дело по жалобе на Хатипа за неправоное написание им просьбы от татар решено в Уголовной Палате в пользу Хатипа, по настоянию кн. Воронцова»¹.*

Хорошо, что Н.Н. Раевский-мл., с его горячим характером, до этого не дожил...

¹ АР. – Т. 4. – С. 282.

Карасан. Дворец супругов Раевских.
Соврем.фото.

Карасан. Пушкинский дом: в нише - бюст поэта.
Построен в 1815 г. М. М. Бороздиным, отцом Анны,
обновлен в 1870 г. М. Раевским.
Здесь останавливались Пушкин и Н.Раевский-мл. в 1820 году.
Соврем. фото.

Плита из черного гранита – памятный знак на могиле Н.Н. Раевского-мл., в склепе не сохранившейся церкви, в слободе Красной, Воронежской области. Поставлен 25.09.1995 г.

Десант генерал-майора Раевского-мл. 12 мая 1838 г. Флотом командовал вице-адмирал М. Лазарев, на борту флагмана присутствовал художник И.К.Айвазовский, свидетель этой военной операции. Сопровождая картину в С.-Петербург, он представлял ее Николаю 1, о реакции государя подробно сообщает в письме 391. Опубликована в издании «Архив Раевских».

Была приобретена Николаем 1 за 5000 р. Затем перешла в собрание в.кн. Константина Николаевича (Словарь русских художников. Н.П. Собко Том 1, вып. 1. А. СПб., 1893. С. 312).

Сегодня местонахождение картины неизвестно.

V.

А.М. РАЕВСКАЯ – ВДОВА: ВОСПИТАНИЕ СЫНОВЕЙ, СЕМЕЙНЫЕ СВЯЗИ И НАУЧНЫЕ ИНТЕРЕСЫ

Анна Раевская и семья Волконских: сибирские узники и их возвращение. – Род Раевских: генеалогические разыскания Анны Раевской. – Научные интересы Анны Раевской и ее жертвования Московскому публичному и Румянцевскому музеям.

После четырех лет супружества Анна Михайловна осталась вдовой с двумя малолетними сыновьями. Она сама была сиротой, рано потерявшей мать, а потом и отца, и теперь эта внезапная потеря супруга сосредоточила все ее внимание на осиротевших детях. Больше она замуж не выходила, посвятив себя воспитанию сыновей, заботам об их здоровье и образовании. Поэтому, как и планировалось в семье незадолго до скоропостижной смерти мужа, она едет с детьми в Италию, где проводит пять лет: постоянные консультации с врачами убеждают ее в необходимости теплого климата для укрепления здоровья мальчиков. Молодая вдова делится своими чувствами с сестрой мужа, Екатериной Николаевной Орловой, потерявшей своего супруга Михаила Федоровича годом ранее; на его похороны приезжал в Москву ее брат Николай Раевский. Обе стали вдовами, и Анна, оставшись одна, надеется найти сострадание и родственные чувства у сестры покойного мужа.

962.

Я пишу вам из Симферополя, откуда на днях уеду, чтобы провести с моими бедными детьми зиму в Москве. В сложившихся обстоятельствах я не могла бы сделать ничего лучше, так как пребывание в Карасане причиняет мне слишком сильную боль, а в Симферополе и в Красном я оказалась бы слишком в изоляции. Мы поедем в сопровождении доктора, и г-н Эванс поедет с нами до Харькова.

В письме к сыну Орловой (963, октябрь 1843 г.) она пишет: *«Спасибо, мой дорогой Николай, за ваше письмо и присылку письма от мамы. Вы неправы, полагая, что у меня нет известий от нее; она испытала слишком тяжкий опыт вдовства, чтобы не пожалеть меня; она слишком любила своего брата, чтобы не поспешить высказать мне свои сожаления о его утрате. – Я также благодарю вас от всего сердца за то, что вы сказали мне по поводу моих детей; любите их, мой дорогой Николай, и когда их дядюшки Александра и меня уже не будет, станьте им руководителем в жизни и говорите им об их бедном отце».*

Анна спешит в Италию и для того, чтобы исполнить желание покойного супруга, который намеревался представить свою молодую жену и детей матери и двум сестрам, проживавшим в Риме после смерти Раевского-ст. в 1829 г. Родственные связи, «собирающие семьи» так же важны для будущего ее детей, как и их здоровье. Слова « всю свою нерастраченную любовь она отдала детям » как нельзя больше подходят к ней. Период обручения совпал с назначением Николая Раевского на крайне ответственную должность, поглощавшую все его время. В Москву, где его поджидала невеста, его отпустили всего на месяц. Свадьба состоялась 22 января 1839 г. В метрических клировых ведомостях Иоанно-Богословской церкви на Бронной улице в Москве сохранилась запись: *«1839 года, января 22 дня начальник 1-го Отделения Черноморской прибрежной линии генерал-лейтенант и кавалер Николай Николаевич Раевский, православный, 37 лет, венчан первым браком Дворца Его Императорского Величества с фрейлиною, умершего генерал-лейтенанта Михаила Михайловича Бороздина дочерью, девицею Анной Михайловною, православного исповедания, коей от роду 19 лет».* Вскоре после свадьбы Раевскому пришлось возвращаться в Керчь, готовить знаменитый десант 1839 г. В этом же году родился старший сын Николай, а вскоре и младший, Михаил. У молодой супружеской четы не было времени, чтобы спокойно побыть вместе, наглядеться друг на друга. Отставка в 1842 г., казалось, сулила освобождение, отдых, спокойствие... Переключение на мирные заботы: Анна занята малыми детьми, Николай – устройством сада, парка, виноградников в замечательном имении жены – Карасан. Потом – жестокий удар судьбы.

И вот на чужбине, с детьми, в прекрасной Италии, стране мечты, где они могли бы быть вместе, Анне остались одни воспоминания и ответственность за их мальчиков. Мысль о них возвращает к жизни. А им одной заботы о здоровье мало. Они наследники рода,

прославленного именами Раевских, Ломоносова. В Керчи, где семья еще была вместе и где шли раскопки курганов, Анна увлеклась археологией, собиранием древностей. И вот она на земле, насыщенной памятниками Античности. Сохранились две акварели работы итальянского художника Фр. Палицци (частное собрание) с изображениями Анны Михайловны, Коли и Миши. В свете жаркого итальянского солнца, на фоне морского залива изображена грустная молодая женщина на ослике; на другой акварели – два мальчика, в шляпах от солнца, тоже верхом на ослике, на удобных седлах – скамейках, в сопровождении погонщиков.

В литературе обычно подчеркивается, что, рано овдовев, она предалась научным интересам и занятиям, увлеклась путешествиями, коллекционированием предметов старины и нумизматикой. Действительно, с археологическими находками она познакомилась еще в юности, в Керчи. Это увлечение продолжилось в Италии, путешествиях, продиктованных в первую очередь заботой о здоровье сыновей; первое путешествие длилось с 1844 по 1849 г., а затем состоялось и второе, в 1855–1856 гг., по рекомендации врачей, обеспокоенных признаками чахотки у старшего сына Николая. Однако занятия археологией вышли у Анны Михайловны Раевской за рамки модного в те годы увлечения, они были ее подлинным призванием. По возвращении на родину она ездила на раскопки с академиком К. Бэрром, в том числе по Прибалтийскому краю, Финляндии и Олонецкой губернии. В середине 1860-х годов А.М. Раевская организовала раскопки средневекового кладбища в урочище Черном близ Усть-Рудицы в Петергофском уезде Петербургской губернии. Но об этом мы расскажем позже.

Представляется, что не менее важен женский, материнский подвиг Анны Раевской-Бороздиной, который отражен в ее письмах. В них с особой очевидностью видно, что первостепенное внимание она поначалу уделила делу «собирания» семьи Раевских, семьи, на которой тяжко отразилась драма декабристов и членов которой жизнь разбросала от Сибири до Италии. Чутким сердцем Анна Михайловна поняла, как важно было наладить контакты с родственниками, которым ее не успел представить муж, и именно она становится центром сбора семьи. Род Раевских, с его историей и ныне живущими братьями и сестрами, был самым важным духовным наследством, которое она готовилась вручить мужским продолжателям рода. А пока они были малыми детьми, их еще предстояло уберечь от болезней, вырастить, обучить. В Италии, в Риме она встречается с матерью Николая Николаевича Софьей Алексеевной

Раевской и его двумя сестрами – Софьей и Еленой. В Москве она налаживает активную переписку с сестрой Николая-мл. Екатериной Орловой, вдовой Михаила Федоровича Орлова, также связанного с декабристами.

Анна Раевская и семья Волконских: сибирские узники и их возвращение

Но самой большой раной оставалась судьба сестры покойного мужа, Марии Раевской – Волконской, которая оставалась в Сибири, в ссылке. Мария Раевская, не страшась трудностей, в свои 20 лет отправилась вслед за мужем в добровольное изгнание, разделяя все лишения и невзгоды ссыльных декабристов. Ей не позволили взять с собой маленького сына, и он умер в трехлетнем возрасте. Вначале она надеялась, что ссылка продлится 5, 10, 15 лет, но конца ей не было видно, лишь смягчались условия существования для отдельных членов семьи декабриста Волконского. Шли годы, в 1830 г. в семье Волконских появляется дочь Софья (умерла во младенчестве), в 1832 г. – сын Михаил, в 1835 г. – дочь Елена (Нелли). Когда Михаил и Елена подросли, Мария Николаевна узнает о предложении Николая I отослать дочь и сына в Россию для помещения их в казенные учебные заведения и даже поменять им фамилию на «Сергеевы»; она видит в этом попытку отнять у нее детей, и этот страх становится причиной опасного заболевания. По случаю болезни жены император позволяет Сергею Волконскому, еще в 1835 г. освобожденному от каторжных работ, поселиться в Иркутске. Здесь образ жизни семьи меняется, теперь он полностью подчинен попыткам матери устроить судьбу детей. Мария Николаевна определяет сына Михаила в Иркутскую гимназию, ее главные ожидания теперь были связаны с карьерой сына. Мария Николаевна заводит в своем доме салон, принимает гостей, устраивает музыкальные и литературные вечера, расширяя таким образом светские связи. Среди них она присматривает жениха для 15-летней дочери Нелли. Выбор ее останавливается на Дмитрие Васильевиче Молчанове – он дворянин, молод, холост; состоит чиновником по особым поручениям при губернаторе Восточной Сибири Н.Н. Муравьеве-Амурском. Отец Нелли и многие из декабристского сообщества были против этого брака, причиной были молодость тогда еще 15-летней невесты, красота, ум, воспитание и происхождение которой позволяли рассчитывать на более достойную партию. Дмитрий влюблен в Нелли,

а для матери важно общение с ним сына Михаила. Это, в свою очередь, приводит к тому, что генерал-губернатор обратил внимание на способного юношу и принял его на службу в главное управление Амурского края.

Существует предположение, что, настаивая на браке дочери с Молчановым, Мария Николаевна обеспечивала своему сыну Михаилу, который в 1849 г. окончил иркутскую гимназию с золотой медалью, необходимое, перспективное для его дальнейшей блестящей карьеры, место при генерал-губернаторе Восточной Сибири. Михаил, будучи сыном «государственного преступника», не имел никаких шансов продолжить обучение в высшем учебном заведении. Свадьба Елены Волконской, уже 16-летней, состоялась 15 сентября 1850 г. А в ноябре того же года ее старший брат Михаил Волконский был определен на службу коллежским регистратором в главное управление Амурского края.

Здесь на протяжении семи последующих лет он состоял чиновником особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири графе Н.Н. Муравьеве-Амурском. В течение этих лет он дважды был командирован в Маньчжурию для переговоров по поводу отношений с Китаем; принимал участие в первых амурских экспедициях и занимался подготовкой снаряжения для них; устроил первые русские крестьянские поселения на Амуре между Мариинским постом и городом Николаевском, положив тем самым начало русскому землевладению на Дальнем Востоке. В 1853 г. Михаил был произведен в коллежские секретари. Этот гражданский чин являлся 10-м чином в Табели о рангах, давался за особые заслуги и соответствовал чину штабс-капитана (до 1884 г.).

Именно он, единственный сын декабриста Волконского, 26-го августа 1856 г., в день коронации императора Александра II, был послан в Сибирь с Высочайшим манифестом об амнистии декабристов. Согласно именному указу Александра II от того же числа, Михаилу Волконскому был возвращен княжеский титул, принадлежавший его отцу до осуждения по делу декабристов. Отцу его, Сергею Григорьевичу Волконскому, вернули только боевые награды.

Устройство судьбы Михаила и Елены Волконских влечет за собой некоторое смягчение статуса опальной семьи. В 1850 г. в Иркутск на несколько недель едет Софья Николаевна Раевская, чтобы повидать сестру Марию Волконскую и племянников. В 1853–1854 гг. происходит еще более обнадеживающее событие: сестра

Сергея Волконского Софья Григорьевна, вдова фельдмаршала Петра Михайловича Волконского, отправилась к брату в гости в Иркутск. Она пробыла там почти год и, с позволения генерал-губернатора Муравьева-Амурского, вместе с братом совершила путешествие по Сибири. Она же сообщила, что, по обнадеживающим слухам, будущий император Александр II, воспитанник Жуковского, настроен на то, чтобы даровать декабристам прощение. Чувствовалось, что время изгнания подходит к концу.

Замужней дочери теперь позволено вернуться на родину. Елена Сергеевна (1835–1916) покинула Сибирь первой из семьи Волконских, однако судьба ее складывалась трудно, что вполне позволило проявиться незаурядным чертам ее личности. В 1853 г. у Елены в браке с Д.В. Молчановым родился сын Сергей. Вскоре на Елену, на плечах которой лежит забота о больной матери, сваливается новое несчастье – муж ее обвинен сибирским промышленником Ф.П. Занадворовым в получении от него взятки в 20 тыс. руб. и отдан под суд. Дело перешло из Омска в Москву, где он содержался в тюрьме, и от всех потрясений у него развился паралич ног. Нелли, оставив маленького сына у матери в Иркутске, мечется между Москвой и Петербургом, добиваясь правосудия или по крайней мере облегчения участи больного мужа. Ей многое удается, благодаря помощи многочисленных родственников Волконских, принадлежавших к высшей петербургской знати. В судьбе Нелли, которая приходится ей родной племянницей, горячее участие принимает Анна Раевская.

1001.

А.М. Раевская – А.Н. Раевскому.

22 июля 1855 г. Москва.

Молчанов¹ только что отправлен в тюрьму (в Тюремный дом) вследствие, как мне сказали, решения комиссии, которая осудила его на ссылку в Сибирь на поселение. Нелли, я думаю, не знает об этом решении, тем не менее она очень встревожена. Не попытается ли вы быть ей в чем-то полезным: я, со своей стороны,

¹ Дмитрий Васильевич Молчанов (ум. в 1857 г.), воспитанник Императорского училища правоведения (выпуска 1842 г.), служил чиновником при сибирском генерал-губернаторе Н.Н. Муравьеве: он был женат с 15 сентября 1850 г. на Елене Сергеевне Волконской, дочери Сергея Григорьевича и княгини Марии Николаевны, урожд. Раевской. А.М. Раевская сообщает об аресте Д.В. Молчанова по делу Занадворова, окончившемуся полным оправданием Молчанова..

не могу совершить никакого демарша из-за отсутствия З.¹, Кор. и Каз. (Казначеева). Нелли у себя дома, где полиция намерена сделать обыск в ее вещах; я оставила ее лишь для того, чтобы написать вам. Давыдов пошлет эту записку с одним из ваших слуг, которому я наняла извозчика.

А. Р.

Нелли едет в Петербург хлопотать за мужа, целыми днями бегаёт по инстанциям, добиваясь справедливости; забегая вперед, скажем, что супруга ее в конце концов оправдают. Но Мария Николаевна, оставшись одна, винит себя в том, что она устроила этот злополучный брак своей красавице и умнице дочери, и болезнь ее прогрессирует. Поэтому Нелли ищет способа добиться решения другой важной проблемы – получить разрешение для больной матери приехать в Москву для консультации с врачами, с тем чтобы она могла потом возвратиться к мужу в Сибирь. С этой целью Елена Сергеевна Молчанова едет в Петербург, где обращается к императрице Марии Александровне письмом от 12 июня 1855 г., прося ее предстательства перед новым императором – Александром II. Во всеподданнейшем докладе по этому поводу граф А.Ф. Орлов писал: «Подобных случаев приезда жен государственных преступников не было, и они, на основании существующих постановлений, не могут возвращаться оттуда, доколе находятся там мужья их; впрочем, разрешение сего совершенно зависит от Вашего Императорского Величества». «Видимо, милостивое заступничество Государыни Императрицы, – писал сын княгини М.Н. Волконской, – "имело в этом случае значение, и Государь на просьбу Е.С. Молчановой соизволил", о чем граф А.Ф. Орлов уведомил министра внутренних дел отношением от 24 июня 1855 г. В начале августа 1855 г. княгиня Волконская выехала из Иркутска в Москву и, прибыв туда, поселилась вместе с дочерью»².

Здесь следует отметить, что материальные обстоятельства семьи Волконских были очень стесненными, особенно с тех пор, как скончалась мать Сергея, обер-гофмейстера императорского двора княгиня Александра Николаевна Волконская-Репнина. Именно она поддерживала до конца жизни сына и невестку как материально, так и морально, добиваясь у императора определенных

¹ Граф А.А. Закревский, московский военный генерал-губернатор.

² Записки С.Г. Волконского, С.-Пб., 1901, стр. 495.

поблажек. Государственного пособия и дохода с седьмой части имений, полагавшихся его жене и недостаточно эффективно управлявшихся братом Марии Александром Раевским не хватало. По закону ссыльнокаторжный мог заниматься только земледелием, и именно этим занялся Сергей Григорьевич. Но потомок Рюриковичей взялся за дело с умом: взял полагающийся ему надел, выписал соответствующую литературу, нанял мужиков. Занятия хлебопашеством и знаменитые оранжереи позволили ему в конце концов сколотить значительное состояние и достойно содержать семью.

Все это время Нелли в Москве находила моральную и материальную опору в лице Анны Михайловны, которая приходилась ей родной тетушкой и разделяла ее хлопоты и переживания. Вот письмо А.М. Раевской к Марии Волконской-Раевской с поздравлениями по случаю разрешения опальной княгине (для медицинской консультации) вернуться в Москву, впервые после 30 лет ссылки.

1004.

А.М. Раевская – княгине М.Н. Волконской.

Конец июля 1855, Москва.

Дорогая Мария. Я хочу поздравить вас с удачным результатом действий Нелли в вашу пользу и сказать вам, как я буду счастлива увидеть Вас и представить вам ваших племянников. Хотя здоровье Николая вынуждает меня предпринять путешествие в Италию этой осенью и я вынуждена отправиться в сентябре, но надеюсь, что вы пробудете здесь достаточно времени, чтобы мы смогли увидеться. У Нелли и ее мужа дела идут достаточно хорошо, хотя дело Д.В. (Молчанова) не может быть закончено в Москве, как мы того желали; мы все полны надежд, что оно примет другой оборот в Петербурге, куда Нелли едет хлопотать о нем.

1021.

Е.С. Молчанова – А.М. Раевской.

8 ноября 1855 г. Петербург.

(На рус. яз.)

Милая Тетя, покуда еще ровно ничего не могу вам сказать о моем здесь пребывании: радушия много со всех сторон, но ничего еще нельзя сказать, поведет ли то к чему-нибудь хорошему, или нет: обещаться легко, но исполнять труднее. – Я живу у Дурново и целый день нахожусь в разъездах.

(На франц. яз.)

...Несмотря на живой интерес, проявляемый к нам здесь, я очень одинока и скучаю, но у меня даже нет времени об этом подумать, ведь моей бедной маме и Мите (Дмитрию Молчанову) должно быть еще грустнее, чем мне, поскольку им нечем заняться. – Я пишу Вам второпях, дорогая Тетя, наполовину по-русски и наполовину по-французски, но мне так хочется вам писать, пусть хотя бы несколько строк, говорить с вами, от этого становится легче на сердце. – Письмо от Миши [Раевского. – Т. Ф.] доставило мне большое удовольствие... кончаю, я должна ему ответить. Тысячу раз целую ваши руки, моя обожаемая Тетя, еще и еще раз спасибо за все, что Вы для нас сделали.

Ваша преданная племянница Нелли

В приписке к письму (1028) Марии Волконской, адресованному Анне Михайловне Раевской, муж Нелли Дмитрий Молчанов пишет о первом появлении Нелли в Петербурге: *«Дорогая моя Тетушка, Нелли сумела привлечь со всех сторон большие симпатии, чем мы могли надеяться; она нашла способ самой читать вслух необходимые места (прошения) всем лицам, от которых зависит исход дела, или просто влиятельных, не исключая маленького кузена, который важнее всех, он принял Нелли дважды и сам пришел нанести ей визит; она этим воспользовалась, чтобы прочесть еще несколько отрывков из прошения. Дай Боже, чтобы все это могло, но, во всяком случае, как вам известно, мы готовы ко всему. Теневой друг (Ami bleu) Марии Николаевны [Волконской. – Т. Ф.], по-видимому, принимает живое участие; Нелли, при поддержке остальных, осаждает его неустанно».*

1027.

А.М. Раевская – Е.Н. Орловой.

24 ноября (6 декабря по новому стилю) 1855, Веймар.

Дорогая сестра,

пишу вам поспешно, ради okazji, которую мне предложила вел. княгиня Мария Павловна. Сегодня вечером курьер едет в С.-Петербург. Прибыв вчера поздно вечером в Веймар, я утром просила вел. княгиню принять меня. Она велела мне явиться к обеду и приняла меня весьма милостиво. Вел. княгиня вспомнила, что она видела вас как фрейлину в Петербурге, и назвала ваше имя: Екатерина Николаевна. Она просила напомнить вам об этом. Ее Высочество принимает сердечное участие во всем, что происходит

в России, с чувством говорила о своем брате, о Севастополе, об энтузиазме, который эта война возбуждает у нас, и, садясь за стол и указывая на 7–8 присутствующих лиц, сказала: «Не надо стесняться, эти господа и дамы думают так же, как и я». Узнав, что я путешествую ради здоровья одного из моих сыновей, она предложила мне отслужить Те-Деум в своей личной часовне своим капелланом. На другой день в 9 часов утра мы все присутствовали на этом молебне и потом тотчас отправились во Франкфурт.

Вслед за «собираанием родственников», точнее, эпистолярных контактов с ними, достаточно трудным и хлопотным делом оказалось собирание документов, которые также оказались рассеянными среди родственников. Сохранять знания о генеалогии рода, от Ломоносова до ее сыновей Раевских, продолжателей рода, она считала важным, в первую очередь для них. Анне Михайловне пришлось провести за границей не одну зиму, а две, по совету врача, опасавшегося, что у старшего сына Коли разовьется чахотка. Тем временем Софья Николаевна Раевская подыскивала ей дом. Был приобретен дом в Москве на Спиридоновке, который по возвращении надолго стал местом жительства А.М. Раевской.

1042.

Е.Н. Орлова – А.М. Раевской.

Сер. февр. 1856 г., Москва.

Я была очень обрадована, дорогая сестра, получив ваше письмо от 6 февраля / 20 января.

Я здесь уже восемь дней и не писала вам поскольку, после рождения моей маленькой [внучки. – Т. Ф.] Павлы не было ничего интересного в семейной хронике, о чем стоило бы сообщить. Сегодня на несколько лет приехала в свою семью Нелли, она выглядит полной надежд. Прибыл начальник Д.В. [Молчанова. – Т. Ф.], и так как против него выдвинуты обвинения, он, защищаясь, снимает вину со своего подчиненного. Так Богу угодно. Мария [М.Н. Волконская. – Т. Ф.] предвкушает счастье от скорой встречи с сыном [М.С. Волконский. – Т. Ф.]. Эти добрые надежды действуют на нее живительно, и хотя у меня хватает своих мелких забот, мое сердце отдыхает, когда я смотрю на нее. Становишься счастливой, видя, как эта разбитая жизнь улучшается, озаряется светом на старости лет.

Я сильно огорчена разочарованием моих племянников. Я считаю карнавал замечательным праздником и хотела бы, чтобы

они увидели его во всей красе, но так как времена беспокойные, я одобряю его святейшество. Убеждена, что публика с улицы Корсо много потеряла... – Моя дорогая сестра, я понимаю заботы вашего патриотического сердца, но, пожалуйста, не воспринимайте заверения газет, наносящие урон нашей чести; верьте только окончательным и официальным публикациям, объявляющим о мире! Нелли сказала нам, что в Петербурге ожидают этого в ближайшие две недели¹.

1044.

С.Н. Раевская – А.М. Раевской.

20 февраля 1856 г., Москва.

На днях, дорогая Аннет, мы имели удовольствие видеть Михаила Волконского проездом через Москву; из Иркутска он был послан курьером в Китай, в 400 верстах от Кяхты, чтобы передать и получить депеши; это было трудное путешествие верхом на лошади, в разгар зимы, имея ночлег в юрте, поставленной на снегу; в ней разводят огонь, снег тает, и ночь проводят в воде по колено. От этого он заболел и сразу по возвращении был отправлен с депешами в Петербург; таков был лучший способ дать ему вернуться в Россию. Он проделал 5300 верст за две недели и прибыл в Москву с лихорадкой и болью в горле, так что невозможно было глотать. После нескольких часов отдыха он сел на поезд в сопровождении Нелли, взявшей на себя заботу о нем. В Петербурге он поселился у Григория Волконского, который ждал его и поручил заботам Розенберга, своего врача. Через три дня Михаил должен выйти в свет и присутствовать на гала в Итальянской опере, даваемом в честь свадьбы вел. князя. Вы можете вообразить себе счастье Марии и нашу радость видеть его здесь. Он останется в Петербурге на 15 дней и вернется сюда; мы надеемся, что он получит отпуск на несколько месяцев. Николай Орлов также получил отпуск на четыре месяца, и мы ждем его со дня на день. Вас будет так не хватать на этом неожиданном собрании, дорогая Аннета, но, сожалея о вашем отсутствии, радуюсь, зная, что вы в Италии, как за Колю, так и за вас. Но постарайтесь, чтобы путешествие пошло вам на пользу, и не жертвуйте собой из любви к древностям и изящным искусствам.

Казначеев, который ждет своего сына со дня на день, принес мне деньги для вас, полученные им от Буржо; это 5000 рублей

¹ Речь идет об окончании Крымской войны.

и кое-что еще. Вместо ассигнаций он принес банковские билеты, к которым надо присоединить три билета, хранящиеся у вас, и посчитать процент, и еще письмо от Б. с некоторой суммой. Повидимому, в этом году Карасан принесет вам более 8000 рублей.

Буржо едет в Швейцарию, где устроит свою семью, оставляя Карасан заботам Вателя, и я полагаюсь на его зятя. Он рассчитывает вернуться, но надолго ли, не знаю. — Много разговоров о коронации в июне, и можно рассчитывать на помилование для ссыльных. Я не собираюсь оставаться в Москве на это время: чтобы видеть все эти прекрасные празднества, надо иметь экипаж, а также потратиться на туалеты, что я не в состоянии сделать, вот почему я уеду в деревню.

Все наши здоровы: хорошие новости от Нинетты (дочь Е.Н. Орловой), ее муж (Яшивиль) уже в пути. Нет сомнений в скором заключении мира, но неизвестны условия. Чичи (маленький сын Нелли), который уже не хочет, чтобы его так называли, и предпочитает Се(р)ежа, уже знает немало слов и говорит понятно; у него прекрасный характер, весь в отца, он капризничает только из-за того, что режутся зубки, один уже есть, а в остальном исключительно мил и разумен. — Коля и Миша ленятся писать; поймите, что мы, тетушки, не претендуем иметь по письму каждая; но мы хотим получать новости от них, по крайней мере, через Сашок (дочь А.Н. Раевского). Что касается вас, моя дорогая Аннет, то у вас к услугам секретарь, и вам не позволено писать редко.

1044.

С.Н. Раевская – А.М. Раевской.

2 марта 1856 г., Москва.

Я передала Михаилу [М.С. Волконскому. – Т. Ф.] 150 рублей, которые вы предназначили ему в подарок; он поручил мне вас благодарить и целовать ручки; эти деньги пойдут в уплату серебряных столовых приборов, которые его мать заказала сделать, поскольку у него их нет совершенно. Он не пишет вам сам, поскольку, прибыв в Петербург и едва поправившись, бросился в большой свет и его удовольствия, нельзя терять времени, идет неделя карнавала. Дважды в день он бывает на спектакле, повсюду его представляют как кузена Григория Волконского¹ и Нелли;

¹ Волконский Григорий Петрович, светлейший князь.

он не пропускает ни обеда, ни бала, ни пикника, так что каждый день у него «безумный день». Его положение и приятная внешность интересуют всех, и он имеет большой успех. Он и Нелли возвращаются сюда в конце недели. Известное вам дело (дело Д.В. Молчанова) прошло несколько фаз и теперь переходит в Государственный совет. Не буду входить в подробности, надеются, что оно продлится недолго. Вчера мы все обедали у моего брата (А.Н. Раевский) с графом Сакен (Остен-Сакен), который проездом через Москву в Петербург, где он заседает в Государственном совете в ожидании лучшего. Его жена осталась в Одессе и присоединится к нему весной. Я была очень рада снова его увидеть и нашла, что он выглядит неплохо, хотя и стал совершенно седым. Он много расспрашивал о вас и о дорогих детях. Казначевы и их интересный сын также присутствовали. Этот молодой человек мне очень понравился, и я хотела бы, чтобы Коля и Миша его увидели: он скромн, прост и мягок в обращении. Сашок, сидя напротив своего отца, рядом с Сакеном, была очень мила на протяжении всего обеда. – Катерина со дня на день ждет сына в отпуск; Нинетта (дочь) в деревне со своей семьей. Пока нет вестей о прибытии Яшвиля в Севастополь. – Три тысячи моряков, героических защитников Севастополя, прошли через Москву по пути в Крым. Генерал-губернатор, зная, купечество приветствовали их как можно лучше, и прекрасный пол вмешался, увя, устроили обед с речами (спис), которые я вам пришлю, подпишу вас на русскую газету. У нас огромным успехом пользуется новая книга «Семейная хроника» С. Аксакова, она очаровательна. Прощайте, моя дорогая Аннетт, мы вас обнимаем всей гурьбой.

1049.

С.Н. Раевская – А.М. Раевской.

Москва 20 апреля 1856.

...Нелли вернулась домой на праздники, Михаил тоже, но сегодня он уедет в Петербург; он получил крест св. Владимира, что дает ему права потомственного дворянства¹. Говорят, что дела идут хорошо².

¹ Как сын государственного преступника, М.С. Волконский тогда еще не пользовался правами своего происхождения.

² Имеются в виду хлопоты о прощении оставшихся в живых декабристов.

1052.

С.Н. Раевская – А.М. Раевской.

Москва 24 мая 1856.

Дорогая Аннет, дом Рахманова – ваш со вчерашнего дня. За дом заплачено 15 тыс.; Дмитрий Васильевич (Молчанов) пришлет вам подробности расходов и издержек на покупку и образец доверенности для ввода во владение.

В июне 1856 г. Молчанов был полностью оправдан, декабристы прощены и поляки тоже.

1057.

Е.С. Молчанова – А.М. Раевской.

12 июня 1856.

Моя горячо любимая Тетя, слава Богу, все закончилось, и закончилось замечательно хорошо, т.е. полным оправданием. Чтобы сообщить Вам это с полной уверенностью, я ждала главной подписи. Этот счастливый конец настолько поднял настроение моего мужа, что он начал выздоравливать и почувствовал облегчение в ногах. Мы все как-то теперь повеселели. Моя дорогая и добрая Тетушка, я представляю себе, какое большое удовольствие доставит эта новость именно Вам, поскольку Вы приняли поистине материнское участие в наших несчастьях, и Вы для нас истинная поддержка и утешение. Что бы я делала без Ваших советов, Вашей доброты? Тетя, тетя, я не знаю, как Вам выразить все, что я чувствую, вспоминая то, что Вы сделали для нас. Мама вся в надеждах на более счастливое будущее¹, и я верю, что на это можно надеяться. Мой малыш – прелесть, с наступлением теплой погоды он удивительно поздоровел; весь день проводит на воздухе в нашем садике и занят тем, что посыпает песком дорожки; несмотря на его маленькие ручки, он удивительно ловок.

Я очень радуюсь, дорогая Тетя, что мой брат будет иметь счастье Вас увидеть; сейчас он в Мариенбаде, где проходит шестинедельное лечение; потом он отправится в Теплиц со своим ревматизмом.

¹ Прощение декабристов.

1064.

А.М. Раевская – С.Н. Раевской.

12/22 июля 1856 г. Крейцнах.

...Теперь несколько слов о том, что меня особенно волнует и занимает в первую очередь. Шелиус (Chelius), которого я увидела по приезде сюда, сказал мне, что считает абсолютно необходимым, чтобы Николай провел вторую зиму в Риме, но не исключает, что и третья может понадобиться. Из этого следует, что я подчиняюсь необходимости провести вторую зиму в Риме. Это решение несколько не соответствует интересам Михаила, и так как его прогресс в учебе и развитии уже не вполне соответствуют моим желанием, я подумываю о том, чтобы отправить его в Москву и поместить в пансион Эннеса. Я пока в сомнениях, поскольку мне будет дорого стоить расставание с ним, но я обязана сказать самой себе да или нет в ближайшие несколько недель. Вот что меня беспокоит, как я уже сказала вам. Николай постоянно пьет воды и принимает ванны и чувствует себя хорошо, если судить по его виду. Он растет, как и Миша, они много гуляют, упражняются в стрельбе в тире, удят рыбу и совершают прогулки на осле. Что касается меня, дела идут так себе, думаю, что ванны мне не подходят, хотя врач другого мнения. Прощай, моя дорогая Софья. Больше мне нечего вам рассказать, так как я чувствую себя не в своей тарелке ни физически, ни морально.

1070.

Княгиня М.Н. Волконская – А.М. Раевской.

23 июля 1856. Москва.

Я счастлива узнать из ваших писем моим сестрам, что Коля идет на поправку; мы получаем его письма и письма Миши к Нелли с истинным удовольствием. Вы должны знать, что в настоящий момент вы получили права жительства в Москве: дом куплен, и я рада за вас и ваших детей, так как он устроен весьма удобно и будет теплым зимой. У нас все идет хорошо, вы принесли нам счастье: дело закончилось наилучшим образом, и это вы дали ход доброму мнению о моем зяте, и правда в конце концов вышла наружу. Дмитрий получил свой формуляр, где сказано, что он полностью оправдан от клеветы, возведенной на него Занадворовым. Что касается последнего, вот что он сказал: «Так как он был оправдан в других инстанциях, так его завинить нельзя».

Здесь говорят только о коронации, которая назначена на 26 августа¹ или, возможно, на 2 сентября.

Чтобы помочь Нелли забыть все ее прошлые тревоги и доказать обществу, что дело закончилось хорошо, мы хотим, чтобы она появилась в свете. Княгиня София² говорила об этом с княгиней Катишей Долгорукой и с Олсуфьевой, которые ответили, что она должна появиться вместе с дамами Москвы, которым дана привилегия быть представленными ко двору без различия ранга; иначе они не смогут иметь доступа на балы иностранных посольств, которые будут самыми любопытными. Поэтому решено, что она появится под патронажем (покровительством) Луизы Волконской³. И вот что удивительно: Александр (Раевский) согласился одолжить ей прекрасное кружево Сашок⁴, из Венеции, чтобы украсить им трен (шлейф) своей племянницы. Княгиня Луиза прислала Нелли старинное украшение с эмалью, самоцветами и мелким жемчугом для кокошника. Я, со своей стороны, заказала кружевную платформу из Парижа.

Последнее письмо от Михаила было еще из Мариенбада, он очень торопится вернуться в Иркутск⁵; он не останется здесь, чтобы участвовать в больших празднествах, что нас сильно огорчает. Его самым большим сожалением является невозможность лично представиться и выразить вам свое почтение в Крейцнахе, обнять дорогих кузенов (Колю и Мишу), которые его искренне интересуют; но, похоже, его генерал торопит его вернуться как можно скорее.

Наши все здоровы. Сережа процветает, Дмитрий в том же состоянии. Я принимаю воды Эмса, которые мне вполне подходят. Ваши люди (слуги) ведут себя превосходно, едва сомневаешься в их существовании, настолько они ведут себя спокойно. Мадам Мьевр собирается за границу на всю зиму, а может быть, и больше.

¹ Коронавание императора Александра II состоялось 26 августа.

² Светлейшая княгиня София Григорьевна Волконская, урожд. княжна Волконская, сестра декабриста С.Г. Волконского, вдова министра имп. двора князя П.М. Волконского.

³ Княгиня Луиза Леопольдовна Волконская (ум. 1 февр. 1870 г.), урожд. баронесса фон-Лиллен, жена камергера князя Волконского (1811–1878).

⁴ Александра А. Раевская.

⁵ Молодой князь Волконский пробыл в Москве до 26 августа, когда выехал в Сибирь с манифестом, заключавшим в себе, среди прочего, и прощение декабристов.

Я кончаю, так как Нелли хочет вам написать. Обнимаю вас, дорогая Аннетт, от всего сердца, как и дорогих детей.

Приписка Е.С. Молчановой.

Целую тысячу раз ваши ручки, дорогая Тетя, за ваше доброе письмо. Я дала его прочесть м-м Мьевр, чтобы она сделала необходимые распоряжения. Мы также купили дом в Новинском переулке. Но так как там идет ремонт, мы переедем не раньше ноября. Обнимаю моих кузенов. Мой муж целует ваши ручки. Сережа растет и становится все милее. Бедная Сашок все еще в лихорадке, это сильно меня беспокоит. Сегодня ее ждут в городе, и я сейчас еду туда. Надеюсь, что вы увидите Михаила.

В июне 1857 г. Мария Николаевна Волконская с дочерью Еленой (Нелли), сыном Михаилом и зятем собираются за границу, чтобы пройти курс лечения. Однако в это время на них сваливается новое несчастье. После продолжительной болезни, во многом спровоцированной судебными разбирательствами и несправедливыми обвинениями, Дмитрий Молчанов впадает в умственное помешательство и вскоре умирает. Елена, которой на тот момент было всего лишь 23 года, остается вдовой с малолетним сыном Сережей. В июне 1857 г. Казначеев пишет: «*Молчанов решительно с ума сошел. Его свидетельствовали и нашли в полном сумасшествии. Какое несчастье для молодой жены и всего семейства! Поистине смерть несчастного была бы благом для близких. Но да будет воля Божия! Надобно ей покориться христиански и сносить несчастье терпеливо и безропотно*».

1169.

М.Н. Волконская – А.М. Раевской.

8 июля 1857. Москва.

Я получила Ваше длинное и любезное письмо из Каstellамаре, моя дорогая сестра; оно наполнило мне сердце радостью при мысли о вашем скором приезде и намерении поселиться в Сокольниках... Я рада, что вы проведете за городом остаток летнего сезона. Вашему Мише пойдут на пользу свежий воздух и прогулки, у него часто бывают кровотечения из носа, иногда дважды в день. Я очень желала бы его видеть у нас во время каникул, но г-н Энесс получил другие указания по этому поводу.

...Дмитрий со дня на день становится все более безумным: он считает, что происходит от царевича Димитрия и что какие-то высокие особы должны ему вручить 140 триллиардов,

ждет императрицу, наконец, он рассказывает свои фантазии всем, кто к нему заходит; он не хочет вставать с постели и ест ужасно много. Нелли здесь поправилась, благодарение Богу; она хочет непременно вывезти Дмитрия за границу – не потому что это пойдет ему на пользу, его считают неизлечимым, но потому что мне нужен более мягкий климат: у меня признаки туберкулеза в легких, как говорит Иноземцев (врач). Я в это не верю, поскольку не кашляю и чувствую себя достаточно хорошо. Нелли объяснили невозможность путешествовать с больным, так как его не пустят ни в вагон, ни на пароход. Наконец, решили остаться до будущей весны. Это вы научите нас, как путешествовать с больным такого рода.

Мой сын прибыл; ему потребовалось всего семь дней, чтобы примчаться из Тифлиса, так он беспокоился за Нелли. Семья теперь в сборе и мы будем совершенно счастливы, когда ее дополнит Миша Р(аевский).

В апреле 1858 г. первый муж Нелли Д.С. Молчанов умирает. Она уезжает за границу с матерью, княгиней Марией Николаевной Волконской, которая остро нуждается в лечении. В Европе Волконские познакомились с молодым дипломатом Николаем Аркадьевичем Кочубеем (1827–1864), секретарем русского посольства в Константинополе. Когда-то отцы Елены и Николая в ходе войны с Наполеоном прошли путь от Смоленска до Парижа. В Париже состоялась помолвка Елены и Николая Кочубея. Они обвенчались в начале 1859 г. и отправились в имение мужа село Воронки Черниговской губернии. У них родился сын Александр (он скончался в двухлетнем возрасте); в 1863 г. родился сын Михаил (1863–1935), который и унаследовал имение отца. Его сын Сергей Михайлович воевал в рядах Добровольческой армии, в 1920 г. эмигрировал из Крыма, жил в Париже, с 1953 г. – в США. Был женат на Ирине Георгиевне Габричевской (1900–1996).

Имение Воронки стало последним приютом и местом упокоения отца и матери Елены Сергеевны (Нелли). Там же был похоронен и сам 37-летний хозяин имения Н.А. Кочубей: он угас на руках у Нелли от чахотки. В 1929–1930 гг. была разрушена церковь имения Воронки, в усыпальнице которой покоились Сергей Григорьевич и Мария Николаевна Волконские. После трагически закончившихся первого и второго браков Елены Сергеевны Волконской удачным стал лишь третий, последний брак. В 1868 г. она вышла замуж за Александра Рахманова. У супругов Рахмановых родились две дочери – Мария и Елена.

Елена Сергеевна Волконская отличалась умом, красотой и недюжинной энергией. Она заботилась о родителях, вернувшихся из сибирской ссылки и поначалу дезориентированных в столичном обществе после 30 лет изгнания. Она путешествовала по России, Европе, управляла имениями в Полтавской и Черниговской губерниях, воспитывала не только своих детей, но и приемных. Редкой красоты, живая, блестящая, обворожительная в обхождении, она была любимицей всех, кто ее окружал, до глубокой старости.

1208.

Е.С. Молчанова¹ и Н.А. Кочубей² – А.М. Раевской.

Париж 10/22 сент. 1858 г.

Моя дорогая Тетя!

Спешу сообщить Вам о том, что Вы так желали для меня, – о моем будущем браке с Николаем Кочубеем. Благоволите любезно принять Вашего будущего племянника и уделить ему ту же долю внимания, что и мне. Надеюсь, что Коля и Миша найдут в нем брата; он уже проявляет к ним большой интерес.

Мы здесь уже три дня; часть семьи Николая поджидала меня: визиты, обеды, тысяча дел, которыми я должна руководить, вызывают у меня головокружение.

Кончаю, нежно целуя Ваши ручки. Сережа (сын Нелли) часто вспоминает Вас и никогда не думает о своих больших дядюшках.

Приписка Н.А. Кочубея.

Мадам, по прочтении начала письма Нелли Вы поймете мою огромную признательность к Вам. Не откажите мне в Вашем благоволении; я знаю, сколь многим обязана Вам ваша племянница, и это лишь укрепит связи, которые должны соединить нас. Ваши сыновья, мадам, найдут во мне брата, готового полюбить их.

Примите уверения в глубоком уважении и совершенной преданности,

Н. Кочубей.

¹ Елена Сергеевна Молчанова, дочь С.Г. Волконского и княгини М.Н. Волконской, урожд. Раевская, в 1857 г. потерявшая мужа, Дмитрия Васильевича Молчанова, ум. в сумасшествии; в браке с Кочубеем с 1858 по 1865 г. Овдовев вторично, в 1868 г. вышла замуж за А.А. Рахманова.

² Николай Аркадьевич Кочубей (1827–1865), воспитанник Пажеского корпуса, выпущенный оттуда в 1847 г. к статским делам и служивший с 1849 г. секретарем при посольстве в Константинополе. В первом браке он состоял (с 1849 по 1852 г.) с Екатериной Аркадьевной Столыпиной (1824–1852).

Среди материалов пятого тома «Архива Раевских» наше внимание привлекли: переписка по поводу внесения Н.Н. и М.Н. Раевских в Дворянскую родословную книгу и других семейных дел; письма, имеющие отношение к устроенной в Москве А.М. Раевской воскресной школе, – в период всеобщего увлечения идеями этих школ (стр. 136, 194, 233, 256 и др.); переписка А.М. Раевской с неперменным секретарем Академии наук академиком К.С. Веселовским; письма академиков О.В. Струве, К.М. Бэра и А.А. Шифнера, а также письмо П.П. Спицына и письмо самой А.М. Раевской к К.К. Герцу – по поводу ее увлечения археологическими исследованиями и собиранием нумизматических и археологических коллекций; донесение самой А.М. Раевской в Московское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии о раскопках в урочище Черном (с. 705–710), равно как и переписка А.М. Раевской по поводу учреждения в 1865 г. в Московском университете «Ломоносовской стипендии Раевского», в честь и в память пращура ее сыновей – великого Ломоносова: тогда отмечалось 100-летие со дня его смерти.

Род Раевских: генеалогические разыскания Анны Раевской

Когда сыновья выросли, заботы об их здоровье и домашнем образовании уступили место размышлениям о выборе для них высшего учебного заведения. Было решено продолжить их образование в Московском университете, но, наряду с выбором факультета, не менее важным было представить документы об их происхождении. А именно, в правление Московского университета следовало представить, кроме метрических свидетельств, документ об их происхождении «из дворянского рода». Но вначале предстояло выяснить, «точно ли они приписаны к дворянству Тульской губернии, или Воронежской, или другой губернии». Этими разысканиями и занялась Анна Михайловна. О сложностях с документами свидетельствует ответ Екатерины и Софьи Раевских на ее письмо.

1199.

С.Н. Раевская и Екатерина Орлова-Раевская – А.М. Раевской.

От 30 июля 1858.

...Мой отец (Н.Н. Раевский-ст.) и мой брат (Н.Н. Раевский-мл.)¹ родились оба в Москве, но мы не знаем, в каких домах и, следовательно, в каких приходах. Мой дед² умер, не оставив завещания, и его единственный сын просто унаследовал его имущество, имевшееся в России. Я могу сделать вам легализованную копию завещания моего отца, но там речь идет только о том, что он дает дочерям Елене и мне (Софье), и никакого упоминания о братьях, которых не требовалось называть для прямого наследования имущества. Нет абсолютно никакой другой бумаги в имени Болтышка, составлявшем часть наследства, которое моя бабушка Давыдова, вдова Раевского³, получила как демуазель (девица) Самойлова, племянница князя Потемкина.

Приписка Е.Н. Орловой.

Моя дорогая Аннетт, мой отец родился в 1772 г.⁴, во время чумы в Москве. Мой брат Николай родился в 1801 г.⁵: с тех пор город был разграблен, сожжен, и нет никакого способа найти документы о крещении – о чем в те времена не слишком заботились. Генеалогия, которую вы мне когда-то показывали, относится к другой ветви Раевских (Артемичи)⁶: отцом моего отца был Николай

¹ Н.Н. Раевский-мл., метрическое свидетельство о его рождении не найдено.

² Николай Семенович Раевский, полковник Азовского пехотного полка; он умер от ран в г. Яссы, 22 апреля 1771 г., всего на 30-м году жизни. АР. – Т. 5. – С. 31.

³ Екатерина Николаевна, урожд. Самойлова, племянница князя Потемкина-Таврического и сестра генерал-прокурора, графа А.Н. Самойлова, овдовев после смерти мужа – Николая Семеновича Раевского – вышла замуж за генерал-майора Льва Денисовича Давыдова (ум. в 1801 г.); она умерла в 1825 г. Ее прошение о выделе имения ее сыну Н.Н. Раевскому-ст. см. в : АР. – Т. 4. – С. 667–672.

⁴ Н.Н. Раевский-ст. родился 14 сентября 1771 г.; чума в Москве свирепствовала не в 1772, а в 1771 г.

⁵ Н.Н. Раевский-мл. родился также 14 сентября, тоже в Москве.

⁶ То есть потомство стольника Артемия Ивановича Раевского, умершего в 1696 г. и оставившего трех сыновей: от первого из них произошел Н.Н. Раевский, а от второго – тульская ветвь Раевских. См.: В.И. Чернопятов Тульский родословец. Ч. 6. – Тула, 1909; Модзалевский Б.Л. Род Раевских. – Санкт-Петербург, 1908.

Семенович, имевший братьями Илью и Андрея. Старуха Раевская, урожд. баронесса Розен, была еще жива три года назад; Раевские (породнившиеся с Бибиковыми) могли бы сказать вам, и вы можете потребовать генеалогию, которая существовала там когда-то. Я постараюсь узнать, что может иметь на этот счет Герольдия; они записаны в шестой книге.

Анна Раевская обращается к Тржасковскому, адъютанту покойного мужа, а впоследствии управителю имениями Раевской.

1191.

А.М. Раевская – А.Ф. Тржасковскому.

(На рус. яз.)

Ни я, ни Александр Николаевич, мы вовсе не знаем, к дворянству какой губернии были приписаны муж мой и свекор мой генерал Раевский; не знаем тоже, в какой дворянской родословной книге записаны они и точно ли они где-нибудь записаны; но видя в имеющейся у меня родословной (впрочем, не засвидетельствованной), что дворянский род наших Раевских начался в России в 1526 г., я желала бы записать детей моих в шестую родословную книгу, для внесения в которую требуются доказательства, что род просителя пользуется дворянским достоинством в течение 100 лет. Но надежду мою на выполнение этого моего желания основываю я единственно на том, что, может быть, найдутся в Депутатском собрании Киевской губернии, где находится наследственное имение детей моих, или в Воронежском и Тульском, где были наследственные имения свекра моего, перешедшие во владение его дочерям, какие-нибудь документы, могущие служить подкреплением имеющимся у меня родословной и другим данным, почему я пишу к дворянским предводителям означенных трех губерний частным образом, прося их навести справки по этому делу.

Неотложность дела Анна Михайловна Раевская объясняет тем, что сыновья сдают экзамен на поступление в Московский университет, где от них потребуются документы о дворянстве. Она терпеливо пишет письма предводителям дворянства Киевской, Воронежской и, наконец, Тульской губернии, поскольку в каждой имелось одно или более имений, находившихся во владении рода Раевских.

Забегая вперед, скажем, что разыскания Анны Михайловны кончились тем, что она записала сыновей в шестую часть Дворянской родословной книги Тульской губернии, а в 1885 г. генерал-майор

Михаил Николаевич Раевский, согласно определению Тульского депутатского собрания, был внесен в шестую часть родословной книги Воронежской губернии¹.

С осени 1857 г. А.М. Раевская поселилась в Москве, на Спиридоновке, в собственном доме 404. Оба ее сына – Николай, лечение которого за границей укрепило его слабые от рождения силы, и Михаил – готовились к поступлению в университет, в который они и были приняты после вступительного экзамена на физико-математический факультет, в августе 1858 г. О четырех студенческих годах жизни братьев Раевских (1858–1862) дают представление сохранившиеся в семейном архиве документы. Любопытны в этом отношении данные о студенческих волнениях в ноябре 1858 г. – когда разыгралась так называемая «Варнековская история», в которой оба брата, а особенно пылкий Николай Николаевич, конечно, приняли участие, – как можно судить, помимо прочего, и по сохранившимся в «Архиве Раевских» студенческим листкам «Эхо» и «Свой Звонок» (с. 375 и 401).

Еще более ценны и более подробны документы о студенческих волнениях конца 1861 г., в которых Н.Н. Раевскому пришлось сыграть очень заметную роль (с. 316–396 и 410–411), как это видно, между прочим, из его показаний, данных 29 ноября 1861 г. Следственной комиссии по делу о волнениях (с. 378–393); курьезны ода по поводу полицейского подавления студенческих волнений и уличных манифестаций – так называемого Дрезденского сражения (с. 326–328) – и сочиненные неизвестным автором по тому же поводу стихи – пародия на всем тогда памятную Севастопольскую песню, в которую попало и имя Раевского (с. 364–365).

Следует отметить, что братья Раевские проявляли серьезный интерес к научным занятиям. Так, они принимали самое активное участие в издании «Библиотеки естественных и математических наук» (1859–1860). Старший сын Николай в письме матери подчеркивал, что участие в волнениях он принимал из «чувства чести» и «товарищества», но при этом занимал «умеренную позицию» и старался успокоить более радикально настроенных. Все эти события очень беспокоили мать и тетюшек.

¹ Савелов Л.М. Воронежское дворянство. – Воронеж, 1908; Чернопатов В.И. Родословец Тульского дворянства. – Тула, 1909.

В этой ситуации весьма характерны приводимые ниже письма Сергея Григорьевича Волконского, который, сознавая свою ответственность за племянников, в связи с отсутствием у юношей отца, старался охладить пыл неопытной молодежи. Он, как никто другой, имел на это право; вероятно, когда он обращался в письме к Николаю Раевскому, он думал о своей декабристской молодости и слишком высокой цене, уплаченной за участие в антиправительственном мятеже как им самим, так и его семьей.

1222.

Сергей Григорьевич¹ и княгиня М.Н. Волконские – А.М. Раевской.

16/4 января 1859. Ницца.

Дорогая сестра, несмотря на то что я в сотне лье от вас, я горячо желаю сохранить вашу дружбу мне и моей семье, и от себя и от них выражаю искренние пожелания вам и вашим сыновьям по случаю Нового года.

Адресуя вам мои пожелания, я по отношению к вам выполняю свой долг, сердечный порыв, но к поздравлениям вашим сыновьям считаю себя вправе прибавить несколько советов. Меньше вовлеченности в товарищество университетского корпуса, меньше личного выпячивания, больше сдержанности, достоинства в общественном поведении, университетском и частном, и меньше болтовни. Они носят великое имя, ставшее знаменитым благодаря их деду, и их долг – служить вам утешением, ибо вы безраздельно посвятили им свою жизнь. Молодость окружена препятствиями – и нужно, чтобы они избегали их, ради вашего спокойствия, ради самих себя. Товарищество имеет границы: это чувство не должно преобладать в горячих сердцах, оно может увлечь на ложный путь, как общественный, так и частный. Пусть мои дорогие племянники не лишают меня права давать советы, они исходят из высокого уважения к их отцу, из привязанности к ним, из моего опыта.

1214.

Е.Н. Орлова – А.М. Раевской.

13 ноября 1858 г.

Ваш ответ на мою просьбу меня сильно встревожил. Вы сами стали тому причиной, рассказав мне о бумагах, которые матушка передала моему брату, – бумагах, которые я напрасно искала. Хочу

¹ Титул князя ему не возвращен

надеяться, что когда вы переедете в ваш новый дом и распакуете вещи, вы их найдете где-нибудь и тогда подумаете обо мне.

... Одна из моих племянниц написала из Парижа своему мужу следующее: русско-польская семья, путешествуя за границей, возила с собой ящик, набитый семейными документами, секретной перепиской, возможно, несколько компрометирующего и политического характера. Этот ящик был у них украден. Вскоре после этого скандально известный Герцен опубликовал в одном из своих изданий фрагменты этой переписки. Последовал процесс и запрет на его типографию. Я порадовалась бы, если бы все так и было и если бы Герцена депортировали в какую-нибудь исправительную колонию в Англии, где я, со своей стороны, разрешила бы ему жить со своей семьей и по возможности наживать состояние.

1230.

С.Г. Волконский – А.М. Раевской.

10/22 марта 1859. Рим.

... Заверения в вашей дружбе ко мне, заверения моих дорогих племянников оценены мною. Еще раз повторяю моим дорогим племянникам, что если я веду себя с ними как ментор, то это только из преданности памяти их Отца, это из убеждения, что они должны выполнять святые обязанности по отношению к Вам, посвятившей им свою жизнь, и это благодаря знанию, которое дал мне опыт общения с людьми и делами в этом земном мире. Надеюсь, что ваши дети не увидят во мне педанта, руководителя, так как они знают, что я являюсь другом моих детей и такую же дружбу посвящаю моим племянникам Николаю и Михаилу. Пусть они принимают советы, которые я должен им дать; пусть их общественное поведение в университете будет рассудительным, пусть они проявляют разборчивость в круге знакомств; пословица гласит: «Скажи мне, с кем ты водишься, и я скажу, кто ты»; пусть они подумают об этом, пусть не ввязываются в дела без чести; пусть в каждом случае они подумают о долге в отношении вас, об утешении, которым вам обязаны; пусть они помнят об имени, которое носят, и тогда они выполнят долг сердца по отношению к вам и долг достоинства по отношению к самим себе. Во всех трудных случаях пусть они следуют советам дяди Александра, а при его отсутствии – друга их отца Казначеева. Молодость спотыкается о свои подводные камни, но они могут быть устранены теми, к кому питаешь доверие. Все эти советы я адресую вашим детям от искренне преданного им сердца.

1250.

Софья Раевская – Анне Михайловне Раевской.

3 августа 1859. Сунки.

...Я получила длинное, хорошее письмо от Сергея Григорьевича из имения Воронки. Вся семья чувствует себя хорошо, за исключением Марии (Волконской-Раевской), которая не оправилась ни от беспокойства за дочь, ни от усталости своего путешествия...

9 августа 1859 г. Нелли родила сына, который умер во младенчестве. Сергей Григорьевич пишет в письме, что навестит дочь и жену, здоровье которой сильно подорвано беспокойством, пережитым ею в Ливорно, при виде серьезного заболевания Нелли. Абсолютно необходимо, чтобы будущей весной она снова поехала за границу, так как климат Италии приносит огромную пользу ее здоровью, совершенно разрушенному ее тревогами, волнениями и ставшими причиной желтого цвета лица. Однако она поедет только в том случае, если мне позволят ее сопровождать, но получу ли я разрешение?

Научные интересы Анны Раевской и ее жертвования Московскому публичному и Румянцевскому музеям

1287.

Анна Михайловна Раевская – Софье Николаевне Раевской.

1 марта 1860 г. Москва.

Я мало бываю в свете, и мой дом готов лишь наполовину, я не даю ни обедов, ни балов. Чаще всего я посещаю публичные лекции – это почти единственное мое развлечение; там я вижу людей света (знакомых), ровно столько, сколько мне нужно: достаточно долго, чтобы сказать каждому здравствуй и прощай, и слишком мало, чтобы утомиться самой и утомить других; хорошо лишь с самыми близкими, а их у меня нет. Приятно также в семейном кругу, по меньшей мере это есть. Михаил довольно охотно ходит к своему дяде (Александру Николаевичу), но из двух племянников он менее любим, а что касается советов, то он их не просит, не будучи экспансивен, и в большинстве случаев он полагает, что лучше других знает, как поступить; кроме того, обычные насмешки его дяди и постоянное подтрунивание его кузины [Александры, Сашок. – Т. Ф.] его стесняют. Его занятия музыкой идут хорошо, и казенные занятия тоже. Все это и есть ответы на ваши вопросы.

Эти признания Анны Михайловны подготавливают к пониманию ее заметной роли в общественной и научной деятельности, причем в то время, когда женщины даже не допускались к получению высшего образования.

Сыновья подрастали, становились студентами, и заботы об их здоровье и домашнем образовании постепенно уступали место научным интересам. Годы, проведенные за границей и посвященные лечению и укреплению здоровья сыновей, дали Анне Михайловне возможность расширить свое знакомство с античными памятниками, которое все более сочеталось с собирательством. Формировался круг научных интересов, она изучала труды зарубежных ученых, переписывалась с ними по спорным вопросам.

Но вначале остановимся на участии Анны Михайловны в праздновании юбилея Ломоносова в 1863 г. Это имело для нее особое символическое значение – как память о предке семьи Раевских, ставшая основой для формирования научных интересов и вклада в науку самой А.М. Раевской, все эти годы неустанно собиравшей коллекцию древностей.

К 100-летней годовщине смерти Ломоносова готовилось торжественное заседание Академии наук. Речь была поручена академику Якову Карловичу Гроту (1812–1893). Для подготовки речи ему был передан в пользование так называемый «Портфель служебной деятельности Ломоносова», хранившийся у Екатерины Орловой. Этот документ оставался в пользовании А. Раевской, и именно в ее доме с ним имели возможность ознакомиться ученые мужи¹. Сама же Анна Михайловна решила учредить стипендию под названием «Ломоносовская стипендия Раевского», пожертвовав капитал в 4850 руб.

Празднование юбилея Ломоносова состоялось 6 апреля 1863 г. в Академической зале Академии наук. Заседание было открыто заявлением неперменного секретаря К.С. Веселовского, собиравшего об учреждении Академией наук Ломоносовской премии и о выбитии медали. «В заключение, – сказал Веселовский, долгом считаю прибавить, что вдова генерал-лейтенанта Анна Михайловна Раевская, считая Ломоносова в числе предков ее покойного мужа и желая принести дань и своего уважения к его памяти, письмом

¹ После юбилея «Портфель» находился у А.М. Раевской, что видно из записи об этом в дневнике Никитенко от 29 декабря 1865 г. // См. комментарий Б.Л. Модзалевского. АР – Т. V. – С. 457-458.

от 21 марта обратилась к президенту Академии наук с просьбою об исходатайствовании Высочайшего соизволения на учреждение, из процентов жертвуемого ею капитала в 4850 руб., стипендии в Московском университете, с тем чтобы она носила название “Ломоносовской стипендии Раевского”. На учреждение этой стипендии последовало Высочайшее соизволение»¹. Речь Я.К. Грота «Очерк академической деятельности Ломоносова» была встречена с энтузиазмом и «покрыта рукоплесканиями, – писала супруга академика Н.П. Грот. – Публика была самая многочисленная и блестящая. Были два митрополита, здеиный и киевский, несколько архиереев, множество было лент и звезд; дам было хоть и немного сравнительно с мужчинами, но все-таки довольно. Зала была битком набита. Кроме сидевших 700 человек, люди стояли стеной за стульями, вдоль окон, во всех промежутках, так что, верно, было около полутора тысяч человек. Одним словом, сколько может зала академическая вместить. Негде было упасть яблоку... Почетными гостями были из потомков Ломоносова вдова генерала Раевского с дочерью [сыновьями. – Т. Ф.], и они пожелали, чтобы Я.К. Грот был им представлен, долго с ним беседовали и горячо благодарили его за превосходную речь»².

Приведем интересное письмо, показывающее, как, с помощью друзей, знавших об научных и собирательских интересах А.М. Раевской, формировалась ее коллекция.

1189.

П.П. Спицын³ – А.М. Раевской.

(На рус. яз.)

4 июня 1858. Севастополь.

Ваше Превосходительство Анна Михайловна!

Платон Александрович Клеопин был так добр, приняв труд доставить вам коллекцию древних монет, которые я собрал уже после заключения мира; пред войной я приготовил, кроме монет, несколько древностей, но война погубила их.

¹ АР. – Т. V. – С. 458–461.

² Там же, с. 460–461.

³ Павел Петрович Спицын, участник десантов Н.Н. Раевского 1838 и 1839 гг., участник Крымской войны, вышел в отставку в чине контр-адмирала, собрал коллекцию древних монет и отправил ее Анне Михайловне. Видимо, он хорошо знал о ее интересах еще со времен, когда был жив ее муж, Николай Раевский-мл.

Прошу вас передать поклон детям вашим. Примите уверения в истинной моей преданности.

В комментарии к этому письму Б.Л. Модзалевский отмечает: «А.М. Раевская усердно собирала археологические коллекции, в том числе и нумизматическую. Любовь ее к археологии проявилась вскоре после выхода замуж, когда она, проживая в Керчи, изучала богатые собрания Керченского музея древностей. Овдовев и живя в Риме, она особенно пристрастилась к занятиям археологией, а во время пребывания в Швейцарии посетила Робенгаузен, где, под руководством профессоров, осматривала свайные постройки. Отсюда она вывезла несколько местных археологических предметов». Впоследствии Анна Михайловна совершала поездки с археологическими целями и по России, посетила Митаву для осмотра местного музея, Псков, Новгород. Знакомые ее, зная ее любовь к древностям, присылали ей предметы старины из Олонецкой губернии, из Киева, из Сибири и с Южного берега Крыма. Она сделала много пожертвований в археологические коллекции Московского публичного и Румянцевского музеев, приобретая предметы или делая слепки с тех, которые нельзя было купить (слепки эти делал известный в то время в Петербурге формовщик Гейзер). – Кроме археологии, А.М. Раевская очень интересовалась нумизматикой, собирая древние золотые монеты и медали и определяя их происхождение с помощью сведущих лиц.

Знаменательно и то, что, приобретая и изучая монеты этрусков – одного из древнейших народов Италии, сыгравшего цивилизующую роль в истории страны, – она, сама того не подозревая, фактически заложила основу этрусской нумизматики.

Путешествия по Европе обеспечили Анне Михайловне возможность ознакомления с памятниками западноевропейской первобытной археологии. Ее «наставником» в этой области стал крупный специалист тех лет – швейцарский ученый Ш.А. Морло, который ввел ее в круг проблематики изучения доисторического прошлого человечества, а также познакомил с раскопками открытых им незадолго перед тем свайных построек на швейцарских озерах. Анна Михайловна приняла не только деятельное участие в исследованиях тамошних памятников совместно с цюрихским профессором Ф. Келлером, но и сумела приобрести в свою собственность ряд редкостных находок.

Пребывание во Франции сопровождалось изучением коллекции древностей Сен-Жерменского музея, заведующим которым был в то время французский антрополог-археолог Габриэль Мортилье: с ним А.М. Раевская была хорошо знакома и выписывала издававшийся им журнал *Materiaux pour l'histoire primitive de l'homme*,

в котором Мортилье печатал много статей и заметок по доисторической археологии. Благодаря этим контактам А.М. Раевская усвоила не только идею о необходимости переноса в археологию естественно-научных представлений и их методов, но и сами принципы созданной ученым системы типологической классификации археологических находок. Более того, она расширила круг своих знакомств благодаря учителю Г. Мортилье – палеонтологу Э. Ларте.

Проведенные за рубежом годы позволили Анне Михайловне сформировать свои научные интересы, которые, как следует из архивных документов рукописного отдела Института русской литературы РАН (Пушкинского дома), помимо археологии и нумизматики, распространялись и на этнографию и антропологию. Прожив за границей пять лет, А.М. Раевская возвращается в Россию и привозит с собой собранные ею коллекции, которые впоследствии подарит отечественным музеям. Но прежде она приглашает ознакомиться с ее коллекциями видных русских ученых. Эти коллекции поражали своей систематичностью и сопровождались описаниями, основанными на внимательном изучении научной литературы.

Весьма знаменательно, что в эти годы в Москве формируются Московский публичный и Румянцевский музеи. Румянцевский музей – это крупнейшее собрание книг, рукописей, живописных произведений, монет, этнографических и исторических материалов, которое возникло как частная коллекция, частично собранная, а частично унаследованная русским дипломатом графом Н.П. Румянцевым (1754–1826). После кончины графа, в 1831–1861 гг., экспонаты музея были открыты для публичного обозрения всеми желающими в петербургском особняке Румянцева. В 1861 г. музей переведен в Москву, где вошел в состав Московского публичного музея и Румянцевского музея. Собрание периодически пополнялось за счет приобретения коллекций частных лиц.

В июле 1862 г. книжный фонд Румянцевского музея был реорганизован в библиотеку. В Москве Румянцевский музей разместили в доме Пашкова. Музей подразделялся на три отдела: живописный, гравюрный и так называемый Дашковский музей (на основе этнографической коллекции В.А. Дашкова¹, мецената и коллекционера,

¹ Один из потомков княгини Дашковой В.А. Дашков, меценат и коллекционер, в 1867 г. взял на себя финансирование этнографической выставки в московском Манеже, организованной Московским обществом любителей естествознания, пожертвовав на устройство будущей экспозиции 40 тыс. рублей. На ней среди других

которая пополнялась собраниями русских путешественников, в частности Крузенштерна и Лисянского).

В 1924 г., уже при советской власти, библиотека музея была преобразована в Государственную библиотеку СССР имени В.И. Ленина, оставшуюся в Пашковом доме. Полотна Рембрандта и других европейских художников ныне хранятся в ГМИИ им. А.С. Пушкина, собрание отечественной живописи – в Третьяковской галерее, а экспонаты Дашковского музея – в Санкт-Петербурге, в Кунсткамере и Этнографическом музее.

6 мая 1862 г. состоялось официальное открытие Московского публичного музеума и Румянцевского музеума (позднее: Московский публичный румянцевский музей, Государственный румянцевский музей). А 19 июня 1862 г. император Александр II утвердил «Положение о Московском публичном музеуме и Румянцевском музеуме». «Положение...» стало первым юридическим документом, определившим управление, структуру, направления деятельности, порядок поступления в библиотеку музеев обязательного экземпляра, штатное расписание впервые создаваемого в Москве общедоступного музея с публичной библиотекой, входившей в состав этого музея. Первым директором объединенного музея стал Николай Васильевич Исаков (1862–1863): ему принадлежат проникновенные слова: «Румянцевский музей создавался в Москве так, как создаются храмы Божии, – без всяких средств, только жертвами милостивцев».

Главным меценатом музея на раннем этапе стал император Александр II. От него поступило много книг и большое собрание гравюр из Эрмитажа, три декоративные чаши уральской работы, две вазы (фарфор с бронзой) и круглая малахитовая столешница диаметром около 70 см. Через некоторое время музей получил от императора богатую коллекцию живописи (более 200 полотен) западноевропейских художников из собрания

предметов старины была впервые представлена его личная этнографическая коллекция, которая легла в основу Музея русской этнографии (первоначально – отделение Румянцевского музея). Коллекция музея состояла из 288 художественно исполненных манекенов, изображавших представителей племен России и славянских земель, до 450 костюмов, до 1200 предметов домашнего быта и до 2000 рисунков и фотографий. По заказу Дашкова были выполнены и раскрашены фотографические снимки крупных размеров со всех манекенов, входящих в состав музея, и таким образом составлен единственный в своем роде альбом народностей России и славянских земель. 6 апреля 1867 г., во время посещения выставки императором Александром II, В.А. Дашков был пожалован орденом Святого Станислава 1-й степени.

Эрмитажа. Среди них была картина «Артаксеркс, Аман и Эсфирь». Принадлежность ее кисти Рембрандта была установлена уже в Москве, в Румянцевском музее. Самым крупным даром императора была знаменитая картина художника А.А. Иванова «Явление Христа народу» – гигантское полотно (5,4 x 7,5 метров) – и этюды к нему, специально для Румянцевского музея приобретенные у наследников художника за 15 тыс. рублей золотом.

Румянцевский музей в период своего существования – уникальный пример собирания культурного наследия на основе частной инициативы коллекционеров, дарителей, меценатов, в число которых вошли государственные деятели, члены императорской семьи, деятели культуры, представители различных сословий российского общества. Благодаря «высочайшему почину» самого императора музей до революции не знал недостатка в подарках и пожертвованиях. Среди дарителей – члены императорской семьи, графиня Уварова, наследники архитектора Н. Львова, братья Мухановы, академик гравюры Н. Мосолов, В. Трофимович, И. Свешников и мн. др. Но денежные средства собственно музея были более чем скромными.

В этот-то музей (в то время – музеи) и поступит основная часть собраний А.М. Раевской, а сама она будет избрана почетным членом этих музеев.. Но поначалу следовало решить проблему перевозки коллекций на родину и уладить вопросы с таможенной.

1468.

О.В. Струве¹ – К.С. Веселовскому².

Вейто (Veitau), 1864, 29 ноября.

Мой дорогой друг,

мадам Раевская, собравшая очень интересную коллекцию древностей, извлеченных из свайных построек и других, которые она желает подарить музеям нашего отечества, оказала мне честь просить моего мнения о том, как перевезти эти предметы в Россию, не подвергая их риску ущерба со стороны таможи. Будучи убежден, что всецело в интересах Академии наук служить посредником в подобных случаях, я посоветовал ей направить ящики непосредственно в академию и теперь прошу вас дать необходимые

¹ Отто Васильевич Струве (1819–1905) – академик, знаменитый астроном, директор Пулковской обсерватории.

² Константин Степанович Веселовский (1819–1901) – академик и непреходящий секретарь Императорской академии наук.

указания относительно того, чтобы таможня рассматривала их со всяческой осторожностью и затем отправила их в музей Академии вплоть до прибытия м-м Раевской в январе. Я полагаю также, что владелица этой коллекции проконсультирует нашего почтенного Баера (Бэр)¹ о ее содержании и наилучшем употреблении.

Впоследствии Бэр, осмотрев это собрание, назовет его «драгоценным». За свои пожертвования Московскому публичному музею Раевская была избрана его почетным членом.

Когда председатель Московского археологического общества граф А.С. Уваров ознакомился с коллекцией, включавшей подлинные раритеты, оценив систематическое их размещение в экспозиции по историческим периодам, он предложил правлению включить в свой состав А.М. Раевскую. 14 февраля 1872 г. А.М. Раевская единогласно была избрана членом-корреспондентом Московского археологического общества. Основную часть своего собрания она подарила Московскому публичному и Румянцевскому музеям. В наши дни эти коллекции хранятся в Государственном историческом музее Москвы. Одним из наиболее значимых для истории археологии фактов биографии А.М. Раевской является приобретение ею на свои средства в декабре 1866 г. при посредничестве Ш.А. Морло Дневника раскопок всемирно известного могильника эпохи раннего железа – Гальштатского, – который достался российской покупательнице от его составителя: обратившийся к занятиям археологией австрийский горный мастер Дж.Г. Рамзауэр был наставником нашей героини в области изучения памятников этого исторического периода (конец II – начало I тысячелетия до н. э.). Вместе с ним Анна Михайловна приобрела и приложенный к нему атлас из авторских рисунков около 1000 погребальных комплексов с разнотипными погребальными обрядами. Но еще более показательным следует назвать содействие Анны Михайловны знаменитой научной экспедиции Н.Н. Миклухо-Маклая на острова Новой Гвинеи, половину бюджета которой она профинансировала из своих личных средств. После этого, наряду с членством в Археологическом обществе, она стала деятельной участницей Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, а также действительным членом Русского географического общества.

¹ Карл Максимович Бэр (1792–1876) – академик, знаменитый зоолог, почетный член Академии наук.

Биография-некролог А.М. Раевской был написан известным археологом-антропологом, академиком Д.Н. Анучиным, напечатан в «Трудах антропологического Отдела Общества любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии»¹,

«Анна Михайловна Раевская, урожд. Бороздина (1820–1883), лишилась матери в очень нежном возрасте и получила тщательное домашнее образование; между прочим, ей давал уроки профессор Остроградский, который удивлялся ее замечательным способностям в математике. 18-ти лет она вышла замуж за генерала Николая Николаевича Раевского, состоявшего начальником Черноморской береговой линии. Молодые должны были поселиться в Керчи, где впервые Анна Михайловна познакомилась с раскопками курганов, которыми так изобилует Керчь. Овдовев после четырех лет супружества, молодая вдова уехала вместе со своими малолетними сыновьями в Италию, где прожила почти 5 лет безвыездно в Риме. Несомненно, что памятники античного мира произвели сильное впечатление на молодую женщину, которая, по возвращении в Россию, заметно стала интересоваться нумизматикой и археологией. Она была в переписке со многими заграничными и отечественными учеными, из коих профессор Морло обстоятельно познакомил ее со свайными постройками в Швейцарии и вообще с культурой доисторического человека. Из отечественных ученых она была очень хорошо знакома с Бэром, который руководил ею при ее путешествиях по Прибалтийскому краю и Финляндии с целями этнографическими и антропологическими. Анна Михайловна собирала коллекции во время своих путешествий как по России, так и за границей. Слепки с подлинников ей готовил некто г-н Гейзер. Следует прибавить, что Анна Михайловна Раевская была женщиной выдающегося ума, и притом аналитического, так редко встречающегося у женщин. Она дала прекрасное образование своим обоим сыновьям, которые готовились дома к поступлению в Московский университет, причем видную роль в домашнем образовании молодых Раевский играл Тимофей Николаевич Грановский. Оба сына Анны Михайловны кончили курс кандидатами Московского университета. Старший, Николай, был естественником, а младший, Михаил, – математиком. – Скончалась Анна Михайловна Раевская в Петербурге, в 1883 году, от рака. – Составленная А.М. Раевской коллекция

¹ Труды антропологического Отдела Общества любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии. Т. 18, вып. 1, 2, 3. М., 1897, стр. 503–514.

слепков обнимает около 180 №№. [экземпляров. – Т. Ф.]. Кроме слепков ею собирались и подлинные древности, причем она пользовалась содействием: для Финляндии – г. Игнациуса, для Олонецкой губ. – г. Лерха, для Керчи – г. Люценко, для Гальштадтского могильника в Австрии – г. Рамзауэра. Переданное после ее смерти, согласно ее воле, в Общество любителей естествознания включает в себе хорошую коллекцию гальштадтских древностей, большое собрание каменных орудий из Олонецкого края, вещи из греческих могил в Керчи, из курганов Киевской губернии и т.д. Покойная занималась также раскопками курганов Петербургской губернии: в бытность свою в Неаполе приобрела хорошую минералогическую коллекцию по Везувию, а в Германии составила ценное собрание ископаемых аммонитов. Своими слепками с археологических предметов А.М. обогатила многие русские и иностранные музеи, и вообще она принимала живое участие в том интересе к археологии, который проявился к этой науке на Западе и у нас в 60-е годы».

Отчет Московского публичного и Румянцевского музеев¹ за 1867–1869 гг. содержит многократные упоминания имени А.М. Раевской, которая жертвовала музеям книги, монеты, а особенно доисторические древности. Предоставим слово самой А.Раевской, которая, рекомендуя музеям свою коллекцию, собранную за рубежом во время пребывания в Европе в 1844–1852 гг., подчеркивает, что при ее составлении пользовалась помощью и советами видных ученых в Париже, Германии и Швейцарии.

1478.

А.М. Раевская – К.К. Герцу.

7 апреля 1865 г. Петербург.

Эта небольшая коллекция была сформирована благодаря помощи и советам компетентных людей, которых я встречала в Германии и в Париже. Назову их по порядку: доктор Руссель, археолог, – Висбаден; Ф. Келлер, Морло, Форе, Руттимейер и Шваб – в Швейцарии, Ларте и Мортилье – в Париже. Назову также доктора Дезора из Невшателя, который дал мне два экземпляра своего труда «Озерные жилища на озере Невшатель», которые пришли вместе с другими интересными книгами.

¹ Отчет Московского публичного и Румянцевского музеев за 1867–1869 гг. – Москва, 1871.

Из отчета, например, следует, что «Московский публичный Музей обязан почти исключительно просвещенному содействию известной собирательницы, Анны Михайловны Раевской, всею имеющейся у него коллекцией доисторических древностей Франции. Положив начало этой коллекции своим пожертвованием еще в 1865 г., впоследствии она значительно пополнила оставшиеся пробелы, и таким образом составилось собрание, которое может дать довольно ясное понятие о различных периодах доисторической древности французской почвы. Собрание это состоит частью из подлинников, частью из превосходно исполненных копий». В отчете также говорится: «По поводу обозрения доисторических древностей Германии мы снова должны с признательностью упомянуть о пожертвованиях г-жи Раевской, положивших начало и этому собранию. Еще в 1865 г. ею были принесены в дар предметы, найденные преимущественно в окрестностях Висбадена: тесанные плоские топоры, общей формы с швейцарскими и нашими литовскими, два каменных долотца, часть оленьего рога и несколько черепков глиняных горшков». «В 1867 г. г-жа Раевская дополнила свою коллекцию подлинников исполненными в силу оригиналов копиями, снятыми с замечательнейших предметов доисторической древности Германии, найденных в Майнце и его окрестностях, в Гиллсгейме (Рейнгессен) и в других местах. Они относятся большею частью уже к железному веку. Бронзовые пальставы и кельты, сильно отступая от первобытных форм, представляют большое разнообразие. Переход от бронзы к железу виден здесь не только в металле кинжала, найденного в Баварии, у которого при железном клинке рукоять и ножны бронзовые, но и в самой форме рукояти с завитками, загнутыми внутрь. Копии эти помещены в горизонтальном отделе витрины». В отделе доисторических древностей Швеции были также «копии с каменных и бронзовых орудий Скандинавии, исполненные, для музея, по заказу г-жи Раевской, с оригинала Царскосельского арсенала». В отделе древностей Прибалтийских губерний А.М. Раевская в 1870 г. пожертвовала «несколько подлинников копий, стрел и топориков, найденных в Лифляндии». В отделе древностей Северо-Западных губерний России тоже была витрина с воспроизведениями древностей, найденных исключительно на русской почве. Кроме слепков Раевская жертвовала музею и подлинники – например, ряд вещей, найденных в Германии и относящихся к Римскому периоду, – образцы железного оружия, глиняные вазы и т.п. В 1866 и 1870 гг. А.М. Раевская не переставала обогащать музеи своими пожертвованиями: так, в Отчете

музеев за 1866 г. (М., 1898) упомянуто с особой признательностью, «что А.М. Раевская неослабно продолжает пополнять подаренное ею музею собрание книг по так называемым древностям и что в течение 1866 года поступило от нее 13 брошюр новейших по этой части изданий», а на стр. 83–85 дан подробный перечень 23 древних предметов из глины, стекла, бронзы и камня, вывезенных А.М. Раевской из Италии и пожертвованных музею, а также 40 слепков. «Это собрание, – говорится в отчете, – составляет весьма важное дополнение к коллекции древностей, принесенной в дар музею просвещенною нашею соотечественницей в 1865 г. За невозможностью иметь оригиналы, превосходные слепки г-жи Раевской знакомят посетителей музея не только с сокровищами других собраний, но и с такими формами доисторических орудий и инструментов, которые до сих пор не находились в нашем собрании».

За все эти щедрые пожертвования А.М. Раевская и была выбрана в октябре 1872 г. в почетные члены Московского публичного и Румянцевского музеев¹.

Приношения А.М. Раевской были описаны в особой брошюре, отчасти составленной, отчасти переведенной с французского оригинала, в изложении самой Раевской, П.И. Лерхом².

С 13 мая 1866 г. А.М. Раевская была непременно членом Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, от которого она получила 14 июля 1867 г. «глубокую признательность за то содействие, которое было оказано ею при устройстве Русской этнографической выставки 1867 г. принесением в дар исполненной личными стараниями ее коллекции слепков с каменных и бронзовых орудий, найденных в России, и обогащением выставки и музея различными этнографическими предметами». Участие А.М. Раевской в Русской этнографической выставке 1867 г. обозначило важное направление ее интересов в области этнографии и антропологии. Здесь они пересеклись с интересами выдающегося исследователя и путешественника Миклухо-Маклая. Миклухо-Маклай мечтал о том, чтобы весь земной шар был покрыт сетью биологических станций. Такие станции должны были служить вре-

¹ А.М. Раевская являлась также почетным членом Archaeologického Sboru Musea Kralovství Ceskeго с 30 августа 1869 г.; почетным членом Das Kurlandische Provinzial-Museum с 27 апреля 1870 г.

² Каталог древностей, собранных во Франции, Швейцарии, Германии и принесенных в дар Московскому Публичному Музею А.М. Раевской. – Санкт-Петербург, 1865.

менным пристанищем для ученых: здесь они могли бы проводить эксперименты и исследования, собирать научный материал, а затем при необходимости перемещаться на следующую станцию и т.д. Эту идею Миклухо-Маклай высказал в 1869 г. на 2-м съезде русских естествоиспытателей и врачей в Москве. Идея была поддержана, и съезд вынес решение об организации биологической станции на крымском побережье – в Севастополе. В 1871 г. Севастопольская биологическая станция начала свою работу, став первой в России и Европе и третьей в мире¹.

Поистине, пути коллекционера и научного исследователя неисповедимы. Поначалу решение Миклухо-Маклая посвятить себя изучению аборигенов Полинезии многим в то время казалось нелогичным и неожиданным. Действительно, когда в 1869 г. прошедший обучение в Европе и уже побывавший в экспедициях молодой зоолог вернулся в Россию, его воспринимали как специалиста по морской фауне, автора нескольких работ в этой сфере.

И вдруг успешный молодой морской зоолог начинает поиски средств для организации экспедиции по изучению аборигенов Полинезии. План экспедиции в Тихий океан Николай Миклухо-Маклай подал в начале октября 1869 г., буквально через пару месяцев после возвращения на родину. И уже 28 октября совет Русского географического общества постановил «принять план г-на Маклая, включающий не только исследования животных, но и антрополого-этнографические наблюдения».

Анне Раевской, в отличие от многих, переход от создания научной станции для изучения морской фауны в Севастополе к экспедиции в Тихий океан для антрополого-этнографических наблюдений аборигенов Полинезии не показался чересчур парадоксальным. Об этом свидетельствует ее ранний интерес к памятникам первобытной истории человечества. Тем более что для нее, проводившей значительную часть жизни в своих крымских имениях, ранняя известность Миклухо-Маклая в Крыму как инициатора создания

¹ В 1892 г. станция была передана в Императорскую академию наук, и ей были выделены средства на строительство собственного здания с морским аквариумом. Здание, спроектированное архитектором Вейзенем в стиле классического ренессанса и построенное на берегу Севастопольской бухты, стало украшением города. Переезд станции в новое здание и открытие аквариума состоялись осенью 1897 г. Наряду с обитателями Черного моря, в аквариуме имелись и представители фауны Средиземного и Мраморного морей. Кстати, в будущем на ее базе появится Институт биологии южных морей, благополучно действующий по сей день.

биологической станции в Севастополе¹ не могла не привлечь внимание к следующей его инициативе антропологических исследований на островах Полинезии.

Поэтому неожиданным, но отнюдь не случайным, а весьма знаменательным можно назвать содействие Анны Михайловны продолжению знаменитой научной экспедиции Н.Н. Миклухо-Маклая на острова Новой Гвинеи, половину бюджета которой она профинансировала из своих личных средств. Этот подарок Русскому географическому обществу в виде денежного пожертвования на расходы по продолжению австралийского путешествия Миклухо-Маклая был сделан А.М. Раевской в 1879 г. После этого с 3 ноября 1882 г. она стала членом-соревнователем Императорского Русского географического общества, а затем и его действительным членом.

Пребывание за границей дало А.М. Раевской возможность ознакомиться с работой профессиональных археологов. Накопив достаточно знаний в области археологии, Анна Михайловна занялась самостоятельным проведением раскопок в своих имениях в Петербургской, Воронежской губернии и в Крыму. Петербургский академик К.Э. фон Бэр, который знакомил ее с основами антропологии и этнографии, руководил ее экспедицией в Прибалтийский край. Там, в середине 1860-х годов А.М. Раевская организовала раскопки средневекового кладбища в урочище Черном близ д. Усть-Рудица в Петергофском уезде. Качества подлинного ценителя этнографических предметов А.М. Раевская проявила, обратив внимание на культуру коренного населения – «ингров» (ижор), проживавшего в окрестностях ее имения в Петербургской губернии. В близлежащих деревнях Малое и Большое Шишкино, Гурово (Ломоносово), Косково она приобрела большую этнографическую коллекцию, основу которой составили предметы быта и одежда. Археологические находки и вещи, приобретенные благодаря коллекционерскому поиску, составили основу фондов созданного А.Раевской частного археологического музея, который, по словам академика К. Бэра, представлял собой настоящее сокровище. Ее собрание, насчитывающее около 25 тыс. экспонатов, и систематизация коллекций были столь безупречны, что председатель Московского археологического общества граф А.С. Уваров, познакомившись с ним, 14 февраля 1872 г. принял А.М. Раевскую в члены-корреспонденты.

В течение многих лет А.М. Раевская была активным сотрудником Московского общества любителей естествознания, антропо-

¹ Источник: <http://www.krimoved-library.ru/books/raevskie-i-krim10.html>

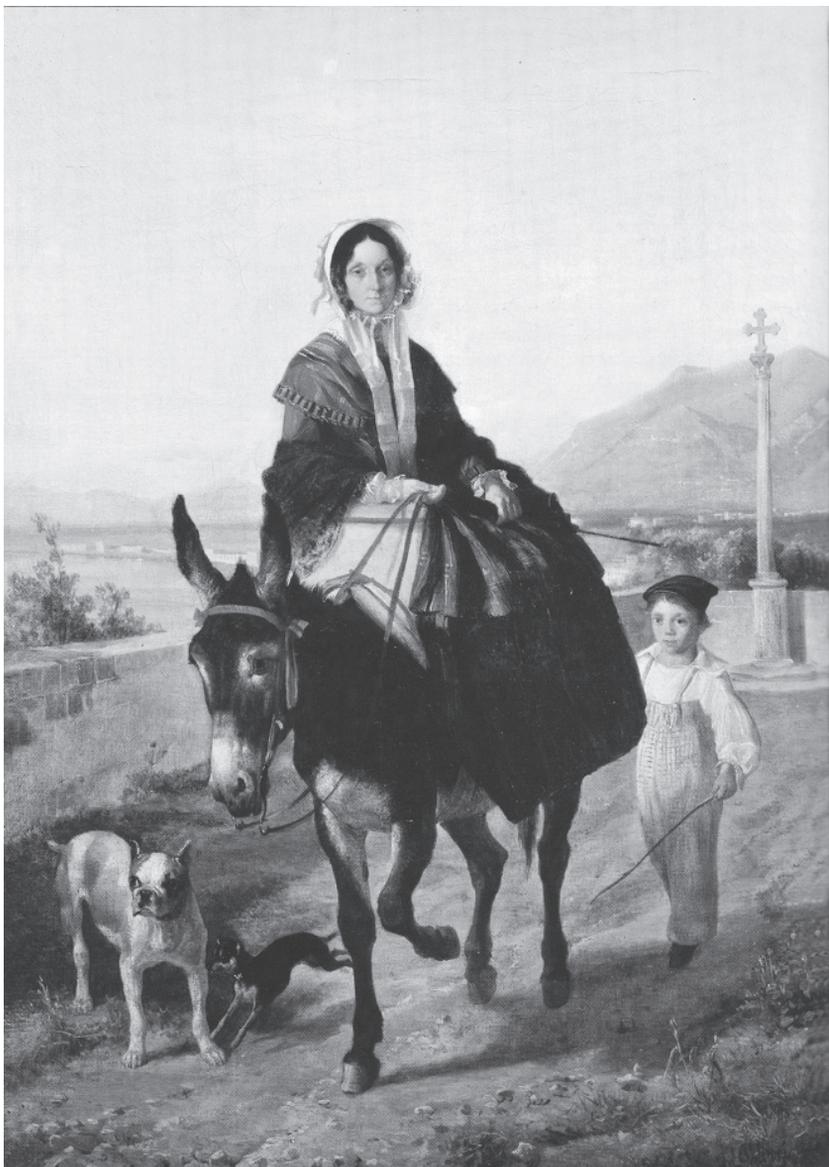
логии и этнографии, председатель которого Д.Н. Анучин относился к ней с большим уважением.

В Петербурге она продолжила свои научные штудии, на этот раз в русле интереса к этнографии и этногенетической истории славян и их соседей. В фамильном архиве Раевских (хранится также в рукописном отделе Пушкинского дома) сохранились ее записи и статьи по вопросам археологии степи и лесостепи Европы, дополнявшиеся историко-географическими картами, планами и рисунками важнейших археологических памятников и предметов быта. При этом наиболее ценной частью архива следует признать переписку Раевской с известными учеными России, руководившими ее занятиями археологией. Из нее следует, что освоением антропологии и этнографии она занималась под руководством петербургского академика К. Бэра, по плану которого осуществила экспедиционное путешествие по Прибалтийскому краю. По древностям Финляндии ее консультировал Игнациус, а по древностям Олонецкой губернии – крупный археолог и востоковед, иранист П.И. Лерх. В области славянской археологии ее наставником стал чешский ученый В. Ганка.

Не оставляла Анна Михайловна без внимания и памятники античной древности. Профессор Московского университета П.М. Леонтьев, директора Керченского музея А.Б. Ашик и А.Е. Люценко ровно четверть века курировали ее занятия в области археологии, эпиграфики и нумизматики Северного Причерноморья. Приобретение достаточной квалификации в области археологического знания обеспечило для А.М. Раевской проведение самостоятельных раскопок в своих многочисленных имениях, от Петербурга до Воронежской губернии и Крыма. Археологические находки и вещи, приобретаемые ею благодаря коллекционерскому поиску для своей коллекции древностей, составили основу фондов созданного ею частного археологического музея. По словам академика К. Бэра, он представлял собой настоящее сокровище.

А.М. Раевская скончалась в 1883 г. в Петербурге, но была похоронена на воронежской земле, в своем родовом имении Красное, рядом с мужем Н.Н. Раевским-мл. Во всяком случае, существует соответствующее завещание с ее пожеланием быть захороненной рядом с ним в склепе Архангельской церкви (не так давно энтузиасту воронежского краеведения Н. Чаплиевой удалось обнаружить остатки их могил в разрушенном склепе позапрошлого века)¹.

¹ Источник: Коммуна. – Воронеж. – 2011. – № 8 (25636), 21.01.

А.М. Раевская в Каstellамаре, Италия.
Худ. Фр. Палицци, 1846 г.

Раевские, дети Николай и Михаил, в Каstellамаре, Италия.
Худ. Фр. Палицци, 1846 г.

Т.М. Фадеева

**В КРЫМСКОМ ИЗГНАНИИ.
Н.Н. РАЕВСКИЙ-мл. и М.С. ВОРОНЦОВ
В ПИСЬМАХ И В ЖИЗНИ.
1834–1844 гг.**

По материалам «АРХИВА РАЕВСКИХ»

Монография

Оформление обложки И.А. Михеев

Верстка А.М. Первова

Корректор Я.А. Кузьменко

Подписано к печати 13.01.2023

Формат 60×84/16 Бум. офсетная № 1

Печать офсетная Свободная цена

Усл. печ. л. 12 Уч.-изд. л. 9

Тираж 300 экз. (1–100 экз. – 1-й завод)

Заказ № 109

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН**

Нахимовский пр-кт, д. 51/21,

Москва, 117418

Отдел печати и распространения изданий

Тел.: +7 (925) 517-36-91, +7 (499) 134-03-96

e-mail: shop@inion.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН

ООО «Амирит»

410004, Саратовская обл., г. Саратов,

ул. Чернышевского, д. 88, литера У